

Б. В. Зейгарник

ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ в зарубежной психологии

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Б. В. Зейгарник

ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ в зарубежной психологии

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология»

Издательство
Московского
университета
1982

Рецензенты:

доктор медицинских наук, профессор М. В. Коркина,
кандидат психологических наук М. М. Коченов

Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982, с. 128.

В учебном пособии дается изложение и критический анализ основных направлений теорий личности в зарубежной психологии: фрейдизма и неопрейдизма (К. Хорни, Г. Салливан, Э. Фромм); «гуманистической психологии» (К. Роджерс, Г. Олпорт, А. Маслоу); представителей экзистенциализма и «понимающей психологии» Э. Шпрангера; специальный раздел посвящен передовым тенденциям в зарубежной психологии П. Жане, Ж. Ньюттен) и психологам-марксистам за рубежом (Ж. Политцер, Л. Сэв).

Рассчитана на студентов-психологов, философов и педагогов.

3 $\frac{0304000000-076}{077 (020-82)}$ 24-82

Данная книга отражает содержание курса лекций, читаемых автором на протяжении многих лет на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, и является в известной степени продолжением опубликованной монографии «Теория личности Курта Левина» [23].

Хотя упомянутая книга была нацелена на критическое осмысление именно теории личности в школе К. Левина (как отражение школы гештальтпсихологии), но уже в ней было показано, что теория К. Левина выступила как одно из проявлений протеста против традиционной ассоциативной схоластической психологии. Эта теория, как и другие, о которых пойдет речь в предлагаемой книге, была порождена так называемым «открытым кризисом» и не могла, как справедливо указывает А. Н. Ждан, вывести из тупика психологию: «...кризисное состояние характерно для зарубежной психологии практически на всем протяжении ее существования и является следствием недостаточности ее методологических основ» [18, 6]. Об этом же в свое время писал Л. С. Выготский: «Беря все направления в их исторических границах, во всем том, что они были призваны сделать и что они могли завершить, оставаясь сами собою, я хотел указать на их внутреннюю ограниченность и невозможность выйти за пределы кризиса, преодоление которого все эти направления ставят своей задачей. Очевидно, круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения» [14, 480—481]. О методологическом характере кризиса пишет и П. Я. Гальперин, указывая, что вся история классической буржуазной психологии «свидетельствует о том, что уже вскоре после завершения общей конструкции ее сторонники стали испытывать сомнения в ее научной состоятельности. Сомнения затрагивали разные стороны системы, но в конечном счете роковым для нее оказался вопрос о возможности объективного исследования явлений сознания» [17, 14].

Особенно четко выступает методологический аспект кризисного состояния в психологии личности, и это не случайно, ибо именно в этой области психологической науки с осо-

бой остротой встает вопрос о сущности человеческой личности. Это положение нашло свое обоснование в работе французского психолога-марксиста Л. Сэва: «Теория личности, важная до крайней степени, существует согласно мнению специалистов не только на почве и в пределах психологии, она имеет универсальное значение для настоящего и будущего людей» [39, 38].

В рамках зарубежной психологии личность человека выступает не как продукт общественных отношений, а как некоторая самостоятельная субстанция, из себя возникающая. В разных теориях это положение, как мы увидим ниже, по-разному трактуется. Оно связывается с проблемой самосознания, с проблемой самооценки, с проблемой оценки своего внешнего образа и т. п.

По этой проблеме накоплен большой экспериментальный материал, однако, как правильно указывал А. Н. Леонтьев, самосознание не есть лишь знание о себе. Оно является не только системой приобретенных знаний. А. Н. Леонтьев утверждал: «Ему (осознанию себя. — Б. З.) свойственно внутреннее движение, отражающее движение самой реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует» [27, 227]. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что Маркс заканчивает свое знаменитое положение о том, что человек смотрится, как в зеркало, в другого человека, и, лишь относясь к нему как к себе подобному, он начинает относиться и к себе как к человеку, словами: «Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек» [3, 23, 62]. И далее А. Н. Леонтьев отмечал, что «родовое существо означает у Маркса не биологический вид *Homo sapiens*, а человеческое общество» [27, 230].

Исходя из этих общих положений марксистско-ленинской философии, советские психологи (несмотря на некоторые нюансы в их положениях), считают, что в качестве стержня личности человека выступают мотивы и цели его деятельности. А. Н. Леонтьев говорил о том, что основной узловым вопросом о становлении личности превращается в вопрос о том, как мотивы (побуждения), обусловленные теми или иными обстоятельствами, превращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность [27, 134]. Он прямо указывал, что основная структура личности «представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий». Он полагал, что можно выделить три параметра в строении личности: «широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и общую их структуру» [27, 223—224].

Л. И. Божович выдвигает в качестве центрального ядра личности направленность ее мотивов, которая не определя-

ется врожденными факторами, а формируется на последующих этапах жизнедеятельности ребенка [13].

Таким образом, все представители советской психологии по-разному и с разными нюансами исходят из основного положения марксистской философии о том, что личность человека обусловлена общественными условиями, но при этом личность не является простой проекцией этих условий, она сама их создает и творит.

Протест против функциональной психологии был вызван не только чисто методологическими соображениями. Запросы практики, особенно медицинской, где на первый план выступает забота о человеке, о его здоровье, не только соматическом, но и психическом, способствовали борьбе с функциональной психологией, в которой личность человека оставалась «за бортом». Не случайно среди представителей разбираемых нами ниже теорий было много психиатров, которые «отпочковались» от психиатрии как медицинской науки и стали по существу заниматься вопросами психологии, направили свои усилия на изучение личности человека.

Мы не могли из-за небольшого объема книги осветить все течения и теории личности, существующие в зарубежной психологии, и остановились лишь на некоторых из них.

При выборе материала мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, старались осветить те теории, которые оказались наиболее значимыми в развитии психологии личности; во-вторых, теории, данные которых были привлечены и при решении практических задач, критика которых представляется особенно важной; в-третьих, исходя из того, что книга является учебным пособием, мы стремились шире осветить воззрения тех психологов, труды которых не переведены на русский язык. Этим объясняется, в частности, и факт неравномерного изложения содержания той или иной теории и извлечение подробных цитат из трудов некоторых авторов (например, Э. Шпрангера).

Автору хотелось дать биографическую справку о представителе той или иной теории, однако это потребовало бы значительного увеличения объема книги, поэтому пришлось такие биографические справки дать только тогда, когда они либо отражали периодизацию взглядов автора, либо оттеняли его методологические позиции.

Некоторые разделы курса не вошли в книгу.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ ФРЕЙДИЗМА И НЕОФРЕЙДИЗМА

ТЕОРИЯ 3. ФРЕЙДА

Одной из наиболее распространенных теорий, которая до сих пор оказывает влияние на психологию личности, является фрейдизм и его разновидность — неопрейдизм.

3. Фрейд (1856—1939), австрийский психиатр, занимался психотерапевтической практикой в Вене. После присоединения Австрии к нацистской Германии он вынужден был эмигрировать в Лондон, где и умер.

3. Фрейд работал в клинике знаменитого французского невролога Шарко в Сальпетриере (Париж) и клинике Бернгейма в Нанси, где познакомился с терапией психозов. С начала 90-х годов 3. Фрейд работал вместе с Брейером, применяя метод гипнотического катарсиса. В труде «Исследования истерии» (1895) Фрейд и Брейер изложили свои взгляды, которые заключались в том, что невроз представляет собой патологическое функционирование «ущемленных аффектов», задержанных в бессознательной области переживаний. Во время гипноза пациент переживает их вновь и тем самым от них избавляется.

Впоследствии 3. Фрейд отошел от практики гипнотического внушения и перешел к исследованию и интерпретации сновидений, свободно возникающих ассоциаций, оговорок, забывания. Толкование этого материала 3. Фрейд назвал методом психоанализа. В нем он усматривал новый метод, «технику» психотерапии. Центральным звеном этой терапии 3. Фрейд считал выявление бессознательного. Фрейд отмечал, что существуют силы, которые заставляют действовать человека без того, чтобы они (эти силы) были человеком осознаны, что пациенты зачастую жалуются на то, что в действительности не является причиной заболевания. Более того, он утверждал, что существуют симптомы, в которых болезнь проявляется, но в действительности они не имеют никакой реальной органической основы. В качестве примера он приводил молодую женщину, долго лечившуюся у гинеколога по поводу того, что у нее совершенно не прерывался менструальный период. В процессе психотерапии выяснилось, что она не любит своего мужа и что ей тяжка близость с

ним. Она развелась, и болезнь ее прекратилась. Иными словами, Фрейд отметил существование явлений, которые возникают помимо сознания человека. Существует ряд симптомов, которые являются следствием совсем не того, о чем говорит и думает больной.

Метод психоанализа и состоит в том, что путем длительных бесед с больным до его сознания доводится истинная причина его заболевания; он начинает осознавать то, что было вытеснено. Происходит, по выражению З. Фрейда, «катарсис». В дальнейшем Фрейд распространил свою концепцию и на психику здорового человека.

Различные стороны теории З. Фрейда в достаточной мере проанализированы в трудах советских и зарубежных авторов (Ф. В. Бассин, А. Е. Шерозия, Л. Сэв, К. Б. Клеман, В. Е. Рожнов, Ж. Лакан и многие другие), но мы остановились в данной книге лишь на основных ее характеристиках, а именно — механизмах человеческого поведения.

З. Фрейд выделяет две потребности, которые определяют психическую деятельность человека: либидозную и агрессивную. Но так как удовлетворение этих потребностей наталкивается на препятствия со стороны окружающего мира, они вытесняются, образуя область «бессознательного». Но все же они прорываются, обходя «цензуру» сознания, и проявляются в виде символов. В дальнейшем психоанализ Фрейда не ограничился областью чисто психологической — он распространился и на всю историю человеческой культуры. Все, что человек делает, производит (произведения литературы, искусства), является символизацией вытесненных в «подполье» бессознательных потребностей, они могут проявляться в разных формах «обыденной» жизни — оговорках, сновидениях. В мифах, обычаях Фрейд тоже усматривал символизацию вытесненных биологических потребностей.

В структуре личности, по Фрейду, существуют три основных компонента: Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-я (Супер-эго). Ид является именно той ареной, где властвуют вытесненные бессознательным инстинктам, а с другой — подчиняется принципу удовольствия. Я (Эго), с одной стороны, следует бессознательным инстинктам, а с другой — подчиняется нормативам и требованиям реальности. Супер-эго (Сверх-я) — это совокупность моральных устоев общества; она выполняет роль «цензора». Таким образом, Эго находится в конфликте, ибо требования Ид и Супер-эго несовместимы. Поэтому Эго (Я) постоянно прибегает к защитным механизмам: вытеснению, сублимации. Само вытеснение совершается неосознанно. Однако мотивы, переживания, чувства, которые «переселяются» в область бессознательного, продолжают действовать в виде символов, в виде деятельности, которая приемлема для «цензора».

Для осуществления разнообразных функций форм деятельности З. Фрейд выделил целую систему специальных механизмов (сублимация, проекция, перенос, вытеснение, регрессия и т. д.). Организм рассматривается как сложная энергетическая система, управляемая законом сохранения энергии. Поэтому если либидо остановлено в одном из своих проявлений, оно должно неизбежно произвести какие-то другие эффекты. Супер-эго обеспечивает социальную приемлемость этих эффектов. Однако если это ему не удастся, конфликт между Ид и Супер-эго приобретает обостренный характер, нормальное функционирование системы нарушается; блокированное либидо находит свое выражение в симптомах болезни, невроза.

В этой конструкции личности, созданной Фрейдом, содержится предположение о сложности, многоплановости структур человеческого поведения. Однако все эти компоненты подчинены в основном биологическим аспектам. Ведь реальные действия человека выступают символом потребности, «затравленной» сознанием. Как указывает Ф. В. Бассин, сущность фрейдовского учения состоит в признании фатального антагонизма между вытесненным переживанием (бессознательное) и сознанием, который приводит к антагонизму между человеком (с его вытесненными переживаниями) и социальной средой. В этом и состоит основной порок фрейдовского учения.

Второе положение, методологически для нас неприемлемое, — это биологизаторская тенденция при объяснении мотивов человеческой деятельности, его культурных и общественных ценностей.

Таким образом, Фрейд, начав с анализа единичных случаев невроза, распространил свои положения на психологию и философию. Врожденные инстинкты (либидозный и агрессивный) являются основой индивидуального и исторического развития. Идея антагонизма между человеческим сознанием и обществом приводит в конце концов к неправильным политическим выводам: З. Фрейд оправдывал войны. «Согласно нашей гипотезе, имеются только два вида человеческих инстинктов: одни стремятся сохранять и объединять... А другие стремятся разрушать и убивать; эти последние мы классифицируем вместе как агрессивный, или разрушительный, инстинкт... В результате некоторых умозрительных построений мы пришли к предположению, что этот последний инстинкт действует в каждом живом существе и старается разрушить его и свести жизнь к ее первоначальному состоянию неодушевленной материи. Этот инстинкт совершенно серьезно заслуживает названия инстинкта смерти» [цит. по: 43, 174].

Фрейд был до конца последователен в своем биологиза-

торском подходе к объяснению личности человека. Незадолго до смерти он еще раз подтвердил, что «старейшая часть психологического аппарата (Ид) остается наиболее важной в течение всей жизни» и что Ид с его инстинктами выражает «истинную цель жизни организма индивида» [40; 41]. Исходя из таких позиций, Фрейд считал вопрос о цели жизни человека бессмысленным, так как в животном мире этот вопрос никогда не возникает. Биологизируя человеческую сущность, он одновременно психологизирует социальную жизнь общества.

Само общество, по Фрейду, возникло лишь в силу необходимости ограничения и подавления разрушительных по своей природе инстинктов человека, поскольку человек не может справиться с ними в одиночестве. Но это привело, в свою очередь, к неразрешимому противоречию между обществом и человеком, ибо последний стремится к полной свободе в удовлетворении своих желаний, а общество ее ограничивает.

В 1929 г. Фрейд написал книгу «Цивилизация и ее несчастья», в которой он рассматривает чувство вины как наиболее важную проблему эволюции культуры.

Означает ли это, что, критикуя Фрейда, мы отрицаем бессознательное. Многие факты говорят о его существовании. Конечно, существуют переживания, мотивы действий, которые мы не осознаем. Прежде всего, сама возможность гипнотического внушения, возможность совершения действий в постгипнотическом состоянии уже сама по себе является доказательством существования неосознаваемых процессов.

О наличии уровня бессознательного свидетельствует опыт ленинградского психотерапевта А. М. Свядоша [37], показавшего, что во время сна можно обучать человека иностранному языку, об этом говорят интересные опыты Г. В. Гершуни [19] — крупного невропатолога. Он предъявил подпороговые слуховые раздражители: ЭЭГ показывала, что человек слышит, хотя сам испытуемый утверждал обратное. Значит, физиологически тоже можно доказать существование подсознательных процессов в н. д.

Феномен «запоминание незавершенных действий» [29] тоже свидетельствует об этом: испытуемые лучше помнили незавершенные действия, но сам этот факт они не осознавали.

Исследование установки, которая очень интенсивно развивается в грузинской школе психологов, показывает, что предуготовленность, которая существует в организме и на физиологическом, и на психологическом уровне, неосознаваема. О существовании бессознательного говорили такие факты. Бойцы после тяжелых контузий превращались в глухонемых людей, а между тем неврологи не находили симптомов,

которые могли бы объяснить причину этой постконтузионной глухонемоты. Некоторые молодые врачи иногда даже принимали их за симулянтов. В действительности же это была психогенная реакция на контузию, которая не осознавалась больным.

Как теперь известно, многие соматические болезни являются следствием психологической травмы. Эта область медицины, получившая название психосоматики, сейчас успешно развивается.

Проявлением бессознательного являются и некоторые автоматизированные действия. Так, например, нередко у больных, страдающих эпилептической болезнью выступают нарушения сознания, при которых они совершают действия (иногда даже противоправные), не сознавая, не зная этого и не помня об этом.

Признание наличия неосознаваемой психической деятельности вытекает и из теоретических положений советской психологии. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что вместе с выделением субъекта из окружающего выделяется и рефлексия на себя. А. Н. Леонтьев тоже писал о том, что «мир презентуется человеку», а потом уже происходит выделение Я из этого мира. И происходит это неосознаваемо. Наличие неосознаваемого означает, что существуют разные уровни сознания. Неосознаваемое — это ступень сознания, иногда оно может предшествовать сознанию, а иногда выделяется после того, как человек осознает.

Человек не только познает мир, не только ориентируется в нем, не только слышит, видит, но он на неосознаваемом уровне осознает, что именно он слышит, видит. Нет «ничейных» переживаний и ощущений. Наш советский психопатолог А. А. Меграбян называет эти чувства гностическими [29]. О наличии таких гностических чувств свидетельствует искусство перевоплощения. Это показано Б. Брехтом. В одной из своих книг Б. Брехт пишет о якобы существующей легенде следующего содержания. На сцене ставили «Отелло». Актер так «вошел в свою роль», что стал душить артистку, игравшую Дездемону. Какой-то зритель не выдержал этого зрелища и выстрелил в актера. И будто бы был поставлен памятник с надписью: «Лучшему актеру от лучшего зрителя». Это трактовалось так: актер умел гениально перевоплощаться, он забыл, что играет роль. А зритель обладал умением сопереживать. Б. Брехт же после прочтения сказал: «Плохой актер и плохой зритель». Он считал, что полного перевоплощения в искусстве быть не должно. Как бы человек ни перевоплощался, он всегда «видит себя со стороны»*. Чувство принадлежности себе всегда имеет ме-

* Написано на основании ненапечатанной лекции Курта Левина.

сто, и это как раз происходит бессознательно. Этот уровень бессознательного играет роль контроля, управления. Если человек теряет чувство бессознательного переживания, видения себя со стороны, то он перестает управлять собой.

Однако бессознательное в данном случае не антагонистично сознаемому, наоборот, помогает ему, может служить средством регуляции.

Таким образом, неприемлемым в учении Фрейда в методологическом отношении является для нас не факт признания бессознательного, а его трактовка как явления, противоречащего сознанию,— это во-первых, а во-вторых признание того, что основным механизмом развития личности является биологическая потребность, удовлетворение которой не может произойти из-за социальных нормативов, что все атрибуты сознательной жизни человека представляют собой лишь символы вытесненных биологических потребностей.

Учение Фрейда, пытавшегося найти реальные детерминанты формирования и функционирования личности, сыграло определенную роль в борьбе с идеалистическими взглядами в психологии. Однако его материализм оказался грубо механистическим, и поэтому, нанеся удар идеалистической философии в науке, Фрейд по существу оставался на позициях идеализма.

В середине прошлого столетия началась реформация учения З. Фрейда — появилось новое понимание в трактовке бессознательного — неопрейдизм.

Конфликт между Фрейдом и неопрейдистами отражал уже влияние на психологическую науку марксистского мировоззрения. Некоторые представители неопрейдизма считали себя социалистами по политическим взглядам, а некоторые даже проявили серьезный интерес к учению Маркса. Однако неспособность понять философию диалектического и исторического материализма не позволила им преодолеть основы фрейдовского учения, отступить от биологизаторских позиций ортодоксального прейдизма.

Стремление преодолеть основу учения З. Фрейда прозвучало в аналитической психологии К. Юнга (1875—1961), в индивидуальной психологии А. Адлера (1870—1937), в эпигенетической психологии Э. Эриксона (1902), в теориях К. Хорни, Г. Салливена.

Критика З. Фрейда была в основном направлена на биологизаторские тенденции его концепции; неопрейдисты пытались социологизировать его учение.

Прежде чем перейти к изложению отдельных теорий неопрейдистов, остановимся вкратце на тех причинах, которые привели к появлению неопрейдизма, к неприятию его ортодоксального варианта. Прежде всего сама психоаналитическая практика, длящаяся иногда годами, показала, что не

всегда она помогает. Во-вторых, сами психиатры пришли к выводу, что причиной неврозов далеко не всегда являются конфликты, в основе которых лежит вытесненный инстинкт, что причиной невроза часто являются безработица, социальные неурядицы буржуазного мира, недостаточная коммуникация, разобщение людей.

Выявилась потребность социологизировать учение Фрейда.

ТЕОРИЯ К. ЮНГА

Карл Юнг (1875—1961) был одним из первых учеников Фрейда, отмежевавшихся от своего учителя. Основной причиной разногласий между ними была идея пансексуализма Фрейда. Однако борьбу с Фрейдом Юнг осуществлял не с материалистических, а с идеалистических позиций. Свою систему Юнг назвал «аналитической психологией».

По К. Юнгу, психика человека включает три уровня: сознание, личное бессознательное и коллективное бессознательное. Определяющую роль в структуре личности человека играет коллективное бессознательное, образующееся из следов памяти, оставленных всем прошлым человечества. Коллективное бессознательное носит всеобщий характер. Оно оказывает влияние на личность человека и предопределяет его поведение с момента его рождения.

Коллективное бессознательное тоже состоит из разных уровней. Оно определяется национальным, расовым и общечеловеческим наследованием. Самый глубокий уровень складывается из следов дочеловеческого прошлого, т. е. из опыта животных предков человека. Таким образом, по словам Юнга, коллективное бессознательное — это «разум наших древних предков, способ, которым они думали и чувствовали, способ, которым они постигали жизнь и мир, богов и человеческие существа...» [45, 109].

Коллективное бессознательное проявляется у отдельных людей в виде архетипов (доминант, первородных образов). Архетипы обнаруживаются не только в сновидениях, но и в реальном творчестве. Таким образом, архетипы присущи отдельным людям, но в них отражается коллективное бессознательное. Это некие общие формы мысленных представлений, включающие в себя значительный элемент эмоциональности и даже перцептивные образы. Например, архетип матери — это всеобщая идея матери с чувственным и образным содержанием собственной матери. Ребенок получает этот архетип уже в готовом виде по наследству и на его основании создает конкретный образ своей реальной матери.

Кроме коллективного бессознательного существует, по Юнгу, личное бессознательное, но оно не отделено от сознания. Личное бессознательное состоит из переживаний, бывших когда-то осознанными, а затем забытых или вытесненных из сознания. Они при известных условиях становятся осознанными. Структурные единицы личного бессознательного представляют собой констелляции чувств, мыслей и воспоминаний, определенным образом организованных. Юнг называет эту констелляцию «комплексом» (например, стремление человека обладать большой властью у Юнга называется «комплекс власти»).

Юнг ввел понятие «self» — «Я». Это архетип, представляющий стремление человека к целостности и единству и находящий свое выражение в различных символах. Благодаря ему достигается равновесие между сознательным и бессознательным. Наибольшее приближение к идеальному «селф» представляют, по мнению Юнга, религиозные переживания.

Как и все неопрейдисты, Карл Юнг интересовался неврозами, но рассматривал их не как реакцию на «враждебность» мира и не как конфликт между органическими влечениями и требованиями общества. Невроз, по Юнгу, — это регресс на более низкий уровень. Приспособление к жизни, по Юнгу, требует применения различных функций, таких, как мышление, чувства, интуиция и т. п. Если организм не справляется с какой-то ситуацией, это означает, что необходимая функция нуждается в помощи из сферы бессознательного. Отсюда, чтобы реализовать адаптацию, индивидуум должен регрессировать, т. е. обращаться к более низкому уровню сознания.

К. Юнг известен как создатель типологии личности. В основу ее классификации он положил направленность человека на себя или на объект. Соответственно он делит людей на экстравертов и интровертов. Эти взгляды изложены им в работе «Психологические типы» [45]. Кроме этих основных типов Юнг говорит и о дополнительных типах (интуитивный, мыслительный, эмоциональный). Таким образом, тип определяется соотношением различных функций. Для Юнга не существует общественных отношений. Это положение Юнга до сих пор играет свою роль в психотерапевтической практике фрейдизма. Деление на экстра- и интровертов также используется в психоаналитической практике.

Типы Юнга определяются не обстоятельствами жизни человека. Они врожденны. Таким образом, ядро истинного фрейдизма остается и у Юнга, только в несколько завуалированной, даже мистифицированной форме.

Вторым учеником З. Фрейда, отошедшим от своего учителя, был Альфред Адлер (1870—1937)—основатель так называемой индивидуальной психологии. Его основные труды — «О невротическом характере» (1912), «Практика и теория индивидуальной психологии» (1920).

Адлер резко выступил против биологизаторской теории Фрейда. Он подчеркивал, что основное в человеке не его природные инстинкты, а общественное чувство, которое он называл «чувством общности» (*Gemeinschaftsgefühl*). Это чувство является врожденным, но оно должно быть социально развито. Он горячо протестует против мнения Фрейда о том, что человек от рождения агрессивен, что его развитие детерминируется биологическими потребностями.

Прежде всего А. Адлер выступил против расчленения личности на три инстанции, о которых мы говорили выше (Ид, Эго и Супер-эго). Структура личности едина. Можно считать, что так называемая социологизация Фрейда была впервые предпринята Адлером.

Что же является, по А. Адлеру, детерминантой в развитии личности? Это стремление к превосходству. Однако это стремление не всегда может быть осуществлено. Так, из-за дефекта в развитии телесных органов человек начинает переживать чувство своей неполноценности, оно может также возникнуть в детстве из-за неблагоприятных социальных условий. Человек стремится найти способы для преодоления чувства неполноценности и прибегает к разным видам компенсации. Так, например, часто очень стеснительные подростки, «стыдясь» своей стеснительности, совершают по их мнению мужественные, но по существу неадекватные действия. Всякий педагог знает, что часто «ершистость» подростка может оказаться проявлением его особой чувствительности и ранимости. Нередко такие попытки к самоутверждению приводят к невротическим реакциям, когда человек хочет доминировать над другими. Адлер разбирает разные формы компенсации (адекватные, неадекватные), останавливается на ее разных уровнях. Он говорит о возможности выработать гиперкомпенсацию. Это особая форма реакции на свою неполноценность. Умение выработать сверхкомпенсацию приводит к тому, что физически слабые и безвольные люди начинают совершать мужественные действия. Более того, в этой гиперкомпенсации А. Адлер усматривает механизм творчества, активности. В качестве примера он любил ссылаться на личность Наполеона: считал, что особые способности Наполеона как полководца объяснялись отчасти тем, что у то-

го было обостренное чувство неполноценности из-за малого роста. Чувство неполноценности вызывает стремление к превосходству. Оно проявляется уже в первые 4—5 лет жизни ребенка в виде «цели победы», которая направляет его мысли и действия, создает определенный «стиль жизни», обеспечивает равновесие его личности. Понятия «цель победы», «цель превосходства» носят у Адлера хотя и расплывчатый, но все же социальный характер [48]. Адлер ввел понятие «социальное чувство». Это социальное чувство, как и чувство неполноценности, порождается органическим несовершенством человека, его слабостью, не позволяет человеку жить вне общества. С этими чувствами связаны способности любить, жалеть, увлекаться и т. п. От социального чувства зависит и чувство превосходства, и единство личности и ее душевное здоровье. «Во всех человеческих неудачах, в непослушании детей, в неврозах и неуропсихозах, в преступности, самоубийстве, алкоголизме, морфинизме, кокаинизме, в половых извращениях, фактически во всех нервных проявлениях мы можем обнаружить недостаточность должного уровня *социального чувства* (курсив Адлера)» [48, 101].

Социальное чувство, или социальный интерес, не вырабатывается в процессе социализации. Это, по Адлеру, врожденное свойство. Вместе с тем А. Адлер подчеркивает, что нормальная личность стремится не только к личному могуществу, но и к благу того общества, в котором она живет. Лишь принимая участие в жизни общества, человек проявляет себя. Социальное чувство есть истинная и неизбежная компенсация всякой естественной слабости индивидуальных человеческих существований» [цит. по: 6, 161].

Особенно важной в его учении является проблема компенсации. Он выделяет разные ее виды, которые создают различные «жизненные стили»:

1. Успешная компенсация чувства неполноценности в результате совпадения стремления к превосходству с социальным интересом.

2. Сверхкомпенсация, которая означает одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-то одной черты или способности.

3. Уход в болезнь. В этом случае человек не может освободиться от чувства неполноценности, не может прийти к компенсации «нормальными» способами, он «вырабатывает» симптомы болезни, чтобы оправдать свою неудачу. Возникает невроз. Таким образом, по Адлеру, сами невротические симптомы следует рассматривать как неудавшиеся способы компенсаций.

Адлер отверг пансексуализм Фрейда, доминирующую роль бессознательного и понятие врожденной агрессивности, хотя он считал, что ведущими в поведении человека являются

ся альтруистические тенденции, стремление к кооперации, творчеству, все же полностью освободиться от влияния Фрейда он не смог. Основные его положения говорят о том, что чувство неполноценности, определяющее формирование личности, носит в конечном счете не социальную и тем более не историческую природу. Оно является врожденным и возникает из органического несовершенства и слабости человека. Социальный интерес является в теории Адлера врожденным свойством, которое нужно лишь направлять в процессе его развития.

Адлер хотел избежать биологизации, но он невольно остался на идеалистических позициях, так как был не способен понять общественно-историческую природу формирования человеческого сознания. По существу, хотя Адлер и говорил о социальной природе многих психологических явлений, он не понял подлинного действия общественно-социальных факторов в формировании психики. Он не понял того, что марксистское понимание личности означает прежде всего то, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений.

Понятие «субъект общественных отношений» предполагает, что человек не просто составная единица общества, а что он общественно активен и лишь как субъект деятельности он становится личностью. Это положение подтверждается самой жизнью. Если взять, к примеру, жизнь таких замечательных людей, как Н. Островский, А. Маресьев, то становится очевидным, что механизмом их поведения является отношение к миру, реализованное в самых различных видах деятельности, а не врожденное стремление к самоутверждению. Без определенного социально-общественного отношения к миру, без могучего жизненного мотива, без сознательной цели не могли бы родиться та воля и сила, которые позволили им совершить свои подвиги.

А. Адлер считал себя социалистом, но фактически выступал как апологет капиталистического общества. Подменяя естественную потребность человека в творчестве сначала стремлением к власти, а позже неопределенным стремлением к превосходству, Адлер тем самым психологизировал социальные явления. В частности, «социальный интерес» понимался Адлером не как общественно классовая категория, а как абстрактное понятие, присущее человеку, неотъемлемое от его бытия.

Сознание действительно является существенным свойством личности, но как указано П. Я. Гальпериным «...создание характеризует личность не само по себе, а в системе тех обще-

ственных отношений, в которые человек объективно включен, и особенно той части этих отношений, в которых он активно действует» [17, 142]. И дальше: «Чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно-ответственным субъектом» [17, 143].

Кроме понятия «компенсация» Адлер вводит еще одно понятие — «сверхкомпенсация». Сущность сверхкомпенсации состоит в том, что болезненное состояние вызывает столь сильные защитные механизмы, которые, возможно, не возникли бы без наличия «слабого места». Слабость оборачивается силой. Л. С. Выготский высоко оценил это положение Адлера о сверхкомпенсации. В своей статье «Дефект и сверхкомпенсация» [16] он выделяет ряд аспектов этой проблемы. Одна из них касается самого понятия «сверхкомпенсация». Он пишет, что сущность ее сводится к тому, что всякое повреждение или вредоносное воздействие на организм вызывает со стороны последнего защитные реакции, гораздо более энергичные и сильные, чем те, которые потребны для того, чтобы парализовать непосредственную опасность. В этом замечании Л. С. Выготского скрыты, собственно, две мысли, которые очень важны для патопсихологии. Одна мысль о природе сверхкомпенсации, которая вырабатывается спонтанно, мысль о том, что защитные механизмы, которые пускает в ход человек, могут обладать «излишней силой». Поэтому при проведении коррекционных мероприятий следует задумываться о том, в какое русло их направить. Вторая мысль заключается в том, что положение о сверхкомпенсации опровергает биологизаторские тенденции не только Фрейда, но и Э. Кречмера, для которого врожденная конституция определяет характер человека. Адлер в своем учении о сверхкомпенсации показал социальные основы развития личности.

Индивидуальная психология отрицает фатальную связь психического развития личности с органическим субстратом, психическое развитие человека подчинено логике общественной жизни. Адлеру удалось показать, что причины, приведшие к тому или иному социальному приспособлению, действуют не сами по себе, а косвенно, т. е. через чувство неполноценности. Если дефект не вызывает этого социального по своей природе переживания, то не будет никакой оценки социальной позиции. Л. С. Выготский всячески подчеркивает, что надо отличать сверхкомпенсацию как начало новой творческой силы от приспособления к дефекту, от смирения перед ним. Л. С. Выготский усмотрел в положении о сверхкомпенсации еще один важный момент, а именно что сверхкомпенсация должна быть понята в связи не только с прошлым, но и с будущим человека. Представление о психических явлениях как связанных не только с прошлым, но и с будущим позволяет рассмотреть эти явления в их вечном движении и

развитии. Именно такой подход к психическим явлениям заложен в идее сверхкомпенсации; последняя и определяет то, что должно возникнуть в будущем. Выготский любил цитировать изречение Адлера о том, что «психическая жизнь человека стремится как действующее лицо, созданное хорошим драматическим поэтом, к своему пятому акту» [16, 23].

И далее Выготский продолжает: «Если у Фрейда человек, как каторжник, прикован к своей тачке, то Адлер говорит о том, что мы не в состоянии думать, чувствовать, хотеть, действовать без того, чтобы перед нами не была какая-нибудь цель» [там же]. Таким образом, перспектива будущего поставлена у А. Адлера так же, как и у Курта Левина.

Следует, однако, отметить, что, показывая положительные моменты учения Адлера о сверхкомпенсации, Л. С. Выготский отмечает и методологическую несостоятельность этого учения. Прежде всего он указывает на то, что сверхкомпенсация — это крайняя точка, один из возможных исходов; существуют и неудачные компенсации, приводящие к «бегству в болезнь», о чем писал и сам Адлер. Однако он не видел, что сверхкомпенсация — это сложный процесс и что жизнь человека располагается часто между двумя полюсами. Антидиалектичность учения Адлера состоит, во-первых, в том, что он фетишизировал лишь один из полюсов; во-вторых, в теории Адлера не показано порождение сверхкомпенсации; Адлер не сумел показать, что дефект (зрения, слуха, роста) не существует сам по себе, он влечет радикальную перестройку и других процессов. А самое неправильное у Адлера то, что сверхкомпенсация как бы автоматически порождается чувством неполноценности, — в этом видна его связь с Фрейдом. В действительности же процесс компенсации и сверхкомпенсации надо создавать, формировать. Сверхкомпенсация определяется социальными требованиями, предъявляемыми к развитию и воспитанию и сохраненными силами психики.

ТЕОРИЯ К. ХОРНИ.

Основными представителями неопрейдизма являются непосредственные ученики З. Фрейда — К. Хорни и Г. Салливан.

Катрин Хорни (1885—1952) была вначале преданной ученицей З. Фрейда. В 1939 г., будучи уже в США, она издала книгу «Невротическая личность нашего времени», в которой горячо благодарит своего учителя. Однако вскоре она стала резко критиковать З. Фрейда, его попытку свести механизмы поведения человека к двум тенденциям — либидозной и

агрессивной и попытку выводить все, что происходит в жизни человека, из пансексуализма.

Что же Хорни выдвигает вместо этого? Основу сущности человека она усматривает во врожденном чувстве беспокойства. Младенец рождается с этим чувством. Выходя из чрева матери, он начинает чувствовать себя неудобно. Ребенок переживает чувство беспокойства с самых первых минут своей жизни на органическом уровне; оно окрашивает всю его дальнейшую жизнь, фиксируется и становится внутренним свойством психической деятельности. С первых секунд существования человек начинает переживать чувство враждебности мира. Беспокойство порождает желание избавиться от него. Все, что человек делает,— это трансформация чувства беспокойства. Оно является основной мотивацией его поступков. К. Хорни называет его чувством «коренной тревоги», которая детерминирует поступки человека. Коренная тревога» заставляет человека стремиться к безопасности.

К. Хорни утверждает, что человеком управляют две тенденции: стремление к безопасности и стремление к удовлетворению своих желаний. Оба этих стремления часто противоречат друг другу, и тогда возникает невротический конфликт, который человек сам стремится подавить, вырабатывая определенные способы («стратегии») поведения. Хорни выделила четыре типа поведения. Первый выражается в «невротическом стремлении к любви» как средству обеспечения безопасности в жизни; второй проявляется в «невротическом стремлении к власти», которое объясняется не какими-то объективными причинами, а страхом и враждебностью к людям; третий тип стратегии поведения выражается в стремлении изолироваться от людей; четвертый тип проявляется в признании своей беспомощности («невротическая покорность»).

Позже Хорни делала попытки увеличить количество стратегий. Однако уже в 1945 г. [74] она останавливается только на трех типах: 1) стремление к людям; 2) стремление отдалиться от людей, стремление к независимости; 3) стремление действовать против людей (агрессия).

Соответственно этим трем типам отношений выделяются три типа невротической личности: 1) устойчивый, 2) устранный, 3) агрессивный. Эти типы поведения свойственны здоровым людям.

Разница между здоровым человеком и страдающим неврозом сводится лишь к тому, что «...противоречие между конфликтующими тенденциями у здорового значительно меньше, чем у невротика» [73, 31]. По мысли Хорни, у здорового человека под влиянием временных внешних обстоятельств возникают «ситуационные неврозы». «Неврозы ха-

рактера» же являются подлинной болезнью, так как в их основе лежит стойкий «изначальный конфликт».

Описанные типы стратегий выступают не только как предпосылки для «изначального конфликта». Они могут выступить также в качестве защитных механизмов, например в виде «идеализации собственного образа». Человек не только не признает свою неспособность разрешить конфликтную ситуацию, но и выдвигает на первый план свои реальные или мнимые положительные качества; защитный механизм может проявиться и в переносе своих конфликтов на внешнюю ситуацию, на других людей, т. е. здесь выступает уже механизм проекции.

Таким образом, в теории Хорни осталось основное положение ортодоксального фрейдизма. Хотя она резко критиковала биологизаторскую сущность учения Фрейда, но в основном своем положении «изначальной тревожности» и «коренной тревоги» она по существу недалеко уходит от Фрейда. К. Хорни говорит о противоречиях между обществом и человеческими потребностями. Но она рассматривает их не как явление, свойственное капиталистическому обществу, а как врожденное свойство людей. Иными словами, ее попытка социологизировать Фрейда — мнимая, ибо она представляет собой тенденцию к психологизации общественных явлений.

В теории Хорни остаются основные положения фрейдизма: антагонизм природного и социального (принцип стремления к безопасности несовместим с удовлетворением человеческих желаний), фатальность врожденного механизма «коренной тревоги». И наконец, у Хорни звучит то положение, которое было особенно развито у Фромма, а именно: «коренная тревога» ведет к отчуждению человека от общества. Последнюю свою работу «Невроз и развитие личности» (1950) она посвящает именно проблеме самоотчуждения и самореализации.

Тревожный ребенок не может приспособиться к людям, он нуждается в компенсации своей неуверенности: вследствие этого он чуждается других людей, у него потребность «возвыситься» над ними. Справедливо замечает Т. А. Флоренская [41], что постепенно идеализированный образ становится жизненной перспективой и критерием оценки себя. Человек перестает интересоваться реальностью, возникает пропасть между «идеализированным Я» и реальными возможностями человека.

Эти положения К. Хорни опровергаются данными советской психологии. Так, Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин тоже утверждают, что в подростковом возрасте часто возникает стремление к расширению своего «Я», своего жизненного горизонта; в этом стремлении к идеалу они видят залог развития человека, ибо он вырастает из реальных человеческих

отношений с другими людьми, с миром. Подобное самовыражение является и механизмом, и фактором развития. У Хорни же это механизм и проявление невроза. Поэтому и выводы разные: если Л. И. Божович видит выход в нахождении подростком своего места в жизни, то для Хорни этот выход заключается в преодолении своего «идеализированного Я», ибо стремление к безграничному идеальному «Я» усиливает «коренную тревогу». К. Хорни не усмотрела, что именно в умении развести «идеальное Я» и «реальное Я» проявляется регуляция поведения (Хоппе, Братусь).

У К. Хорни избавление от невроза состоит в освобождении от своего «идеализированного Я». Пациент, по Хорни, должен принять себя со всеми недостатками. Она не видела того, что искажение личности происходит в действительности не из-за стремления к идеалу вообще, а из-за неправильного содержания идеала. Идеал — это синтез достижений человеческой культуры, истинный идеал содержит в себе общение и единение с людьми. Именно нарушение этого единения создает невротический эгоцентризм.

ТЕОРИЯ Г. САЛЛИВЕНА

Другим видным представителем неопрейдизма является Г. Салливен (1892—1949). Салливен начал свою научную деятельность в качестве психиатра-психотерапевта. Однако в дальнейшем он выступает как психолог. Его основные положения относительно теории личности изложены в книге «Межличностная теория в психиатрии» [98]. Теория Салливена сложилась под влиянием многих психологических школ (Мида, Фрейда, Левина и др.).

Салливен провозгласил, что объектом психологического исследования должен стать не отдельный субъект, а личность как продукт совместной деятельности субъектов. Личность является, по мнению Салливена, относительно устойчивой моделью повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь [97, 111].

Ребенок рождается с потребностью общения с людьми, потребностью в нежности и с потребностью избежания тревоги. При рождении мир встречает ребенка не очень «нежно» — ребенку холодно, он переживает дискомфорт, когда выходит из чрева матери. В качестве реакции на этот дискомфорт у ребенка появляется беспокойство. Следовательно, чувство беспокойства появляется вместе с рождением.

Таким образом, основными механизмами развития личности Салливен считает: 1) потребность в нежности, ласке

(в разных книгах автор по-разному ее называет) и 2) стремление избежать тревогу.

Г. Салливен считает, что потребность в безопасности, стремлении избежать тревогу является социальной, но эта социальность включена с рождения в органические потребности. Удовлетворение сугубо органических потребностей, таких, как потребность в пище, тепле, требует заинтересованного и нежного соучастия, содействия другого человека, если речь идет о ребенке. Социальное выступает у Салливена как система межличностных отношений, но сами межличностные отношения не формируются, а существуют с момента рождения. Формирование личности, по Саллиvenu, происходит так же, как и у Фрейда, фатально, неизбежно.

Оба механизма сосуществуют с момента рождения ребенка, они являются механизмом развития личности. Но человек живет во внешнем мире, который постоянно доставляет ему неудовольствие и поводы для тревоги. И вот в этой борьбе с этим внешним миром, а вернее сказать в борьбе с беспокойством, формируется его личность, которую Салливен называет «Я-система». Салливен утверждает, что «Я-система», т. е. личность, формируется, во-первых, в борьбе с неизбежным беспокойством на бессознательном уровне и, во-вторых, в нахождении различных средств для избежания этого беспокойства. «Я-система» заставляет ребенка, подростка, а в дальнейшем и взрослого человека прибегать к помощи других людей — вначале матери, а затем и других, например своих коллег по работе, членов того коллектива, в котором находится. Таким образом, в качестве механизма, формирующего личность, у Салливена уже выступают межличностные отношения.

Но ведь дело-то в том, что окружающий мир и люди не всегда поступают так, что «Я-системе» удастся избежать беспокойство. И тогда создается особый механизм, который является ведущим в развитии личности человека, а точнее, составляет ядро этой личности — некое «избирательное внимание». Человек как бы перестает замечать то, что ему мешает. Возникает своеобразная психологическая защита. Таким образом, Салливен тоже берет на вооружение понятие «психологическая защита». По Саллиvenu, она заключается в том, что человек не замечает того, что вызывает в нем дискомфорт. Это понятие «избирательного внимания» как бы сродни понятию «смысловой барьер», описанному Л. С. Слатиной [38]. На самом же деле не так.

По Слатиной, смысловой барьер возникает, когда ребенок находится под влиянием жестокого воспитания, когда повторяются все время одни и те же прописные истины, при которых воспитание, учеба проводятся формально. Тогда у ребенка создается «смысловой барьер»: он слушает, но не

слышит того, что ему говорят взрослые. Это тоже можно рассматривать как меру психологической защиты, но, по Славиной, смысловой барьер формируется только при известных условиях, а у Салливена избирательное внимание неизбежно формируется фатально, потому что внешний мир враждебен человеку.

Вот этот момент антагонизма, который присущ всему учению Фрейда, момент, на котором он настойчиво настаивал, присущ и учению Салливена. Антагонизм выступает во всех категориях фрейдизма. Какими бы понятиями неофрейдисты ни пользовались, к каким бы постулатам они ни прибегали, все равно их категориальный аппарат несет в себе эту функцию враждебности к человеку — человек противостоит миру.

Салливен часто подчеркивает, что избирательное внимание, или, вернее сказать, невнимание, эта отгороженность, которая выступает у человека, является мерой защиты. Иногда она может выступить и в виде агрессии, но не обязательно.

При этом следует подчеркнуть, что агрессия у Салливена не первична, как у Фрейда. Салливен, так же как и Хорни, не говорит о первичной агрессии. Она является реакцией, психологической мерой защиты, но защиты от чего? Опять-таки от внешнего мира, который вносит дискомфорт. Следовательно, хотя само чувство агрессии, само проявление агрессии носит, по Салливену, не врожденный, а защитный «реактивный» характер, оно неминуемо должно возникнуть, потому что дискомфорт заключен всегда во внешнем мире, он неминуем для человека. Мир создает беспокойство, и следовательно, всегда будет реакция агрессии. Этот нюанс очень важен, потому что предполагается, что неофрейдисты внесли нечто положительное в теорию личности. И в какой-то мере они это, конечно, сделали, в какой-то мере они социализировали Фрейда, отбросили либидозное начало, как единственную первопричину, и вместо этого подставили социальное отношение. Но ведь социальные отношения у неофрейдистов тоже врожденные, и в итоге все реакции человека неминуемые, фатальные. Так, что по существу теория неофрейдизма — это некая мимикрия так называемого ортодоксального фрейдизма.

Конечно, не надо представлять дело так, что Салливен, как и другие неофрейдисты, прибегает к мимикрии сознательно. Возможно, что субъективно они самым искренним образом хотели противопоставить биологизаторским положениям Фрейда что-то другое, но корнями, из которых вырастало это учение, являлась та же фатальность и врожденность механизмов развития личности. Поэтому по своим философским основам, по своей методологии неофрейдизм нам так

же чужд, как и сам классический фрейдизм. Откровенно биологизаторская тенденция учения Фрейда прикрывается красивыми, привлекательными понятиями; происходит некая ее мимикрия.

Любопытно еще одно обстоятельство, на которое обратила внимание М. А. Флоренская [41], а именно: Салливен прибегает к особым понятиям, особым выражениям. Процессы, которые все психологи до него называли процессами мышления, памяти, он называет «динамизмами». Но эти динамизмы, по мнению Салливена, тоже несут функцию защиты, они являются проявлением или, вернее, оформлением желания избежать тревоги.

В салливиновском учении чувствуется известное влияние К. Левина. Категории энергетизма, динамизма — это дань левиновскому учению.

Следует остановиться еще на одном моменте в учении Салливена, а именно на понимании функции речи, которой он придает совсем иную функцию, чем это принято вообще в психологии. Мы знаем, что речь служит механизмом и средством развития обобщения и общения (положение, которое высказывал Л. С. Выготский и вслед за ним все наши психологи), что в речи формируется мышление и вместе с тем речь является орудием нашего мышления. По Саллиvenu же, речь является механизмом избегания тревоги, символом, помогающим избежать тревогу.

Проблема социализации в учении Салливена является более интересной и содержательной, чем у Хорни, и все же он не избежал основного порока фрейдизма — фатальности, врожденности тех механизмов, которые приводят к развитию человека.

Есть еще один момент, который сильно заострен у Салливена: как и все неофрейдисты, Салливен при установлении каких-то закономерностей развития идет от патологии к норме. Ведь все названные механизмы — избегание дискомфорта, наличие психологической защиты, «коренная тревога», «избирательность внимания» — неофрейдисты усмотрели у невротиков, а потом эти механизмы были ими перенесены на психику здорового человека. По существу весь путь неофрейдизма и теперешней американской психологии — это путь, при котором механизмы развития психики больного человека объявляются механизмами развития и здорового человека. Мы тоже использовали патологический материал для анализа многих закономерностей, существующих в норме. Но мы далеки от мысли (и мы всячески это подчеркиваем), что психика здорового человека не аналогична психике больного. Иными словами, формирование различных форм психической деятельности, формирование мотивов человеческой деятельности при патологических состояниях проис-

ходит по тем же механизмам, что и в норме (имеет место иерархизация мотивов, сдвиг мотива на цель действия, является отношение смыслообразующей и побудительной функций мотивов), но условия, в которых развивается и действует больная личность (а в эти условия входит и деятельность измененной нервной деятельности), иные, говоря словами С. Л. Рубинштейна, у человека «внешние причины» действуют через внутренние условия. У заболевшего человека эти условия изменены, поэтому и его поведение — иерархизация мотивов, соотношение смыслообразующей и побудительной функций мотивов — изменено.

Выделение условий, в которых действует здоровый человек, не всегда удается; при болезни человека эти условия большей частью известны, поэтому материал патологии является продуктивным методом для выявления механизмов поведения. Но из этого не следует, что больная личность должна рассматриваться в качестве модели здоровой, наоборот, именно патологический материал показывает, в чем их различие.

Следует еще подчеркнуть, что Салливен отрицает индивидуальность человека: каждый человек содержит в себе, по его мнению, столько личностей, сколько существует в данный момент межличностных ситуаций. Личность выступает как пассивная проекция межличностных отношений.

В своих теоретических установках Салливен непоследователен. Говоря о развитии личности, Салливен, с одной стороны, связывает ее строение со структурой межличностных отношений, с возрастными переходами. Вместе с тем он отмечает, что основным механизмом развития человека является сублимация, которую следует рассматривать как проявление борьбы более слабых и более сильных потребностей, а самой сильной потребностью является потребность избегания тревоги и чувство эмпатии. Салливен считает, что ребенок не рождается ни эгоцентричным, ни агрессивным существом, но чувство эмпатии является, по его мнению, врожденным.

Теорию Салливена, как и теорию К. Хорни, следует рассматривать как неудавшуюся попытку социологизации учения Фрейда.

Непоследовательность положений Салливена обнаруживается и в его трактовке понятия «сублимация». Хотя у Салливена это понятие не связано с пансексуализмом, но она (сублимация) выступает как способ переключения энергии неудовлетворенных низших влечений в социальное русло. Социальное остается у Салливена внешним по отношению к природе. По существу, и у Салливена выступает дуализм природного и социального в человеке. Концепции Салливена и Хорни, в которых тревога рассматрива-

ется как основной радикал личности, не случайно приводят их к положению об отчужденности личности. Особенно четко эта позиция выступает у Э. Фромма [70].

ТЕОРИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ Э. ФРОММА

Эрик Фромм (1900) родился в Германии, но жил и работал в США, там прошла вся его творческая жизнь, и поэтому его причисляют к американским психологам.

Фроммовское учение является как бы наиболее «социализированным» учением неопрейдизма. И даже трудно сказать, является ли Фромм «чистым» психологом или он является «социальным» психологом. Фромм часто начинает свои труды с изложения учения К. Маркса. В отличие от многих других неопрейдистов он читал Маркса, знал его положения об отчуждении результатов труда и пользовался этим. Э. Фромм утверждает, что проблема отчуждения, которую Маркс поставил в общественно-экономическом аспекте, должна быть распространена и на психическую деятельность человека. Он говорит о том, что если разобраться в истории человечества, то можно проследить, как это отчуждение происходит.

Фромм отмечает, что отчуждение результатов труда при феодальном строе не приводит еще к отчуждению в человеческих отношениях. Хотя вассал уже не владеет результатами своего труда, а владеет ими феодал, у вассала нет еще полного отчуждения от своего хозяина. Существуют, по мнению Фромма, еще какие-то нити, которые их связывают. А вот при развитом капитализме начинается полное отчуждение, и происходит оно во всех сферах, не только в экономической и социальной, но и в моральной, этической. Причем этому, по мнению Фромма, способствует научно-техническая революция, которая, давая человеку возможность освободиться от многих забот, создавая более благоприятные условия труда, вместе с тем ведет к тому, что люди работают в одиночку. Урбанизация тоже приводит к тому, что люди все более отчуждаются друг от друга. Человек в мире отчужден от всего, он «свободен» от всего. У него нет никаких связей ни с миром, ни с человеком, ни с товарищем по труду, по месту учебы. Возникает отчуждение человека, которое Фромм называет «негативной свободой». Это состояние угнетает человека и порождает неврозы.

Фромм очень любопытно назвал свою книгу: «Бегство от свободы», т. е. отчуждение. Он говорит, что человек страдает под бременем свободы. Он не хочет быть «свободным», он хочет

иметь какие-то отношения, вступать в какое-то общение с людьми, а окружающий мир не предоставляет ему этой возможности, и в результате люди одиноки. Человек отчужден от всего и страдает от «бремени свободы». Это лейтмотив теории Фромма. Интересно, что он, как и Фрейд, начав с анализа невротиков, распространяет этот анализ на общество вообще, на все человечество, считая, что «страдание от бремени свободы» и есть основной показатель нашей современной жизни, и в этом, в частности, виновата научно-техническая революция.

Выше мы говорили о том, что Фромм в своих выводах ссылается на Маркса. В ранних произведениях Маркса понятие «отчуждение» существует. Но следует разобраться в том, что представляет собой это понятие у Маркса и Фромма.

По Марксу, «отчуждение» выражает собой противоречие, которое существует в антагонистических классовых отношениях при капитализме. Маркс подчеркивает, что при развитом капитализме все больше и больше происходит отчуждение результатов труда от производителя труда.

Приведем несколько цитат Маркса, чтобы было видно, как Фромм, в сущности искажил положение Маркса. Вот что К. Маркс пишет: «Процесс опредмечивания (овеществления) труда на деле выступает как процесс отчуждения труда со стороны рабочего или присвоение чужого труда со стороны капитала» [3, 46, ч. II, 347]. Основой отчуждения служит прежде всего отделение большинства членов от средств производства... Рабочий отчуждает от себя труд как производящую богатства силу и капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу.

Отчуждение производительных сил от средств производства служит основой других форм этого отчуждения. Маркс указывает, что посредством отчуждения труда человек порождает не только свое отношение к предмету или к акту производства как к чуждому и враждебному мотиву, а «он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству, к его продукту».

Следовательно, когда Маркс говорил об отчуждении, то эта категория отчуждения выступает не как некоторая абстрактная философская категория, а как следствие тех антагонистических отношений, которые существуют при капитализме. А. Фромм искажил это понятие. Для него отчуждение является основой отношений людей. Оно становится фатальным.

А как избавиться от этого отчуждения? Мы понимаем, что для этого надо совершить социальную революцию, надо, чтобы рабочий овладел средствами производства, и тогда этого отчуждения не будет. К. Маркс писал, что «коммунизм

уже мыслит себя как реинтеграция или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения...» [2, 588]. Фромм предлагает совершенно другой способ борьбы с отчуждением. Он говорит, что отчуждение присуще всем людям нашего поколения и избавиться от него можно и должно не путем революции, не путем социального переустройства мира (чем дальше, тем больше Фромм на этом настаивает), а путем того, что он называет «гуманистическим отношением», прививанием людям гуманного отношения друг к другу. И вот тогда этого отчуждения не будет. Происходит подмена социальных понятий психологическими. Невыносимость бремени отчуждения перерастает в чувство агрессии, с одной стороны, человек разрушает мир (садизм), а с другой стороны, у него появляется реакция мазохизма; садизм и мазохизм, по Фромму, следует рассматривать как меры защиты.

Отчуждение выражается еще и в другом: оно перерастает в конформизм. Основа конформизма, по Фромму, опять-таки зиждется не в социальных исторических условиях, а в стремлении избежать чувство переживания отчуждения и невыносимое чувство «свободы», как он говорил, «свободы от себя». Люди не могут выносить одиночество: они начинают приспособливаться к другим людям и другим условиям. Конформизм, по Фромму, в известном смысле является спасением от отчуждения. Явление конформизма носит в себе функцию психологической защиты от тягостного чувства одиночества. Он возникает автоматически (он компульсивен).

Фромм допускает еще одно ложное положение. Он понимает научно-техническую революцию как некую нежелательную, враждебную силу, которая способствует отчуждению. Он не видит того, что научно-техническая революция в условиях социализма несет в себе возможности расцвета человеческих сил, что она является стимулом для человеческой активности. По Фромму, научно-техническая революция приводит только к пассивности и отчуждению.

В своих дальнейших работах Фромм подчеркивает двойственную природу человека. С одной стороны, он стремится к независимости, с другой — хочет избежать этой независимости, так как она приведет к отчуждению; бегство от свободы принимает различный характер.

Вместе с тем Фромм указывает, что в личности сосуществуют осознанные стремления и бессознательные установки в виде асоциальных продуктов психики (миф, сновидение). В своей работе «Бегство от свободы» [70] Фромм пытается показать, что форма социального характера совпадает с различными историческими типами самоотчуждения и принимает разные формы. Так, в эпоху раннего капитализма раз-

вивается накопительский тип человека (соединяющий скудость и педантизм) и эксплуататорский тип характера. На другом общественном полюсе формируется рецептивный (пассивный) тип. И наконец, в эпоху империализма формируется «рыночный тип» как порождение тотального отчуждения.

В дальнейшем Фромм писал, что рыночный тип теряет свою силу с гибелью капиталистического общества. И тогда возникает другой тип характера — духовный, продуктивный тип. Главной чертой продуктивного типа является любовь. Любовь имеет два вида — любовь к другим людям, любовь к себе.

Фромм подчеркивает потребность в любви, которая имеет именно эти два компонента. Без любви к себе нет и общей любви к другим людям. Любовь сближает людей, именно любовь служит залогом того, что человек отвечает и за других людей. Фромм отмечает, что в то время, когда отчуждение губит человека и порождает неврозы, любовь содействует улучшению общества. Больше того, Фромм считает, что именно любовь к людям способствует гибели капитализма.

Дальнейшая психологизация Фроммом общественных отношений и истории проявляется в его понимании социального характера личности. Он считал, что не общество формирует социальный характер, а, наоборот, что идеология и культура имеют свои корни в социальном характере. Фромм неизбежно приходит к ошибочному толкованию общественно-исторических явлений.

По существу, Фромм в своем анализе игнорировал общественно-экономические формации, разделение общества на классы.

Хотя Фромм выдвигает понятие «социальный характер», у него он не обусловлен конкретно-историческими условиями жизни человека. Общество определяет только адаптацию уже существующих человеческих потребностей.

Правильно указывая, что причиной патологических состояний личности являются бесчеловечные условия капиталистического общества. Анализируя социальные отношения и их историческое развитие Фромм оказывается бессильным в их объяснении. Наиболее ярко это проявилось при объяснении причин возникновения фашизма. С одной стороны, Фромм признает, что социальным фактором возникновения фашизма был союз финансового капитала и юнкерства, нейтрализация определенной части рабочего класса. С другой стороны, он считал, что основой фашизма явилось действие автоматических бессознательных механизмов конформизма, врожденное стремление к разрушению. Говоря о действиях социальных факторов в возникновении фашизма, Фромм считает, что сами эти социальные факторы в конечном счете

порождены действием тех же внутриспсихических механизмов. Так, нейтрализация рабочего класса достигнута, по мнению Фромма, путем развития в нем механизма автоматического конформизма. Классовое же деление общества, а следовательно, и выделение финансовой олигархии, обусловлено в значительной степени действием садистско-мазохистского механизма, при котором одни рвутся к господству, а других неудержимо влечет к подчинению. Общественные изменения, следовательно, имеют причину в психологии людей [цит. по: 6]. Таким образом, отчуждение является, по Фромму, не характеристикой буржуазного общества, а психологическим феноменом.

Совершенно справедливо указывает С. К. Рощин, что «анализ Фроммом личности и общественных отношений, внешне носящих исторический характер, на самом деле основан на подмене факторов, имеющих первостепенное значение в человеческой истории, факторами совсем иного уровня...» [33, 80]. Фромм подменяет, как и другие неопрейдисты, социальные явления психологическими, т. е. становится на путь психологического редукционизма.

ЭПИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Э. ЭРИКСОНА

Э. Эриксон (1900) родился в Германии. С 1927 по 1933 г. работал с З. Фрейдом в Вене, с 1933 г. — в США. Его основные труды: «Детство и общество» [62] и «Проблема новой идентификации» [61].

Теория эпигенеза — биологическая теория, рассматривающая развитие живых существ как процесс новообразования, детерминированного не химическими или биологическими структурами зародыша, а определенными внешними факторами. Эриксон взял эту теорию на вооружение для анализа развития личности. Он провозгласил, что развитие личности определяется социальным миром, и отвергнул тезис Фрейда об антагонистическом отношении личности и общества.

Эриксон — видный представитель неопсихоанализа, пытался соединить его с французской психологической школой. Эриксон выдвинул понятие «идентичность личности», под которым он подразумевает некое центральное качество, которое сигнализирует человеку о его неразрывной связи с окружающим социальным миром.

Оно выражается в следующих параметрах: в центрированности человека на себе; в отождествлении с социальной группой, окружением; в определении ценности человека, его социальной роли.

В аспекте центрированности на себе человек осознает себя, свою психосоциальную организацию и осуществляет контроль за собой. В зависимости от структуры общества меняется и центрированность личности, она всегда идентична окружению, при изменении общества (социального окружения) меняется и личность. Невозможность изменить идентичность личности в соответствии с изменением среды приводит к неврозу. Таким образом, в отличие от Фромма и других неопрейдистов Эриксон говорит уже не только об изменении личности, но и о ее зависимости от изменения общества. Но и тут он остается на ложных методологических позициях. Не всякое изменение общества приводит к неврозу. Действительно, в капиталистическом обществе человек, вырванный из усвоенных эталонов, теряет свою жизненную позицию. Примером может служить так называемое «потерянное поколение» молодых людей (описанных Э. Ремарком) после первой мировой войны, пришедших с фронта, увидевших всю фальшь окружающих их людей и понявших, что их страдания нисколько не улучшили этот мир. Если же человек борется за высокие цели, например за свержение буржуазного строя, это не приводит к неврозу. В этой связи хотелось напомнить, что в суровые годы гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны количество неврозов не только не возрастало, а, наоборот, уменьшилось. Даже больные шизофренией с аутистическими или кататоническими симптомами часто вели себя адекватно. Конечно, Эриксон больше, чем другие неопрейдисты, подчеркивал социальную природу невроза, но он абсолютизировал эту обусловленность, а главное, он не усмотрел, что социальное окружение тоже не однотипно. Не при всякой социальной системе можно сформировать однозначную центрированную личность. Личность не означает собой копию своего социального окружения. Формирование высоких идеалов не происходит стихийно.

Эриксон придавал большое значение воспитанию в раннем детстве. Развитие личности проходит разные стадии, которые Эриксон называет кризисами.

Первая стадия (кризис) — «вбирающая», в ней удовлетворяется оральная потребность, формируется доверие через мать. На этой стадии формируется проекция личности.

Вторая стадия — стадия созревания мышечно-двигательного аппарата, которое приводит к чувству уверенности, самостоятельности. Первая стадия разрушается.

Третья стадия — становление юношества, нахождение целей, умение планировать. На этой стадии происходит выбор друзей.

Четвертая стадия — это установление рефлексии, сомнения относительно своего места в жизни.

Пятая и шестая стадии — это зрелость личности, устойчивость ее интересов. На этой стадии личность начинает руководствоваться нормами общества.

И наконец, *седьмая* стадия — это либо достижение неповторимости личности, либо обречение на безысходность.

По существу, Эриксон выступает как представитель «психологии Эго», которое выступает у него как субъект деятельности, направленной на себя.

Вместе с тем, говоря о функции «Эго» в формировании идентичности, Эриксон подчеркивает его социальную природу. Общество придает человеку особый стиль синтеза своих желаний, ценностей, способ общения с другими и самим собой.

Однако Эриксон подчеркивает, что, хотя ценности общества включены в структуру личности, это не означает, что личность является копией общества. Он пишет, что «каждая система имеет тенденцию делать сходными всех своих членов, но каждая из них позволяет специфическим путем в некоторой мере освобождаться от требований, которыми она облачает индивидуальность индивидуального Эго» [цит. по: 8, 222]. Такое положение Эриксона, казалось бы, созвучно нашим положениям об общественно-исторической обусловленности личности. Но это не так: личностные преобразования приурочиваются им к биологически обусловленным стадиям (вбираемая, оральная, анальная). Таким образом, Эриксон, по существу сохраняет психоаналитическую ориентацию.

Концепция Эриксона антидиалектична. Каждая новая фаза, стадия прибавляется к предыдущей. Хотя Эриксон говорит о целостности личности, он игнорирует качественное преобразование предыдущей стадии. Он даже прямо указывает, что «мы оставляем открытым вопрос о том, что же происходит с качествами низших стадий на высших стадиях, чем может стать доверие на стадии, на которой господствует потребность в интегральности или в стремлении к автономии» [62, 265].

Таким образом, эпигенетическая теория является 'антидиалектичной'.

Из положений советской психологии известно, что развитие личности ребенка характеризуется иерархизацией мотивов. В каждой стадии (ведущей деятельности) уже заложены зачатки будущей, формируется новое качество. Эриксон же, по существу, не преодолел механистического взгляда на развитие личности. Как и другие неопрейдисты, Эриксон не преодолел ни психологического, ни биологического редукционизма. Зрелая личность для него — это синхронная организация всех прошлых стадий становления личности. При этом он высказывает мысль, что человеческий жизненный цикл и социальные институты развиваются вместе. Так, например, соци-

альный институт, который поддерживает первую стадию, — это религия. Социальный институт, поддерживающий вторую стадию, — это закон. Социальные стадии являются в известной мере производными от стадии индивидуального развития личности:

* *
*

Анализ теорий представителей неопрейдизма убедительно доказывает неудавшуюся попытку социологизировать учение З. Фрейда. В их положениях остались основные методологические пороки фрейдовского учения: во-первых, врожденность, фатальность механизмов развития личности и, во-вторых, антагонизм между желаниями, потребностями человека и требованиями окружающего его мира. Остается дуалистическое противопоставление природного и социального. «Коренная тревога» у Хорни, «стремление к нежности» у Салливена, «отчуждение» у Фромма — эти по существу временные, преходящие характеристики возведены неопрейдизмом в сущность человека, при этом врожденную, фатальную, существующую. Невротическая личность объявляется моделью здоровой. У неопрейдистов личность остается пассивной, обреченной: она либо противостоит обществу, либо является продуктом «больного общества». Неопрейдисты не смогли усвоить общественной обусловленности сущности личности, не смогли так же, как и Фрейд, понять, что «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [3, 3, 37]. Ответственность человека за свои поступки и действия, стремление человека к общественно полезному труду сбрасывались со счетов.

Неопрейдисты так же, как и Фрейд, стремились выявить внутренние структуры личности, подойти к механизмам ее формирования и функционирования. Этим стремлением они нанесли удар по идеалистическим философским положениям в психологии, но при этом они только подменили идею конвергенции социального и биологического факторов идеей их конфронтации. Иными словами, их учения оставались в рамках идеалистического понимания психического.

Если у Фрейда в центре внимания положение о бессознательном, то у неопрейдистов основой становится «Я». Процессы «вытеснения», сублимации характерны для ортодоксального фрейдизма, заменяются процессами «защитных» механизмов, изучение которых становится генеральным путем анализа личности. Центр тяжести переносится с неосознаваемых влечений на анализ примитивных переживаний (страх, тревога). «Социологизация» неопрейдистов состоит не

в анализе человеческих отношений, а в анализе субъективных отношений. Познание объективно существующих отношений подменяется анализом субъективно существующих явлений, в итоге которых каждый человек по-своему познает мир.

Проблема «защитных механизмов», которые, безусловно, играют большую роль в жизни не только невротика, но и здорового человека, решается у неопрейдистов односторонне. Регуляция поведения, которая осуществляется с помощью защитных механизмов, как они выступают у неопрейдистов, неполноценна, так как сама система этих защитных механизмов начинает помимо сознания человека предопределять способ его поведения. Человек становится рабом сформировавшихся защитных механизмов. Если эта система обладает еще известной жесткостью, то это приводит к трансформации, к переструктурированию самой личности, ее целей и мотивов.

Выступая на неосознаваемом уровне, защитные механизмы нередко приводят к искажению реальных поступков человека; поведение его лишается характера регуляции. Поэтому не случайно, что содержание психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий состоит в том, чтобы пациент осознал истинный смысл своих действий, чтобы он смог увидеть себя со стороны. Только при осознании истинного «лика» своих действий и переживаний может выявиться регуляция поведения. Следует отметить, что подобное осознание и регуляция могут произойти и без вмешательства других людей, оно может выступить и спонтанно. Однако в научной психологии мало занимаются этими проблемами. Они являются скорее уделом художественных произведений.

Но бывает и так, что «меры защиты» и компенсаторные действия принимаются сознательно. Выполняя функцию регуляции, смысловые образования меняют содержание и характер мотивов, придают поступкам и действиям человека произвольный характер. Регуляция поведения осуществляется путем управления собственными потребностями, желаниями, побуждениями. Сознательно поставленная цель и контроль за своими действиями на пути к достижению этой цели являются основными звеньями опосредованного поведения.

Происходит восстановление реальных форм жизнедеятельности человека. Исчезает необходимость сублимации, замещающих действий. Его поступки начинают детерминироваться реальными мотивами, его действия становятся целенаправленными, происходит восстановление нарушенного общения. Иными словами, опосредование как устойчивое личностное свойство начинает определять образ жизни («стиль») человека, его самооценку и видение мира.

ТЕОРИЯ ФРУСТРАЦИИ

Разновидностью неопрейдизма является также теория фрустрации (препятствие). Представители этого направления (Доллард, Миллер и др.) считают, что движущей силой развития человеческой личности является наличие фрустрации, которая всегда существует, потому что внешний мир *враждебен* человеку. Развитие человека должно пойти, по мнению представителей этой теории, как бы *вопреки* действию внешнего мира, который «на каждом шагу» выдвигает эти препятствия. Они могут носить разный характер, они могут выступить в виде *физических, моральных, духовных* фрустраций. Вся наша жизнь заключается, по мнению этих ученых, в борьбе с ними.

Человек рождается, по их мнению, спокойным, но вот он вступает в жизнь, и тут начинают появляться препятствия, на которые человек все время реагирует. Реакции могут быть разными. Прежде всего, борьба с фрустрацией выступает в виде агрессии, которая может быть разной модальности, различной формы: это может быть агрессия поведения (что часто представлено в американских фильмах); она может выступить в виде *негативизма (у подростка)*, в *вербальном плане*, в виде проявлений *садизма, мазохизма*; фрустрация иногда выступает в виде *депрессии, гнева*. Доллард перечисляет большое количество форм фрустрации, другие исследователи перечисляют немногим меньше.

Советский психолог Н. Д. Левитов [26] справедливо указывает, что агрессию следует изучать не только как поведение, но и как состояние, что чрезвычайно важно оценить и эмоциональный компонент этого состояния. Н. Д. Левитов указывает, что известный американский психиатр Наулис, выступая на III Международном симпозиуме по эмоциям в 1968 г. (США), говорил также о том, что в эмоциях, прежде всего выделяют гнев. Действительно, очень часто человек на всех этапах агрессивного состояния — при подготовке агрессии, в процессе ее осуществления и при оценке результатов — переживает сильную эмоцию гнева, иногда принимающую форму ярости. Но не всегда агрессия сопровождается гневом, и не всякий гнев приводит к агрессии. Неверно считать, что каждый гнев провоцирует агрессию. Существует «бессильный гнев» при фрустрации, когда нет никакой возможности снять барьер, стоящий на пути к цели. Иногда дети переживают гнев по отношению к старшим, но этот гнев обычно не сопровождается агрессией, даже в словесной форме.

Есть также «благородный гнев», обычно связанный с неодобрением по поводу какого-либо дурного поступка. Такой

гнев может побуждать не к агрессии, а к творчеству. Когда Ювенал говорил: «Негодованием порождается стих», то имел в виду, несомненно, гнев [цит. по: 26, 169].

Идея о том, что фрустрация может служить механизмом развития личности, легла в основу многих методик, в частности известной и популярной методики Розенцвейга.

Как известно, методика эта состоит в следующем: испытуемому предлагают небольшую карточку четырехугольной формы, которая разделена на две половины. В одной половине изображено какое-то событие, на второй — человек. Содержание события фрустрационное. Испытуемый должен в письменном виде дать ответ человека, подвергаемого фрустрации.

Например, изображены 2 молодых человека. Один из них говорит: «Я вчера пошел в кафе с твоей девушкой. Она мне сказала, что ты занят». Испытуемый должен написать ответ другого человека.

Или изображена другая ситуация: стоит человек, пальто которого забрызгал проезжающий автомобиль. Испытуемый должен написать, какая будет реакция человека.

Детский вариант. Изображена ситуация, где ребенок тянется к конфете, а мать ему говорит: «Извини меня, пожалуйста, но эта конфета предназначена для твоей маленькой сестренки». Или маленький мальчик играет на барабане. Отец говорит ему: «Ты не шуми, мама спит». Необходимо записать ответ ребенка.

На основании статистической обработки большого количества ответов Розенцвейг разделил испытуемых на две группы: тех, которые берут вину на себя («интрапунтивный тип»), и тех, которые перекладывают вину на других («экстрапунтивный тип»).

Иными словами, фрустрация действует по-разному: одни люди направляют агрессию непосредственно на других, а другие — на самих себя: я неловкий, я неуклюж, я неправ и т. д. Эти эксперименты были проведены в нашей лаборатории с подростками-психопатами. Это были взрывчатые психопаты, которые были настолько тяжелы дома и в школе, поведение которых было настолько асоциальным, что их пришлось поместить в психоневрологическую больницу (исследования нашей дипломницы И. Кантор). И вот оказалось, что данные истории болезни, характеристика учителей, медицинских сестер и всех тех людей, которые наблюдали этих подростков, свидетельствовали об их агрессивности, а результаты, которые были получены с помощью теста Розенцвейга, свидетельствовали о другом. Эти ребята отвечали соответственно нормам общества. Ребенок, который терроризировал всю свою семью, который сильно обижал свою мать или старую бабушку, выступал в этом эксперименте как «пай-мальчик»: «Пожалуйста, мамочка, отдай конфету моей сестричке, ведь она мень-

ше меня» или «Не волнуйтесь! Я отдал свое пальто в химчистку».

Почему появилось это несоответствие? Потому что ребята опосредовали свое поведение. Когда мы говорим об опосредованности, то мы должны думать не только о познавательных процессах, но и о том, что наши действия, мотивы, интересы опосредованы. Чем сознательнее человек, чем адекватней у него позиция во время эксперимента, тем больше выступает опосредованность поведения.

Мы привели эти данные для того, чтобы показать, что в основе теории фрустрации лежат те же ложные представления, которые свойственны фрейдизму — о врожденной агрессивности человеческой природы, выступающей здесь в своей утрированной форме. В этой теории особенно четко выступает непонимание того, что агрессивность как основная черта личности зависит прежде всего от тех условий, в которых развивается человек.

ЛИЧНОСТИ ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Среди психологических направлений, резко выступавших против атомистической психологии, выделяются так называемые гуманистические. Сущность этих теорий состоит в том, что личность рассматривается как некое психологическое образование, возникающее в процессе жизнедеятельности в обществе, как продукт развития человеческого опыта, усвоения общественных форм поведения. Личность является для психологов гуманистического направления неким психологическим образованием, которое относится не только к окружающей действительности, но и к самому себе.

В работах представителей этого направления все чаще выдвигается мысль о том, что у человека изначально существуют гуманоидные, альтруистические потребности, что именно они являются источниками поведения человека.

Это течение начало развиваться в 30-е годы и получило свое развитие в 50—60-е годы. Оно оказало большое влияние на развитие социальной психологии. Психологи стали все больше интересоваться личностью как «эмпирическим Я», их внимание все больше направляется на внутреннюю структуру личности.

Положения гуманистической психологии противопоставлялись и неопрейдистским концепциям. Представители этой теории резко протестовали, как мы увидим ниже, против положений о том, что человеческое поведение обуслов-

лено либо стремлением к удовольствию, либо тенденцией к агрессии, либо к защите от общества. Они отвергают положение, что природные импульсы обязательно враждебны обществу. Наоборот, гуманистическая психология объявляет в качестве механизма врожденные альтруистические мотивы. Иными словами, представители гуманистической психологии стояли на антропологической точке зрения. В этом отношении они противостоят положениям марксистского учения об обществе и человеке, рассматривающего природу человека как продукт ее общественно-исторической обусловленности, как следствие влияния совместной трудовой деятельности. Именно общественно-исторические условия формируют и аффективно-мотивационную сферу человека, его специфически-человеческие потребности. Для представителей гуманистического направления центральным ядром человека является представление человека о себе, его самооценка, имеваемая по разному: «Я-система», «Я-образ».

ТЕОРИЯ К. РОДЖЕРСА

Одним из ведущих представителей этого направления является Карл Роджерс (1900). Он начал свою деятельность как психиатр-терапевт, но потом перешел к проблемам психологии и занимал в 1946—1947 гг. даже пост президента американской ассоциации психологов.

Свой метод терапии К. Роджерс назвал «индирективным» (Client centralterape), т.е. сосредоточенным на пациенте. Согласно методу Роджерса врач не должен оказывать внушение на пациента (он даже называет последнего клиентом). Контакт между врачом и пациентом должен основываться на уважении друг к другу; оба являются полноправными участниками беседы, контакта. Функция терапевта состоит в создании такой ситуации, где врач выступает как второе «Я» клиента и с пониманием относится к его внутреннему миру. Глубокое уважение к индивидуальной позиции личности — единственное правило терапии. Клиент в такой ситуации чувствует, что все внутренние переживания, ощущения воспринимаются с интересом и одобрением, это помогает открыть новые аспекты его опыта, иногда впервые осознать значение тех или иных его переживаний.

Разработанный К. Роджерсом метод терапии соответствует его представлениям о формировании личности и механизмах ее развития. В дальнейшем идея К. Роджерса об индирективной терапии переросла в психологическую теорию индирективного поведения. Общение и здоровых людей между собой должно быть индирективным.

Такое индирективное поведение, конечно, осложняется многими факторами. Оно требует большого уважения к человеку. Конечно, в жизни, особенно в условиях капиталистического мира, многое мешает индирективному общению людей друг с другом.

Поэтому эта теория оставила свой след главным образом в области детской психологии, в области детской психопатологии и, главное, в области терапии неврозов, где действительно есть широкое поле для индирективного общения.

Центральным звеном в теории личности К. Роджерса является категория *самооценки*. В результате взаимодействия ребенка со взрослыми и другими детьми у него создается представление о себе.

Однако формирование самооценок не проходит без конфликта. Очень часто оценка окружающих не соответствует самооценке. Человек стоит перед дилеммой, принять ли оценку других либо остаться при своей. Иными словами, обесценить либо себя, либо других. Происходит сложный процесс «взвешивания», который Роджерс называет «органическим оценочным процессом». В начале источник оценок лежит как бы внутри организма ребенка. В качестве иллюстрации К. Роджерс приводит следующий простой пример: одну и ту же пищу ребенок принимает или отвергает в зависимости от своего внутреннего состояния. Выбор пока определяется собственными ощущениями ребенка, а не мнением родителей, наставников, церкви, рекламирующих фирм. Но впоследствии ребенок «предает мудрость своего организма», отказывается от индивидуального оценочного механизма, подчиняет свое поведение системе оценок окружающих, чтобы не потерять их любовь. Ребенок учится недоверчиво относиться к собственным ощущениям, желаниям, перенося источник оценок на других людей. По мнению Роджерса, таким путем многие люди получают ценностные образы, зачастую крайне противоречивые, так как порождаются они огромным количеством источников. Присваивая эти ценности, не вникая в свои внутренние ощущения и реакции на эти образы, человек уходит все дальше от истинной самооценки. Именно это противоречие между осознанными, но ложными оценками и оценочным механизмом на неосознанном внутреннем уровне характеризует незрелую личность, страдающую от невозможности самоактуализации (Роджерс избегает клинический термин «невроз»). Стремясь сохранить «свои» ценности и основанное на них представление о себе (*self concept*), человек строит систему защиты против опасного, несовместимого с «Я-концепцией» опыта. Представление личности о себе в окружающем становится все менее соответствующим реальности, и требуется всё большее число защитных реакций, чтобы сохранить неправильное представление о себе. Ликви-

дировать эту пропасть между сознательной «Я-концепцией» и отвергаемым реальным опытом, приблизить человека к собственному внутреннему опыту можно лишь в ситуации, не несущей угрозы личности, в ситуации полного принятия клиентом врача, к чему и призвана разработанная Роджерсом индирективная терапия. В результате формируется новая, гибкая «Я-концепция», не противостоящая реальному опыту и ориентированная на внутренние оценочные процессы. Изменение поведения происходит автоматически, как результат перестройки представлений о себе.

Таким образом, и у Роджерса, как и в неопсихоанализе, развитие личности определяется врожденной тенденцией, социальная среда играет лишь роль внешнего, чуждого природе человека фактора давления. Внутренние конфликты, невротика никак не отражают объективные трудности, с которыми он сталкивается, реально действуя в своей социальной среде.

Как и у Фрейда, психическое детерминирует себя, его отношение с внешним миром носит форму конфликта принципиально. Конечно, нельзя игнорировать важный в практическом отношении обобщенный опыт Роджерса как практикующего психотерапевта в смысле выделения основных качеств взаимоотношений с клиентом, игнорировать эффективность постоянного дружелюбного совместного контакта и размышления с больным. Актуально звучат требования Роджерса к психотерапевту: никогда не подходить к пациенту с готовой схемой, учитывать то, что думает по поводу своих трудностей сам больной. Практически важно и основное положение Роджерса о влиянии самооценки человека — таких ее свойств, как гибкость, как соответствие ее поведению человека, — на психическое здоровье человека в целом.

К. Роджерс подчеркивает, что часто люди имеют о себе неправильное представление, и во избежание необходимости перестройки своего представления они искажают ту реальность, в которой живут. Но бывает и так, что они искажают не реальность, не оценку других людей, а собственную самооценку: «Я плохой»; Роджерс подчеркивает, что человек не всегда поддерживает свою высокую самооценку, он игнорирует свой жизненный опыт. Такое явление искажения реальности является неосознаваемой мерой защиты и приводит к невротическому конфликту, поэтому цель психотерапевта, и не только психотерапевта, а окружающих человека людей, — помочь созданию гибкой самооценки.

Такое понимание факторов, определяющих поведение и самочувствие индивида, диктует и терапевтический метод Роджерса как психиатра. Для того чтобы вылечить человека, психиатру надо внести изменения в его представление о се-

бе, согласовать его опыт с этим представлением (добиться согласия пациента с самим собой, «Я» — с организмом) и таким образом открыть ему путь для правильного накопления опыта и дальнейшего развития.

Одним из условий психической цельности индивида и его психического здоровья является гибкость в оценке самого себя, в умении под напором опыта переоценивать ранее возникшую систему ценностей. Гибкость, согласно мысли Роджерса, есть необходимейшее условие безболезненного приспособления индивида к постоянно меняющимся условиям жизни.

В отличие от психоаналитиков он утверждает, что даже самые первичные, исходные потребности и стремления могут действовать у человека лишь при том условии, если они поддержаны соответствующими нормативами. Так вырастает тезис Роджерса о значении для человека положительной оценки со стороны общества и принятой им морали. Потребность в положительной оценке, говорит он, вместе с развитием личности становится все более и более настоящей, и в конечном счете человек начинает нуждаться в одобрении и уважении других людей даже больше, чем в удовлетворении потребностей своего организма. На почве уважения возникает и самоуважение, которое тоже становится важнейшей потребностью индивида. Причем свою функцию регуляции поведения и опыта она может выполнять и вне ситуации взаимоотношений человека с другими людьми.

Главная заслуга Роджерса, как нам думается, заключается в том, что он сделал предмет своего эмпирического исследования и анализа внутреннюю психологическую структуру личности. Он сосредоточил внимание на таких существенных для формирования человеческой психологии явлениях, как явления самосознания и самооценки, на их функциях в поведении и развитии субъекта. Он пытался понять эмоциональное состояние пациентов, причину и характер их заболеваний из того соотношения, в котором находятся между собой их самооценка и оценка их другими людьми, самооценка и опыт. Он тщательно изучал различные виды этих соотношений, пытался до тонкости проанализировать, как возникает и формируется то или иное отношение человека к самому себе, как оно изменяется и приспосабливается к обстоятельствам или, напротив, как оно препятствует правильно накоплению и использованию опыта.

Такого рода анализ позволил ему многое понять в поведении и деятельности больных и здоровых людей, в их взаимоотношениях с окружающими, позволил глубже проникнуть в причины их аффективных переживаний и даже в их общее мироощущение. Неудивительно поэтому, что система взглядов Роджерса имела, очень большой резонанс как в

психологии, так и в психиатрии и вызвала к жизни много конкретных исследований внутренней структуры личности человека.

ТЕОРИЯ Г. ОЛПОРТА

Гордон Олпорт (1897—1967) тоже был психотерапевтом, но вскоре отошел от медицинской практики и стал заниматься психологией.

Олпорт отличается от всех других представителей зарубежной психологии тем, что он шел не от клиники к здоровому человеку, не от психически больного к здоровому, а наоборот. Он даже высказал тезис о том, что психологи должны перейти от исследования больных людей к исследованию здоровых. Этим он отличается от неофрейдистов и К. Роджерса, которые переносили закономерности развития психики невротика на здоровую личность.

Следующее положение Г. Олпорта гласит: человек представляет собой «открытую систему». Это означает, что развитие человека происходит всегда во взаимосвязи, во взаимоотношениях с другими людьми. Человек не только дает что-то окружению, но и сам получает от него.

В этом кроется первая попытка представить окружающий мир как неантагонистический. «Человек — открытая система», по Олпорту, не означает антагонистического отношения между субъектом и окружающим миром. Наоборот, это отношение развивает человека как личность и дает возможность развитию микросоциального и макросоциального мира. В этом положении кроется также мысль о том, что не существует равновесия между окружающим миром и человеком. Поэтому человек должен все время устанавливать новые отношения и развивать отношения существующие, т. е. «разрывать» гомеостаз. Олпорт очень отчетливо подчеркивает это. Важным представляется нам еще одно положение Г. Олпорта: трактовка личности как открытой системы не означает признания ее устойчивых параметров. Именно их непрерывное становление является основной формой существования личности.

В одном из своих трудов Г. Олпорт пишет: «Чтобы понять, что представляет собой личность, необходимо всегда адресоваться к тому, чем она может быть в будущем, так как каждое состояние ориентировано в направлении будущих возможностей» [58, 12]. Г. Олпорта часто причисляют к персонализму. Но это не совсем так, как отмечает Л. И. Анцыферова. Понимание Олпортом личности «человек — открытая система» отличается от понимания личности

в школе персонализма. Персонализм считает личность первичной и высшей творческой духовной реальностью, которая по своей воле создает общество, социальные институты. Олпорт же, наоборот, рассматривает личность как явление производное от системы широких связей между людьми. Именно социальные отношения конституируют личность. Личность, по Олпорту,— это модель категоризации отношений. Конечно, Олпорт не видел, что эти отношения носят классовый характер, что личность является продуктом общественно-исторических отношений, но все же развитие личности, по мнению Олпорта, определяется степенью автономности ее мотивов, ее отвязывания от биологических потребностей. В этом отношении положение Г. Олпорта противостоит фрейдизму.

В качестве механизма развития личности Г. Олпортом объявляются черты (Traites).

Понятие «черта» — это не черта характера, это «черта-мотив» или «черта-интерес».

Что же представляют собой черты по Олпорту? В нашей терминологии это мотивы, которые действуют в данный момент. Олпорт подчеркивает в отличие от Фрейда, что черты (мотивы) взрослого зрелого человека радикально отличаются от черт ребенка. Черты не являются биологическим явлением, но они и не сводятся к духовному началу. Олпорт высмеивает тех психологов, которые считают, что нашей деятельностью, нашими действиями владеет некое духовное начало. Приведем одну маленькую цитату. Она гласит: «Если мы будем считать, что природа этих черт (мотивов) коренится в духовном начале, то мы должны признать доктрину маленьких человечков в груди, захватывающих с помощью гипофиза исключительно контроль над всякой общей и отдельной активностью. Один маленький человечек будет сделан ответственным за побуждение актов добра, а другой гомункулус будет описан в виде агрессивного, жадного, вульгарного маленького человечка» [53]. Это, по мнению Олпорта, ошибка всей прежней психологии способностей с ее списком активных сил души.

«Черта» (Traite), по мнению Олпорта, представляется мотивом человеческого поведения. Но откуда он берется? И вот тут начинается непоследовательность Олпорта.

С одной стороны, он считает, что черта-мотив — не биологический фактор. Но с другой стороны, он утверждает, что каждый человек рождается с каким-то «набором черт» (мотивов). Правда, мотивы трансформируются, подвергаются изменению в течение деятельности человека, но все же они врожденные.

У человека существуют два класса черт: основные и инструментальные. Основные черты — это те, которые

стимулируют наше поведение. Инструментальные черты как бы оформляют поведение человека. Например, такие черты, как вежливость, сдержанность, являются инструментальными. Они не побуждают, они только формируют наше поведение. Но Олпорт придает большое значение этим инструментальным чертам, так как они всегда переплетаются с основными и оформляют поведение человека, и это, вероятно, важное положение.

Действительно, мы воспитываем в детях некоторые черты, некоторые формы поведения, которые являются как бы внешними, такими, как вежливость, как необходимость считаться с другим человеком. Но, по Олпорту, все эти инструментальные черты, переплетаясь с основными, влияют на формирование личности. И это, вероятно, глубоко правильная мысль. Если внешние черты поведения, инструментальные, существуют изолированно, то это плохо, но если они входят в иерархию и всех остальных черт, они начинают играть роль побудительного, смыслообразующего мотива. В сущности это то, что Л. И. Божович называет «дополнительными» мотивами [13].

Олпорт говорит еще о том, что переплетение инструментальных и основных черт, возможность самого факта переплетения является источником формирования новых мотивов. Мотивы все время формируются, трансформируются. И в этом своем положении он спорит с неофрейдистами, которые считают, что новые мотивы являются всегда ошибками «врожденного, основного, биологического инстинкта. Новые мотивы формируются, по Олпорту, не в качестве трансформации этих биологических мотивов, это новые мотивы, сформировавшиеся в условиях жизнедеятельности человека и под влиянием все время переплетающейся ситуации основных и инструментальных черт. А инструментальные черты вызываются в сфере общения с другими людьми. Ведь человек не может, допустим, быть вежлив, если нет еще кого-то. Человек не может быть вежливым по отношению к предмету, например по отношению к столу, можно быть вежливым, если существуют другие люди. Инструментальные черты порождаются в общении с другими людьми. Не случайно социальные психологи считают Олпорта в какой-то мере своим, т. е. социальным психологом.

Г. Олпорт говорит, что постоянство черт это вопрос зрелости личности. У каждой личности существуют черты, имеющие главное значение, и трайты, имеющие второстепенное значение. Иногда черта (трайт) становится ведущим фактором в жизни человека, она заслуживает того, чтобы называться кардинальной чертой. Черта является доминирующей; только малое число действий не может быть подвергнуто прямо или косвенно ее влиянию. Ни одна такая

черта не остается долгое время скрытой. Человека узнают по этой черте. Такое ведущее положение черты объявляется как ведущее чувство, или «корень» жизни.

Только необычная личность обладает одним и только одним выдающимся трайтом. Обычно их много и они не отделены друг от друга. Центральные трайты — это те, которые обычно упоминаются в точных рекомендательных письмах, в оценочных шкалах, где экспериментатор отмечает звездочкой выдающиеся личности, или в кратких вербальных описаниях личности.

Можно также говорить о вторичных трайтах, менее заметных, менее генерализованных, менее константных, менее вовлекаемых в игру, чем центральные трайты. Они возбуждаются узкой областью эквивалентных стимулов, имеют результатом более узкую область эквивалентных ответов. Будучи таким образом ограниченными, они могут остаться незамеченными всеми, кроме близких знакомых.

Само собой разумеется, что эти градации являются произвольными и выделены только для удобства рассуждения. Не существует статистического критерия или какого-либо другого, которым отличается одна градация от другой. В действительности существуют разно организованные трайты — от ограниченных и непостоянных до более распространенных и наиболее устойчивых.

Исходя из своих представлений, Олпорт выделяет следующие черты, свойственные здоровой личности: 1) активная позиция по отношению к действительности; 2) доступность опыта сознанию (т. е. способность видеть события собственной жизни такими, каковы они есть, не прибегая к «психологической защите»; 3) самопознание; 4) способность к абстракции; 5) постоянный процесс индивидуализации; 6) функциональная автономность черт; 7) устойчивость к фрустрациям. В качестве важнейшего условия развития личности Олпорт считает возможность к «сопротивлению равновесию». Напряжение должно поддерживаться, а не устраняться (в противоположность Левину).

Для доказательства Олпорт обращается к описанию жизни выдающихся людей, в частности Амундсена, доказывая, что их жизнь — это непрерывное преодоление трудностей, более того, эти замечательные люди сами постоянно к этому стремятся.

Олпорт восстает против бихевиористского «закона эффекта», согласно которому действие, награждаемое в детстве, закрепляется и повторяется. Олпорт соглашается, что этот закон действует для врожденного инстинкта, но не для черт, не для духовных человеческих интересов. Удовлетворение интересов не ведет к их исчезновению, а, наоборот, часто усиливает их.

В качестве черт, характеризующих невротическую личность, он приводит следующие черты: 1) пассивная позиция по отношению к миру; 2) всякого рода «меры защиты» (вытеснение, сублимация, проекция, замещение); 3) искажение истинного положения вещей; 4) ограниченность мышления; 5) «закоснение» развития.

В приведенных положениях Олпорта сквозит правильное указание на то, что структура деятельности обладает характеристикой саморазвития — это диалектический подход к проблеме формирования личности.

Но надо понять (и это основа подхода советской психологии), что главной предпосылкой развития личности, ее мотивационной сферы является включение субъекта в общественно значимую, практическую деятельность. Мысль Олпорта не доводится до этого положения. Набор черт, по Олпорту, врожденный. Следовательно, Олпорт также не избегал признания о врожденной природе личности. Метод, которым Олпорт имплицитно руководствуется для построения своей теории, — это метод обобщения личностных качеств выдающихся творческих представителей человечества.

Характеризуя черты, Г. Олпорт пришел к мнению, что важна не их энергетическая характеристика. Они всегда свидетельствуют об объекте действий человека. При этом Олпорт выделяет одно очень интересное положение, а именно: в качестве объектов, побуждающих деятельность человека, могут выступить отсутствующие и даже воображаемые объекты. О человеке можно, по Олпорту, судить по тому, как он прогнозирует свое будущее. Перефразируя поговорку «Скажи кто твой друг, и я скажу, кто ты», по Олпорту можно сказать: «Скажи, как представляешь свое будущее поведение, и я скажу, кто ты». В этом смысле положение Олпорта перекликается с понятием «временной перспективы» К. Левина. Как известно, говоря о временной перспективе, К. Левин подчеркивал, что в нее включены мотивы и намерения, которые могут быть осуществлены в будущем. К. Левин любил в своих лекциях ссылаться на феномен, который наблюдался у молодых правонарушителей, отбывающих наказание в трудовых лагерях. Некоторые юноши вели себя хорошо, им сокращали срок пребывания, но буквально за день-два до освобождения они совершали попытки к побегу. По мнению К. Левина, ожидаемая свобода была уже включена в «жизненное пространство» юношей, обладая побудительной валентностью, она становилась энергетической системой, которая действовала в данный момент. Будущее было представлено в виде «вектора к свободе» в данный момент. Олпорт тоже говорил, что возможность прогнозировать будущее играет большую роль в мотивационной сфере человека, в его деятельности.

Таким образом, мотивом человеческого поведения, по Олпорту, может быть не только объект, существующий вне нас, реальный объект, но и представление, воображение о том, что должно случиться. И хотя Олпорт подвергал критике энергетическую систему взглядов Левина, он сам был частично подвержен этим энергетическим представлениям. Представление о будущем было необязательно осознанным, оно было чаще всего неосознаваемым. Г. Олпорт тоже, как и Левин, придавал значение мысленным нереальным целям. Воображаемые цели тоже могут выступать в качестве механизмов человеческого поведения. В патопсихологических исследованиях это особенно раскрывается при анализе многих психопатических поступков, когда воображаемая цель имеет ту же побудительную функцию, что и реальная.

Перед Г. Олпортом стал вопрос, как раскрыть черты. Г. Олпорт не прибегает ни к опросникам, ни к жестким экспериментам. Он считал, что черты создаются в общении с другими людьми, но благодаря тому, что существует некий набор врожденных черт, все черты (и обрамляющие их) становятся автономными. Иначе говоря в течение жизни человека эти черты получают характер самостоятельности. У ребенка нет еще автономности черт. Они формируются в течение жизни, но сформировавшись, становятся устойчивыми, определяющими поведение человека.

В качестве примера он приводит пример человека, у которого доминирует черта щедрости [53]. Речь шла об юдном фермере, который участвовал в каком-то пикнике. Понадобилось купить пиво. К нему обратились с просьбой дать немного денег. И вот этот фермер импульсивно, как выражается Олпорт, вынул монету, значительно превышающую стоимость пива. Олпорт спрашивает: зачем же человек дал столько, если бутылка пива стоит значительно меньше? И сам дает ответ: в непридуманной ситуации выявилась основная черта фермера — щедрость.

Другой человек, нещедрый, тоже дал бы деньги, но он дал бы ровно столько, сколько полагается, а этот человек дал безрассудно много, потому эта черта — щедрость — была для него настолько автоматизированной, что она действовала вопреки сложившимся условиям. Этот пример довольно наивный, можно даже сказать, обывательский, но он отражает мысль Олпорта об автономности черт.

Это очень похоже на взгляды Левина. Ведь Левин тоже говорил, что произвольное, намеренное поведение проявляется у человека, который «стоит над полем». И у Левина подчиняемость и неподчиняемость зависела не только от вектора данного поля, но также от динамического построения всей структуры потребностей человека. И в этом смысле Олпорт отдает дань энергетической теории Левина. Поэтому в качестве метода Олпорт считает нужным употребить интервью,

т. е. беседу с человеком и наблюдение за его поведением, причем он предлагает наблюдение, которое он называет «временным срезом», когда два или три человека наблюдают за одним испытуемым в равных и в разных условиях. Потом эти экспериментаторы делятся своими впечатлениями о поведении данного человека. И чем больше людей сходятся в своей интерпретации поведения (а иначе это нельзя назвать), тем большей достоверностью обладают полученные наблюдения. Таким образом, Олпорт призывает к методу наблюдения, но в разных условиях. Он дает некоторые очень интересные примеры, которые хотелось бы привести здесь.

Для иллюстрации Олпорт описал поведение человека, доктора Д., который был всегда аккуратен, безупречен в соблюдении порядка в доме, в отношении своих деловых бумаг. Однако однажды, уходя из своего института, он забыл закрыть дверь. И вот по его вине были украдены какие-то ценности, бумаги, акты и др. Олпорт спрашивает, как же это случилось. Что же мы можем сказать по этому поводу? Мы можем, конечно, сказать, что данный человек, доктор Д., просто забыл закрыть дверь. И вот ряд экспериментаторов стали наблюдать за поведением этого человека. И оказалось, что этот доктор был педантичен и аккуратен только тогда, когда дело касалось его собственных дел, его личности, а когда это касалось других людей, педантичность исчезала. И это не была невротическая черта, как подчеркивает сам Олпорт, это не была, скажем, педантичность эпилептоида. Этот здоровый человек был педантичен только в отношении своих собственных интересов. И вот, сопоставляя такие данные, Олпорт, приходит к утверждению, что основной чертой, именно генотипической чертой этого доктора Д., был эгоизм, эгоцентризм, а его аккуратность, его педантичность была только инструментальной чертой, которая оформляла его поведение, и если условия сложились так, что должны были выступить его основные черты, то выяснилось, что он совсем неаккуратный, непедантичный; в других условиях эти его инструментальные черты как бы прикрывали истинные.

Таким образом, Олпорт приходит к мнению, что «черты» можно обнаружить у человека, только наблюдая за ним.

Черты (трайты) обнаруживаются не с помощью дедуктивного рассуждения. Они обнаруживаются в индивидуальной жизни в наблюдаемых актах поведения. Олпорт говорит о том, что существует много технических вспомогательных средств, которые могут быть использованы для обнаружения трайтов, но каждое является не более усовершенствованным, чем наблюдения в ежедневной жизни. Усовершенствование снимает вероятность ошибки, но не раскрывает черты. В обычной жизни доказательство того, что определенный человек является «фанатичным борцом за справедливость», основывается на наблюдении за его поведением в ситуациях, где его видят активным и агрессивным в требовании справедливости или при защите побежденного. Доказательство, конечно, может быть ошибочным, оно может быть основано на каком-либо впечатляющем отдельном случае, который, отделенный от обычных условий, не является типичным для

обычного поведения человека. Так как здравый смысл не имеет общепринятого критерия для заключения о трайте, первые впечатления, часто ошибочные, становятся выводом. Хотя психолог также полагается на наблюдение и заключение, он никогда не удовлетворяется непроверенными первыми впечатлениями. Это его долг — требовать более точного доказательства.

Методы установления трайтов зависят от вида трайта, который является объектом исследования. Для исследования основной индивидуальной черты обычно применяется так называемый клинический метод, особенно психиатрами, консультирующими психологами и писателями. Исследователь проводит длительное изучение отдельного индивидуума и на основе личного знакомства с данным случаем заявляет, что такие-то и такие-то трайты являются выделяющимися. Возражение против этого метода состоит в том, что он основывается в конечном счете на «интуиции» исследователя без объективной проверки. Клинический метод недалеко ушел от простого здравого смысла в своей опоре на субъективные решения. Но в защиту клинического метода можно настаивать на том, что продолжительное критическое исследование многостороннего материала, даже хотя бы выполненное отдельным лицом без внешних проверок, имеет тенденцию к тому, чтобы быть действительным, ценным. Переступаются пределы ошибочных первых впечатлений и выясняется истинный смысл поведения.

Экспериментирование также обеспечивает доказательство в пользу существования индивидуальных трайтов. Всякий раз, когда на разнообразные задания, данные в лаборатории, отвечают постоянным образом, всякий раз, когда многие ответы находят эквивалентными, можно без опасения сделать заключение о трайте. Оценка черты является особенно убедительной, если используются данные нескольких экспертов.

Особенно полезным в исследовании трайтов маленьких детей является метод временного их сравнения (временных проб). Два или более независимых наблюдателя в течение коротких периодов следят за естественной и несдерживаемой активностью детей. Каждое наблюдение может длиться не более одной минуты. Благодаря повторению, скажем, с интервалами в один час на протяжении нескольких дней, накопление таких наблюдений дает правильное определение поведения. Когда различные наблюдатели приходят к соглашению о наличии частого повторения определенных форм поведения, имеется основа для заключения в пользу трайта.

В целях лучшего обнаружения общих трайтов могут быть использованы разнообразные статистические

средства. Однако для характеристики основных черт, составляющих структуру человека, статистические данные ничего не объясняют.

Учение о трайтах отличается также от теории факторов или любой другой системы общих измерений, к которой каждый человек категорично относится. Концептуализированные номотические единицы (факторы, инстинкты, потребности и тому подобное) подчеркивают то, что является универсальным в людях, а не то, что организовано в интегративные, личностные системы. Система трайтов делает акцент на конкретной личности.

Трайты наблюдаемы не непосредственно, о них делается заключение. Без такого заключения стабильность и постоянство поведения личности не могут быть объяснены. Любое специфическое действие является продуктом бесчисленных детерминант, не только трайтов, но и давлений момента и специализированных влияний. Но именно повторяющиеся случаи действий, имеющих одинаковое значение, есть то, что делает постулирование трайтов как состояний реальности. Трайты не являются активными во все моменты, но они постоянны, даже когда находятся в латентном состоянии.

Одно дело — признать трайты как наиболее приемлемую единицу для исследования психологии личности, другое дело — определить точный характер этих трайтов в данной ситуации. Для того чтобы избежать проекции своей собственной личности и многих других источников ошибок, чтобы сделать свои заключения обоснованными, исследователь-психолог должен использовать все эмпирические средства науки. Трайты не могут быть вызваны экспериментально, они должны быть обнаружены. Для этого надо наблюдать, беседовать, исследовать каждого отдельного человека. Важны условия, среда, но все же каждый человек по-своему формируется в одних и тех же условиях, и по-своему развивается. Эта мысль, может быть, не столь ярко выраженная, сквозила у Роджерса. На этом основано учение индирективной терапии.

Кроме редких случаев, вежливость, по Олпорту, не является мотивационным трайтом. Человек не покидает дом и не разыскивает других людей, чтобы быть вежливым с ними. Один может помогать другим, потому что он общителен и испытывает беспокойство без их общества; разыскав их, находясь в их компании, он может вести себя по отношению к ним вежливым образом. Так же и с человеком, который часто проявляет себя сильным не ради того, чтобы быть сильным, скорее, он использует стиль поведения «сильного», где бы он ни находился, по другим причинам, побуждающим к действию. Двое юношей, испытывающих переживания горя и мучительного разочарования, объективно похожие, могут

проявлять аффекты очень по-разному: один из них становится угрюмым, замкнутым, погруженным в свое страдание; другой не сгибается и становится более реалистичным и агрессивным. Ссылаясь на Левина, Олпорт говорит, что эта проблема внешней и глубоко лежащей причины является проблемой значительной важности в исследовании личности. Описания с точки зрения свойств, которые существуют «здесь и сейчас», являются фенотипическими; объяснения же, в которых ищут лежащие в основе поведения мотивы и стрессы, являются генотипическими.

С одной стороны, общие трайты ясно понимаются в фенотипических терминах. Когда стойкость, настойчивость, общительность, радикализм, пунктуальность или невротизм измеряются целой популяцией с целью сравнения всех субъектов по отношению к одному и тому же трайту, то, очевидно, нельзя понять, почему люди по-разному действуют. Статистические исследования трайта наводят на мысль об их поверхностной фенотипической классификации, так как они являются более тесно связанными с внешним поведением, нежели с основными мотивами. Напротив, движущие трайты должны, конечно, быть присоединены к левиновской концепции генотипических трайтов, так как они являются истинными побудительными причинами поведения. Психология личности должна иметь дело с трайтами обоих порядков, и именно по той причине, что в ходе развития генотипы часто трансформируются в фенотипы, а фенотипы — в генотипы.

Олпорт говорит о том, что ни для большой популяции, ни для отдельной личности невозможно, строго говоря, классифицировать трайты, так как важнейшие черты любых двух жизней никогда не бывают совершенно одинаковыми. Наибольшее, на что можно надеяться при анализе общей популяции,— это получение описания некоторых общих трайтов, по которым люди могут быть грубо сравнимы. Для индивидуального человека (так как его трайты никогда не бывают полностью независимыми друг от друга) перечисление в терминах статистических единиц невозможно.

Г. Олпорт высказывал свои мнения по поводу тестовых исследований; он считает, что вопрос о независимости трайтов имеет важное значение для конструирования и интерпретации тестов. Так как тесты изобретены для измерения общих трайтов, то интерпретация счета очков у любого индивидуального субъекта является трудновыполнимой задачей. Когда человек отвечает на вопросы или выполняет действия, продиктованные тестом, он ведет себя специфически адаптивным образом. Маловероятно, что такое адаптивное поведение является продуктом одного и только одного детерминирующего распределения. Тест может измерять один

и только один трайт. Это достаточно грубое и приблизительное изобретение, посредством которого исследователь выявляет что-то о черте, не зная о личности в целом.

ТЕОРИЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ А. МАСЛОУ

Абрахам Маслоу (1907—1970) был одним из наиболее ярких представителей гуманистического направления.

Хотелось бы напомнить, что в качестве одного из рабочих параметров для классификации теории личности можно было бы назвать отношение к установлению равновесия. Одни из психологов видят источник человеческого поведения в установлении гомеостаза, равновесия, а другие, наоборот, видят его в разрушении гомеостаза. И по существу говоря, уже Олпорта можно причислить к тем ученым, которые возражают против этой теории гомеостаза. Особенно ярким представителем группы психологов, которая взрывает эту теорию гомеостаза, является А. Маслоу.

Кроме того, Маслоу еще больше, чем Олпорт, подчеркивает то положение, что не следует изучать психологию личности человека на основе изучения невротиков.

Основным источником человеческой деятельности, человеческого поведения, поступков Маслоу считает непрерывное стремление человека к самоактуализации, стремление к самовыражению. Потребность в самоактуализации несет в себе ряд функций. Во-первых, это по своей сущности гуманистическая потребность, т.е. потребность приносить людям добро. По своей сущности человек добр. Маслоу по-своему интерпретирует теорию Дарвина. По его мнению, последний упростил проблему приспособления животного к окружающей среде.

Маслоу говорит, что, по Дарвину, выживают агрессивные и сильные животные. Но Маслоу с этим не согласен. Он считает, что, жестокость и агрессия не являются основным инстинктом животных. Так, животное не будет агрессивно, если оно сыто: сытый лев или сытый тигр не набрасывается на жертву, агрессия животного служит лишь вынужденным средством приспособления. Таким образом, во-первых, Маслоу отрицает врожденную агрессивность у животного. Во-вторых, Маслоу подчеркивает, что у животных не менее выражен инстинкт сохранения своей популяции, т.е. инстинкт, который заставляет их помогать друг другу. И вот развитие этого гуманоидного инстинкта он экстраполирует и на развитие человека. Это дань антропологизму.

Второе важное положение, заключающееся в поятии

«самоактуализация», — это то, что человек обязан быть тем, чем он может стать, человек обязан выполнить свою миссию, используя все свои возможности и способности.

Есть еще один нюанс в теории Маслоу, который тоже очень важен. Как Маслоу шел к своим положениям? Ведь Маслоу не был экспериментатором. Маслоу не прибегал ни к интервью, ни к вопросам. У него был свой своеобразный метод — метод биографический: он изучал истории жизни, биографии великих людей.

Маслоу считал, что потребность в самоактуализации, эта высокая гуманоидная потребность, возникает всегда у здоровых людей. У невротиков она не возникает. Невротики лишены этой потребности и, собственно, сам невроз, по мнению Маслоу (хотя он и не был психиатром, но говорил об этом), возникает именно у тех людей, у которых нет по тем или другим причинам этой потребности самоактуализации. А потребность в самоактуализации возможна у здоровых, умственно полноценных людей. Разбирая биографии крупных ученых, путешественников, первооткрывателей, биологов, географов, он пришел именно к этому утверждению.

Иными словами, человек должен реализовать то, что в нем заложено, то, что он может. Если в нем заложены актерские способности, то он стремится стать актером. Если в нем заложены способности мыслителя, ученого, то он обязан это реализовать. И если он этого не делает, если условия жизни мешают этой реализации, то начинается конфликт, который состоит в том, что человеку не дано возможности самоактуализации, т. е. быть тем, кем он может быть. Именно такая неудовлетворенность порождает неврозы.

Перестройка общества должна происходить путем нахождения методов и путей для развития здоровых, сильных личностей. Оздоровление общества, по мнению Маслоу (в своих работах он подчеркивал это), идет не по пути социальной революции, а по пути оздоровления общества. Как и другие представители гуманистического направления (Роджерс, Олпорт), Маслоу считает, что общество может излечиться от всех своих бед. Все эти исследователи видели социальные неурядицы, безработицу, неустроенность рабочего класса, но считали, что улучшение социального общества должно происходить не революционным путем, не путем социальных преобразований, а путем проявления гуманистических потребностей.

Так чем же является личность, по мнению Маслоу? В чем же смысл самоактуализации?

По мнению Маслоу, самоактуализация — явление врожденное, она входит в природу человека. Человек рождается с гуманоидными потребностями в добре, нравственности, доброжелательности. Они составляют ядро человека. И чело-

век должен уметь только эти гуманистические потребности реализовать (и условия должны это позволять). Он даже говорит, что гуманистические потребности являются врожденными, инстинктоподобными. В этом отношении Маслоу, как и другие гуманистические психологи, нанес удар фрейдистам.

Для Фрейда социализация означала укрощение основных инстинктов — агрессии и либидозного фактора, т. е. сам процесс социализации он рассматривал как нечто вторичное.

Маслоу же утверждает, что в самом понятии «самоактуализация» уже заложено нечто социальное. Это не укрощение инстинктов, это не усмирение агрессии человека, а природа человека, в чем состоит, по мнению Маслоу, гуманоидность человеческой природы. И это явление положительное.

Но с другой стороны, самоактуализация является враждебным стремлением к гуманоидности и носит по существу антропологический характер. Ведь антропологизм заключается в том, что законы развития животного экстраполируются на развитие человека. И вот у Маслоу, по существу, эта линия проводится. По Маслоу, потребность в самоактуализации выступает как изначально данная, она была присуща человеку как таковому.

Л. С. Выготский любил повторять, что положительное и отрицательное в характере человека исходят из одной точки. И если перефразировать эти слова Выготского в отношении теории Маслоу, то можно сказать, что положительное и отрицательное в категории самоактуализации тоже исходят из одной точки.

Что является положительным в этом постулате, в этом положении? Положительным является то, что это явилось одним из главных средств в борьбе с фрейдизмом. Если фрейдисты и неопрейдисты утверждали, что первичными являются инстинкты, то Маслоу, как никто другой из буржуазных ученых, выступил против этого положения. С другой стороны, Маслоу настаивал, что природа гуманоидных потребностей не является продуктом общественного развития, а имеет врожденную природу. Об антропологическом характере теории Маслоу свидетельствует и его положение о том, как формируется гуманоидная потребность. Прежде всего, Маслоу перечисляет кроме потребности в самоактуализации различные потребности, которые существуют у человека. Он называет такие четыре потребности: 1) физиологические потребности продолжения рода, потребности в пище, т. е. то, что действительно природно у человека; 2) потребность в безопасности (здесь заметно влияние неопрейдистов); 3) потребность в защите. Иными словами, корни его учения уходят к Хорни, Салливану и т. д. И лишь над этими тремя группами потребностей как бы выстраивается четвертая группа гу-

маноидных потребностей—потребность в истине, в добре и справедливости. И вот эта четвертая потребность является содержанием этой обобщающей потребности в самоактуализации. Причем, есть здесь один очень интересный нюанс: самоактуализация, хотя она врожденная, получает свое истинное широкое выражение тогда, когда удовлетворяются первые три группы потребностей. Л. И. Анцыферова [7] правильно замечает, что тогда не понятно, как же эти гуманистические потребности в справедливости, самоуважении, уважении других, истине формируются у людей, у которых первые три группы потребностей не удовлетворены. Если подойти к этому с социальной точки зрения, то мы увидим, что у революционеров, борцов за свободу, т. е. людей, у которых не удовлетворены потребности в безопасности, в защите, гуманоидная, высшая потребность, особенно развита. Это очень правильное замечание Анцыферовой, которое в корне подрывает учение Маслоу.

Маслоу хотел проанализировать содержание потребности, чего, скажем, не делал Левин, который останавливался только на ее динамическом аспекте. И Маслоу всегда спорил с Левиным, указывая на этот недостаток в его теории. Но Маслоу не смог, оставаясь на антропологической позиции, раскрыть социальную сторону потребности.

Как всегда, порочная теория приводит к порочной практике. На основе гуманистического течения в США развивается особое течение — «антипсихиатрия». Причем интересно, что эта антипсихиатрия провозглашена самими американскими психиатрами. В чем смысл антипсихиатрии?

Не надо, конечно, считать, что американские психиатры отрицают душевные болезни. Это не так. У них тоже есть больницы и хорошие психиатры, лечащие своих больных. Но некоторые психиатры, так называемые представители антипсихиатрии, считают, что причиной душевной болезни является не заболевание мозга, не разрушение нервной системы, а какое-либо социальное или личное неблагополучие. Для этих психиатров, по существу, стирается грань между тем, что является неврозом, и душевным заболеванием. Душевная болезнь является якобы продолжением невроза. И лечить людей надо не путем сочетания медикаментозных средств с психотерапией, а психоаналитической терапией. Это приводит, конечно, к тому, что ряд больных, страдающих душевным заболеванием, не излечивается. Это течение имеет идеологические корни, уходящие в реакционную философию, и большинство прогрессивных психиатров капиталистических стран от него отказываются.

Например, если взять теорию Роджерса, то у него основной движущей силой было развитие самооценки. Но как развивалась эта самооценка? Как она искажалась, как форми-

ровалась? Она искажалась, формировалась и строилась определенным путем — сопоставлением с оценкой окружающего мира: если оценка окружающих не соответствовала самооценке человека, то он ее искажал, или, наоборот, искажал реальную действительность.

Или рассмотрим положение Олпорта — «человек как открытая система». Что это обозначает? Это тоже значит, что человек является как бы преобразователем общества, и с другой стороны, поскольку это «открытая система», то общество действует и на его потребности.

И у Левина, который является одним из таких ярких представителей интрапсихологической концепции (во всяком случае в свой берлинский период), было понятие самооценки, которое включено в «психологическое пространство» и «временную перспективу».

Следовательно, уже у этих представителей, которых мы отнесли к группе интрапсихологических теорий, есть категория социального взаимоотношения. Чем дальше мы поднимаемся по ступенькам развития теорий личности в зарубежной психологии, тем все больше акцентируется социальный момент.

Так чем же является личность, по Маслоу? В чем же смысл самоактуализации? И вот тут надо очень внимательно следить за тем, что он пишет. Сам процесс самоактуализации — врожденный, он входит в природу человека. Человек рождается с гуманоидными потребностями, потребностями в добре, нравственности, доброжелательности. Они составляют ядро человека.

Теория Маслоу перекликается с некоторыми положениями, разрабатываемыми в современной генетике, особенно в медицинской. Так, среди советских генетиков тоже существует такая точка зрения, которая соответствует точке зрения Маслоу. К числу таких генетиков можно причислить нашего уважаемого и очень много сделавшего для медицинской генетики ученого-генетика В. Эфроимсон. Это очень крупный генетик. Но этот глубокоуважаемый ученый говорит, что человеку присуща гуманоидная потребность. Как же он это доказывает? Доказывает очень простым образом и вначале как бы убедительно. По его мнению, у животных существует естественный отбор — об этом говорил Дарвин, и мы все об этом знаем. Но вот он внес как бы некую поправку в учение Дарвина, если хотите. Он считает, что выжили те животные особи, вид животных, у которых был выражен инстинкт защиты представителей своего вида. Он говорит о каком-то виде птиц, типа лебедей. Оказалось, что у этого вида птиц, в частности у самцов, был ярко выражен инстинкт охраны самок и детенышей. И вот эти птицы, у которых самцы были такие «благородные», выжили лучше, чем другая стая птиц,

самцы которых не обладали таким «благородным» инстинктом. Трудно с этим спорить, вероятно, так оно и было. А дальше делается вывод, что вообще всякому живому существу, в том, числе и человеку, присуща эта гуманоидная потребность, но окружающий мир часто мешает ее проявлению. Конечно, это звучит очень заманчиво, и вероятно, приятнее сознавать, что мы рождаемся добрыми, благородными и становимся плохими не по своей воле, чем считать, что мы рождаемся агрессивными, плохими, жестокими. Но если разобраться по существу, то это разновидность той же биологизаторской тенденции. Не играет никакой роли, рождается человек благородным или жестоким. Гуманоидность, с точки зрения марксистской методологии, — это нравственная черта, а нравственная черта не является врожденной. Нет людей, которые рождаются добрыми, и нет людей, которые рождаются злыми. Они формируются таковыми. Думается, это положение не надо доказывать. Само признание, что этическая черта может быть врожденной, ведет к биологизации.

ТЕОРИЯ РОЛЕЙ

Представителей гуманистической психологии можно частично отнести к интерперсональным теориям, которые усматривают механизмы развития личности в межперсональных отношениях. Например, Олпорт заявляет, что личность — это модель интерперсональных отношений. Однако истинными представителями таких взглядов являются представители так называемой теории ролей (Дж. Мид, М. Кун, И. Блумер). Это, собственно, те психологи, которые являются по существу представителями американской социальной психологии [88].

Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова и Л. А. Петровская [4] правильно указывают, что эту теорию следует скорее называть интеракционистской, так как ее понятийный аппарат взят из социально-психологических концепций [4, 181]. Здесь важен не разбор социально-психологических взглядов Дж. Мида и не акцент на том, чем они отличаются от взглядов других представителей социальных школ США, а его понимание механизмов развития личности.

Дж. Мид считает, что человек находится в постоянном взаимоотношении с обществом, поэтому нельзя предсказать поведение личности. Мид и его последователь Кун считают, что основным механизмом и структурой личности является ее ролевая сущность. Четко это выступает в теории Куна (ученика Мида), который придает особенное значение ролевым факторам.

М. Кун утверждает, что индивид формирует свои планы

поведения в соответствии с исполняемыми ролями и занимаемыми статусами в группах, с которыми он себя идентифицирует, т. е. в его референтных группах. Его отношение к себе как к объекту является лучшим индикатором этих планов поведения. Они являются определяющими для самооценки и для оценки других.

Подобных взглядов придерживается и Ч. Кули. «Подобно тому, как мы видим в зеркале свое лицо, фигуру и одежду,— пишет Кули,— и они представляют для нас интерес, потому что принадлежат нам... так и в своем воображении мы пытаемся представить, как в мыслях других людей отражается наша внешность, манеры, цели, поступки, характер, друзья и т. д., и это определенным образом действует на нас». Как известно, К. Маркс отмечал этот феномен задолго до Ч. Кули. «В некоторых отношениях,— писал он,— человек напоминает товар. Так как он родился без зеркала в руках и не фихтианским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [3, 23, 62].

Происхождение теории ролей связано с борьбой против бихевиоризма. Дело в том, что если гештальтпсихология пользовалась категориями образа, если Левин, Фрейд, Олпорт, Роджерс исходили из категории мотива, то бихевиористы — из теории действия, причем это действие было понято очень примитивно — как «стимул-лекция».

И Мид и его последователи (Кун и др.) начали свою деятельность с того, что восстали против бихевиоризма, провозгласив, что категория действия включает в себя, в само свое строение социологический момент.

Человек действует определенным образом не только потому, что он отвечает на какой-то стимул, а потому, что он является членом какой-то социальной группы. Поведение человека в жизни и эксперименте является производным не только от его интрапсихологических и динамических состояний, но и от его отношения к эксперименту, к полю, группе; оно — производное от валентности вещей, в которые включается сам экспериментатор и его действия. В этом положении чувствуется влияние Левина, который говорил о единстве субъекта и объекта в жизненном пространстве.

Представители теорий ролей представляют себе дело так, что человек выступает в жизни как «кто-то», или как «член коллектива», или как «сын», как «отец», как «лектор», как «студент», т. е. человек не выступает как некая абстрактная личность, он всегда носитель каких-то нормативов, каких-то прав и обязанностей. Это послужило причиной того, что они стали называть свою теорию «теорией ролей».

Но не надо думать, что представители теории ролей полагают, что человек сознательно разыгрывает что-то, что он выступает в роли актера. Это не так. Хотя иногда они употребляют и это выражение. Они очень любят ссылаться и на Шекспира, который говорил, что вся жизнь — это арена, что женщины и мужчины — актеры, которые разыгрывают разные роли на ней. Роль не означает сознательно принятое на себя актерство. В нем есть сущность человека, человеческой личности. Нет человека вне ролевого поведения. Человек не выступает вообще, а он всегда выступает в качестве кого-то.

Что же представляет собой, как они говорят, «разыгрывание» этих ролей? Это означает следующее: развитие человеческой психики, психической деятельности происходит только в процессе разыгрывания какой-то роли. Речь идет уже не о том, что у человека существуют потребности, скажем потребность в самоактуализации, потребность в удержании своей самооценки и т. д., речь идет о том, что сами эти потребности могут формироваться только в процессе разыгрывания какой-то роли, скорее, в процессе выполнения какой-то социальной роли. Следовательно, это уже социально-психологическая теория, но нас интересует только проблема личности, развитие человеческой личности, поскольку ее возможности выступают только в исполнении этой роли.

Что означает принятие этой роли?

Нельзя упрекать ни Мида, ни его учеников в том, что они считают, что человек рождается «сыном», или «студентом», лектором, или кем-то еще. Конечно, они так не думали и не могли думать. Роль формируется в процессе жизнедеятельности, но какой?

Опять-таки они сбрасывают со счетов социальное значение формирования этих ролей. В процессе своей деятельности, взаимоотношения с окружающим миром человек разыгрывает роль «сына», «подчиненного», «начальника», и в этом есть правда, потому что каждый из нас выступает в каком-то облике. Но дело в том, что происхождение, формирование этих ролей вытекает не из чисто психологических отношений, а из общественных, исторических. Например, что значит роль «сына»? В качестве примера возьмем роман Дю Гара «Семья Тибо». Там два сына. Поведение этих двух сыновей совершенно различно. Или роль «сына» Павлика Морозова — опять другая роль. Павлик Морозов «разыгрывал», если выражаться языком Мида, свою роль «сына», но определялась она не психологическими, а общественно-историческими отношениями, которые сложились в тот момент. Если Фрейд биологизировал отношения человека, то Мид и его последователи, да и вообще все представители теории ролей, как бы интересна она ни была, по существу говоря, психологизируют социальные отношения. То, что

должно быть выражено в понятиях общественно-исторических, они выражают в понятиях психологических. Таким образом, возникает как бы известный редукционизм, но только вверх. Эта опасность, в сущности, несколько другая, но и здесь наблюдается подмена объекта науки. И в этом порок учения теории ролей, хотя она и кажется весьма интересной.

В этой теории есть еще один спорный момент, который очень интересен. Дело в том, что и по Миду, и по Куну, «роль» — это функция общения между людьми. И это правильно. Но ведь само-то общение выступает у них только в чисто психологическом плане. Исторический подход к проблеме общения у них отсутствует.

Происходит психологизация социальных явлений, и поэтому эта теория тоже приводит к тому же, к чему приводили теории Маслоу, Олпорта и все те теории, которые рассматривались выше. Надо изменить отношения между людьми. Но не надо менять коренным образом социальные отношения, полагает Мид. Вспоминается старый тезис о том, что порочная теория ведет к порочной практике.

И проблема конформизма, и проблема авторитарности (не будем вдаваться в проблемы социальной психологии), и проблема лидерства — все это решается только в чисто психологическом аспекте; в этом, собственно, и есть основной порок данной теории, которая пользуется в США широким распространением.

В теории ролей есть еще один момент, на котором надо остановиться. Очень часто теория ролей называется теорией ожиданий. Дело в том, что нельзя выполнять роль, если не знаешь, как ее выполнять, какую позицию принять в жизни. Исходя из положений Л. И. Божович можно сказать, что нельзя формировать направленность личности, если ты не знаешь, что тебя ожидает, что от тебя требует группа или твой партнер. И вот представители теории ролей всячески подчеркивают проблему ожидания. Как формируется роль, скажем, «сына»? Она формируется так, что с самого раннего детства ребенок ожидает от матери ухода, ласки, нежности и т. д.

А как формируется роль студента? Тоже так же. Он ожидает, что должен получить от лектора какую-то информацию, что его будут спрашивать о том-то и о том-то, т. е. у него тоже есть ситуация ожидания.

Проблема ожидания играет очень большую роль в этой теории. В теории ролей даже специально выделен раздел, который называется «Проблема ожидания». Роль не может быть сформирована, если нет ожидания. В этом проявляется влияние позднего Левина. В его проблеме «временной перспективы» уже скрыто это понятие. Ведь что значит «временная перспектива»? Это есть тоже представление о том, прогнозирование того, что будет.

Интересен еще один момент в теории ролей. Представители этого направления говорят, что роль может иногда разыгрываться в плане чисто нереальном, в плане воображения, в вербальном плане. Поэтому теория ролей тесно связана с проблемой психолингвистики. Сейчас все больше и больше психолингвистика проникает в теорию ролей. И наоборот, теория ролей все больше и больше пользуется проблемами психолингвистики, т. е. речью как средством коммуникации, потому что если роль представлена в виде функции общения, то, следовательно, общение человека происходит на вербальном уровне, и конечно, эти ученые не могут обойтись и без теории психолингвистики.

Следует остановиться еще на одном положении, которое для психологов имеет гораздо большее значение. Это проблема роли в воображаемом плане.

Дело в том, что человек может иногда в обычном плане не выполнять ту или другую роль, но в воображаемом плане, для себя, он ее выполняет, и все его действия диктуются вот этой воображаемой, т. е. ставшей для него истинной ролью. Но это очень часто мы видим в психопатологии. То, что психиатры называют «грезами», «конфабуляциями» есть, собственно говоря, жизнь в «воображаемом плане», разыгрывание воображаемой роли. Существует определенная группа психопатов, т. е. не душевнобольных, а людей с неким «искривленным» развитием личности (которое нередко имеет какую-то органическую основу), которые предпочитают жить в некоем воображаемом плане. Они как бы грезят наяву и ведут себя согласно этой воображаемой роли. Такие типы описаны как в психиатрической, так и в художественной литературе.

Представители теории ролей отмечают это и очень большое внимание уделяют проблеме воображаемой роли, но опять-таки не изучая причин возникновения подобного поведения вследствие воображаемой роли. Является это проявлением каких-то психопатологических симптомов личности или следствием развитого воображения — их мало интересует.

Представители теории ролей придают большое значение игровым ситуациям у детей, когда они в игре разыгрывают роли. И в этом смысле их утверждения очень интересны. Они близки к тем положениям, которые развиваются в советской психологии: принимая на себя в игре роль, ребенок развивается, учится познавать мир, человеческие отношения. Формирование личности ребенка происходит в ситуации игры. Не случайно, что в работах социальных психологов очень много внимания уделяется этим ролевым установкам в игре. Существуют данные, что психотерапия игрой, которая широко сейчас проводится (особенно в США), имеет свое науч-

ное обоснование, потому что в терапии игрой больной ребенок научается получать правильную информацию, научается регулировать свои действия в соответствии с нормативами общества. Таким образом, в этой терапии есть довольно интересные и рациональные зерна, которые, конечно, не надо забывать при критике этой, по существу антиисторической, теории.

* *

*

Выше мы говорили о том, что проблема, разрешаемая гуманистической психологией, заключается в последовательной критике атомистической, или, как ее иногда называют, функциональной психологии.

Заслугой этого направления является безусловно тот факт, что его представители сделали предметом своего исследования личность человека, его мотивационную сферу, что они выдвинули на первый план проблему самооценки человека, его цели, его взаимоотношения с миром, другими людьми. Лейтмотивом исследований Олпорта, Маслоу, Роджерса стали проблемы самоактуализации, ценностные ориентации; гуманистическая психология показала ложность положений неопределенной ориентированной психологии, она была по существу протестом против их стремления свести сущность человеческой личности к проявлению агрессии и либидозной потребности. Гуманистическая психология показала также несостоятельность изучения здоровой личности, основываясь на анализе невротических реакций. Ее лучшие представители (Олпорт, Маслоу) показали, что исследование здорового человека не должно базироваться на изучении «искалеченных, незрелых и нездоровых субъектов», что это может породить искалеченную психологию и философию» [57, 234]. И это глубоко правильно, потому что больная личность это не просто «испорченная здоровая», это новое качество.

Представители гуманистической психологии протестовали также против психоаналитического тезиса (скрытого и явного), что врожденное, природное в человеке противостоит обществу. Вместе с тем, утверждая социальность природы человека, альтруистический характер его влечений и потребностей, представители гуманистической психологии отстаивают тезис об их врожденности. Этим самым они не порывают с антропологическими взглядами на человека.

Хотя представители гуманистической теории (особенно Маслоу) говорят о совершенствовании личности, однако ее природу они видят в динамически-энергетической характеристике. Социальная обусловленность природы личности ими игнорируется.

Привлекая внимание к необходимости целостного анализа личности, но совершая этот анализ вне рамок общественного развития, психологи гуманистического направления подготовили тем самым почву для расцвета сугубо идеалистических теорий, таких, как «понимающая психология» и «психология экзистенциализма».

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Одним из виднейших течений современной психологии в зарубежных странах является экзистенциализм. Экзистенциализм (лат. *Existentio* — «существование») — наука о существовании.

Экзистенциализм — философское течение, враждебное материализму, направляющее на борьбу с принципом декартова дуализма, на борьбу с механистическим представлением о машинообразии живого организма и об атомистическом строении психики.

Впервые термин «экзистенция» был употреблен Кьеркегором. Объектом науки (философии, психологии), по мнению экзистенциалистов, должен стать субъект, который выступает не как продукт социальных отношений или биологического развития, а как неповторимая личность, познание которой достигается только через интуитивное переживание. Идейные истоки экзистенциализма — это феноменология Гуссерля, основным радикалом развития личности является потребность к саморазвитию и созданию своего «феноменального мира». Предметом философии и психологии должен стать не объективный мир, а «бытие» (экзистенция), которое не может быть достигнуто рассудочным — научным мышлением; оно познается лишь непосредственно. Бойтендейк [59] и Штраус [99] всячески подчеркивают, что, только познавая себя как «существующее», независимое от социальных или естественных условий, человек обретает свободу. Экзистенциализм является ярким образцом протеста против бихевиоризма, с одной стороны, и против кантовской позитивистской философии — с другой. Он противостоит и динамической теории К. Левина. М. Г. Ярошевский правильно указывает, что экзистенциализм обнажает «слабость психологических течений капиталистического Запада, и прежде всего бихевиоризма (который трактует человека либо как «большую крысу», либо как «маленький компьютер») и фрейдизма (поставившего сознательное человеческое «Я» в рабскую зависимость от безличностного, безымянного «Оно» [47, 315]).

Существует ли экзистенциальная психология? Один из ведущих психологов Западной Германии Альберт Беллак отвечает на этот вопрос отрицательно. В известной мере он прав. Не только потому, что в трудах представителей этого направления трудно отделить чисто психологические понятия от общефилософских концепций, не только потому, что большинство авторов, пишущих по этим вопросам, не психологи, а философы (Хайдеггер, Сартр, Камю и др.), физиологи (Бойтендейк), психиатры-психопатологи (Бинсвангер, Штраус и др.), но потому, что экзистенциалисты видят свою цель не столько в перестройке психологии, сколько в построении новой синтетической науки—антропологии, предметом которой явилось бы «специфически человеческое» в человеке.

Вопреки этой декларации, как мы увидим в последующем, основной методологический аспект рассмотрения предмета антропологии у экзистенциалистов остается принципиально психологическим.

Хотя, действительно, самым ярким представителем экзистенциализма является Карл Ясперс, но не он создал теорию. Еще до него был такой психолог Химан, который предвосхитил то, о чем говорил Ясперс. В 1935 г. он написал книгу о смысле ощущения. У нас она не переведена, но она издана и переиздана в 60-е годы в США.

Как было указано выше, экзистенциализм — воинствующее учение, которое резко, не скрывая этого, противостоит марксистскому учению в философии и психологии, учение, которое провозглашает, что существование человека исходит только из психического. Экзистенциалисты утверждают, что психическое не сводимо только к каким-либо физиологическим механизмам, что психика не является ни функцией мозга, ни отражением реального, вне нас существующего мира.

Тезисы экзистенциализма изложены в книге Бойтендейка «Общая теория человеческого поведения и движения» [59], опубликованной в 1948 г. в Голландии и в 1956 г. переведенной на немецкий язык; в ней автор пытается преодолеть разрыв между физиологическим и психологическим подходами к изучению человека. Антропологический подход к анализу ряда патологических состояний при нервных и психических заболеваниях находит также свое отражение в статьях психопатологов, например, у Цутта в журнале «Der Nervenarzt». Та же «антропологическая» тенденция пронизывает и книгу Э. Штрауса «О смысле ощущений», впервые вышедшую в 1935 г. и переизданную спустя более 20 лет с обширными дополнениями [99].

Основные утверждения экзистенциальной теории в обобщенной форме следующие:

1. Человеческая психика, сознание не могут быть сведены к физиологическим механизмам.

2. Человеческое действие всегда обладает значимостью (или стимулом), в которой находит свое отражение отношение человека к окружающему.

3. Специфически человеческим является «рефлектирующее» сознание, посредством которого человек высвобождается из ситуации и противостоит ей.

4. Человек не может рассматриваться изолированно от окружающего мира, с которым он находится в постоянном взаимодействии.

Все это, казалось бы, созвучно представлениям современной советской психологии о подходе к изучению человека. Эти утверждения быют по механистическим концепциям бихевиоризма, вырывают человека из бездны бессознательных тенденций и влечений, в которую он был ввергнут фрейдовским учением, высвобождают его из-под власти «ситуационного поля», которому его подчинил гештальтизм.

Но одно дело — утверждения, взятые изолированно от исходных принципов и последующих выводов, и другое — вся система взглядов в целом, которая в конечном итоге сводит на нет многое из того, что само по себе представляет шаг вперед в области изучения «специфически человеческого».

Обратимся к анализу изложенных положений экзистенциализма.

Первое положение изложено в главе «Думает человек, а не мозг», вошедшей в качестве одного из дополнений во второе издание упомянутой книги Штрауса; автор отмечает, что многие исследователи испытывают непреодолимое отвращение к тому, что они называют «анимизмом» и «ментализмом»; зачарованные идеей физиологического механизма, они рассматривают его как единственно реальный предмет науки. Все остальное для них — марево, выдумка, метафизическое пугало. Кто строго придерживается механистической схемы «раздражение — реакция» и пытается уложить в нее всю человеческую деятельность, тот вступает в неразрешимое противоречие со своими собственными действиями, говорит Штраус. Он иллюстрирует эту мысль в форме воображаемого внутреннего диалога автора строго бихевиористического исследования с самим собой. Автор говорит: «Я написал книгу, в которой изложил систему своих воззрений; я долго работал над ней, планировал, делал черновые наброски, много раз исправлял написанное, пока, наконец, она приняла форму, отвечающую моим требованиям». В ответ на это раздастся голос его второго «Я»: «Что я слышу! Во всем, сказанном тобой, нет ни слова правды! Кому как не тебе следовало бы знать, что существуют не мысли, а передача возбуждений в твоем мозгу. Что эти возбуждательные процессы обуславливают твое двигательное поведение! В просторечии

это называется «письмом», а с научной точки зрения это укладывается в понятие «мышечные сокращения». Ты говоришь о какой-то работе над рукописью, но в чем же она выразилась, как не в длинной цепи последовательных раздражений мышечных реакций?» [99]. Здесь приведен интересный спор как бы механистического физиолога и психолога. Мы знаем, что психическое имеет свои закономерности, что наши мотивы потребности «отвязаны» от органических (А. Н. Леонтьев). Кстати, эту мысль поддерживает и генетик Н. П. Дубинин [21], говоря, что человеческие мотивы — это надбиологические мотивы, но мы не отрицаем существования мозга, не отрицаем биологического как условия работы психики. Экзистенциалисты, конечно, тоже понимают, что существует мозг, биологическое, но его работа, по их мнению, не имеет никакого отношения к психике. Это их первое положение. В этом их воинствующий идеализм. Для них существует расщепление понятий природного и психического.

Второе положение касается природы биологического. Природное, биологическое они делят на две части: с одной стороны, это телесное, а с другой стороны, это естество, которое является неразделимым, нерасчленимым. Телесное можно расчленить: руки, ноги, сердце, легкие и т. д., а природное, биологическое естество нерасчленимо. И вот представим себе: я поднимаю руку — это одно состояние; когда я выступаю как человек с поднятой рукой — это другое состояние (для экзистенциалиста-психолога). И экзистенциалисты говорят так: «Hand haben» — иметь руку; «Hand sein» — быть рукой. Так вот, если я выступаю в виде такого телесного разлагаемого, то я выступаю как человек, который имеет руку «Hand haben». А вот когда я выступаю не как телесное, а как естество цельное, то я уже — существующий с рукой. У них очень громоздкая терминология, иногда ее трудно понять, но смысл в том, что само это органическое в человеке тоже расщеплено как бы на два вида: одно органическое может быть разложено, а другое — нет; оно уже не природное, оно важно.

О несостоятельности этого тезиса экзистенциалистов хорошо написал у Э. А. Коробковой (1976). Она пишет, что в этом отрицании познавательной роли ощущения окончательно выявляется идеалистическая сущность экзистенциализма, который не может правильно определить взаимоотношения между объективно существующей действительностью и активным отражением ее в сознании человека. Несмотря на резкую критику гештальтистов, экзистенциалисты, подобно им, сами наделяют познавательной функцией лишь восприятие, игнорируя роль ощущения. Так, в конечном итоге это «новое» толкование ощущений приводит к разрыву субъективного и объективного с явной тенденцией к признанию

примата субъективного над объективным, т. е. к далеко не новым идеалистическим позициям.

Третье (основное) положение экзистенциализма — это положение К. Ясперса о сознании.

К. Ясперс выступает как воинствующий представитель экзистенциализма именно в понимании сознания. Он различает два вида сознания: бодрственное и рефлектирующее. Бодрственное сознание — это то сознание, которое отражает окружающий мир: оно отражает предмет, людей. Но есть еще другое сознание у того же человека — рефлектирующее. Оно заключается не в том, что отражает объективно существующий мир, а в том, что отражает восприятие этого мира человеком. Понимание рефлектирующего сознания сближается с понятием, которое выдвинул и Э. Шпрангер. Это понятие рефлектирующего и бодрственного сознания оказало большое влияние прежде всего на философию и на психиатрию в частности. К. Ясперс сам был хороший психопатолог, он прекрасно описывал психопатологию, состояние деперсонализации, когда человеку становится все чуждо, когда ему кажется, что мир совсем иной, и он воспринимает его каким-то внутренним, «духовным оком»; это как бы не тот мир, который он обычно видит. Так бывает при так называемом синдроме деперсонализации, это патопсихологический синдром, а для К. Ясперса — это не патопсихологический синдром, а проявление рефлектирующего сознания. Поэтому те психиатры, философы, литераторы, которые стоят на позиции К. Ясперса, не делают различия между психикой душевнобольного человека и психикой здорового. Это положение основано на антипсихиатрии, о которой мы выше писали, причем антипсихиатрия создана в недрах самой психиатрии, и это самое интересное.

Рефлектирующее сознание для К. Ясперса не парадоксальное явление. Это сознание, которое выражается в известной деперсонализации, считаемой психиатрами симптомом болезни. Но для антипсихиатров, для философов-экзистенциалистов (Хайдеггера, Сартра, особенно для Ясперса) оно не является признаком душевного заболевания. По их мнению, это особый вид сознания, если хотите, даже высший уровень сознания. Это то сознание, которое определяется духовным миром человека. Вот в этом положении, собственно, и кроется, если коротко говорить об этом, сущность учения, которое сейчас называется «антипсихиатрией».

Вернемся к примеру с поднятой рукой. «Я поднял руку и сознаю, для чего это сделал» — это ясное сознание. Но формула «человек с поднятой рукой» («Hand sein») представляет собой неосознаваемое состояние — это состояние рефлектирующего сознания и оно представляет высший его уровень.

Четвертое положение экзистенциалистов гласит, что при направленности на внутренний мир внешний мир исключается из отношения «Я — мир». Положение о связи человека с миром разрешается с философских позиций А. Бергсона. Но если для Бергсона эта связь осуществляется через интуицию, то для экзистенциалистов она идет через переживание. Провозглашается индетерминированность человеческого сознания. Нет взаимосвязи «Я» с миром объектов. У Сартра это звучит так, что человеку присуща «тенденция к свободе», человеческая личность самосоздается; она лишь проявление духовного начала.

Как указывает М. Г. Ярошевский [47], концепция экзистенциализма оказала существенное влияние на американскую психологию, особенно социальную психологию. На это указывает и М. Г. Ярошевский, когда он пишет, что исходя из теории Джеймса в американской психологии было выдвинуто понятие «зеркального Я», которое создается в сознании других и в которое мы как бы «смотримся». Эмпирическому «социальному Я» противостоит некое «идеальное Я». «Именно Джеймс был тот, кого мы сегодня могли бы назвать экзистенциалистом. Он как бы предвосхитил сформулированное Ж.-П. Сартром кредо экзистенциализма: «существование» (экзистенция) предшествует сущности (эссенция) [цит. по: 47, 312]. Другой основой, питающей экзистенциализм, является персонализм В. Штерна (1871—1938). Персоналисты считали, что личность (персона), нечто само по себе существующее, возрастает не из общественных отношений, а, наоборот, общество складывается из этих персон. Персона (личность) сама создает общественно-историческую обусловленность явлений, иными словами, персонализм тоже выдвигал первоначальность экзистенции «Я». Таким образом, экзистенциалистская психология выросла не на голом месте. И это очень важно осознать. Разбирая ту или иную психологическую концепцию, необходимо знать ее методологическую преемственность. Методологическая сторона нашей науки никогда не должна быть забыта или опущена. И собственно говоря, тот спор, который вел Л. С. Выготский с К. Левиным, должен быть экстраполирован при анализе любой психологической теории, особенно психологии личности. Разбирая ту или иную психологическую теорию, следует проанализировать, есть ли там элементы метафизичности и антиисторизма? Если они существуют, то послужат теми корнями, которые дадут «цветок» идеализма. Вот так случилось и с персонологией, так случилось и с учением Э. Шпрангера. Именно на этой основе могло вырасти такое антимарксистское, антинаучное и воинствующее направление как экзистенциализм.

Персонализм стремится охватить не только духовное, но и биологическое. Он объявляет себя основой всех наук. Пси-

хическое и органическое объявляются не разными сущностями, а лишь различными сторонами одного и того же. Персоне свойственна «психофизическая нейтральность», говорит В. Штерн. Этим он хотел разрубить «гордиев узел» психофизической проблемы дуализма, он говорил, что психологи вслед за Декартом разъединили телесное и психическое (характер, способности), а затем пытались соединить их в формулах типологии. В действительности эта декларация В. Штерна означала идеалистическое разрешение проблемы личности, которая выводится из более широкого абстрактного понятия — «персона».

Персона—это особая уникальная сущность; она не зависит от объективных условий, он не выводится из них. Личность неповторима: люди различаются не только объемом внимания, скоростью реакции, объективным параметром, но и различиями, обусловленными целостностью системы, но главное, что составляет идеализм персонализма,— это положение, что целостность персоны действует на объективный мир, создает его. Постулат экзистенциализма — «у человека нет связи с внешним миром» — особенно ярко выступает, когда экзистенциалисты обращаются к понятию движения. Кажется бы, что в этом акте (движения) наиболее четко выступает аспект реальности и объективности мира. Начиная с работ И. М. Сеченова показана роль внешней афферентации движения. В дальнейшем исследованиями А. В. Запорожца и А. Н. Бернштейна показана взаимосвязанность рецессии и движения, выявлен сенсорный контроль движения.

У экзистенциалистов объяснение иное: для них не существует сенсорного контроля движения. Движение тоже является свободным актом духа. Движение — тоже проявление индуктивной коммуникации (например, у Штрауса [99]).

Появлению философии и психологии экзистенциализма способствовала и «понимающая психология» Дильтея и Шпрангера, о которой рассказываться будет ниже, утверждавшая, что основное в человеке — это именно его духовная ориентация, которая является частью общего духовного начала человечества. Перестроить человечество можно только таким духовным образом. Учение Шпрангера — яркий образец идеалистического течения в психологии, который оказал очень большое влияние на многих психологов и частично на психологов-экзистенциалистов, хотя экзистенциализм выходит далеко за пределы психологии, охватывает философскую литературу и искусство. Но, говоря по существу, собственно экзистенциализм — это и есть психология личности, и больше здесь ничего нет, хотя сами экзистенциалисты себя называют философами. И действительно, некоторые, например Ж.-П. Сартр, — философы, многие из них физиологи (В. Бойтендейк), многие — писатели, но в конце концов они хо-

тели создать науку о человеческой личности, «о человеке». Еще раз подчеркиваю, экзистенциализм не возник на голой почве: этому способствовал ряд идеалистических психологических теорий: теория Джемса, персонализм, «понимающая психология».

Как говорилось выше, экзистенциальная психология была реакцией на существующие теории. Она выступила с критикой бихевиоризма, который свел поведение человека к набору реакций; с критикой фрейдизма, сводившего личность к арене, на которой бушуют биологические инстинкты; с критикой К. Левина, сводившего мотивацию личности к заряженным системам; с критикой так называемой гуманистической психологии, сводившей личность к субъективным переживаниям. Экзистенциалисты призывали понять человеческое существование, признать ценности человеческой личности.

Однако несмотря на то, что экзистенциализм обнажил в своей критике слабость зарубежных теорий личности, он не мог в силу своих идеалистических установок построить теорию личности.

Экзистенциалисты отвергают объективную причинность развития личности, утверждая, что психическое развивается из психического, они отрицают, что личность является продуктом общественных отношений.

Экзистенциалисты прокламируют, по существу, невозможность познания человека, они отклоняют возможность причинного объяснения развития человека и приходят к иррационализму. Обнажая непродуктивность и ложность позиции бихевиоризма, фрейдизма и неофрейдизма, сами экзистенциалисты остались на идеалистических позициях.

Высказав положение о нерасчлененности «Я», которое поддается лишь сопереживанию, экзистенциалисты, по существу, нивелируют возможность специального психологического анализа.

Говоря, что категориальный аппарат экзистенциалистов является субъективно идеалистическим, С. Л. Рубинштейн [34] справедливо отмечает, что «сказать про человеческую жизнь, что она существование, — это самое опустошительное и уничтожающее, что можно про нее рассказать». Личность истолковывалась как проекция существования, а не продукт деятельности и общественно-социальных отношений. Под лозунгом борьбы с «дегуманизацией» личности представители экзистенциализма приходят к иррационализму, к трактовке личности как некой глобальной иррациональной сущности. Призыв экзистенциалистов «найти человеческое в человеке» оборачивается своей обратной стороной. В рамках самой экзистенциалистской психологии развиваются различные мистические направления (например, дзен-буддизм, экзистенциальная психотерапия Франкла и др.).

«ПОНИМАЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ» Э. ШПРАНГЕРА

Борьба с атомистической, «безличностной психологией» привела к возникновению сугубо идеалистического взгляда на психологию как науку о духе, что нашло свое отражение в так называемой «понимающей психологии». Представитель этого направления В. Дильтей (1833—1911) выступил против экспериментальных методов В. Вундта, высказав мысль, что психику человека можно только понять, но нельзя исследовать естественнонаучным методом. Задача психологии состоит, по мнению Дильтея, в раскрытии смысловой, душевной жизни личности, ценностных ориентаций человека, а этого можно достичь не путем объяснения, а только методом понимания. «Понимающая психология» должна стать, по мнению Дильтея, основой для всех наук о духе: истории, искусства, этики, литературы и др. Таким образом, в понимающей психологии Дильтея особенно четко представлен дуализм, тенденция к разделению психологии на две науки: физиологическую, естественнонаучную, с одной стороны, и описательную, понимающую или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук — с другой. Психика объявлялась проявлением самодвижения духа.

Дальнейшее развитие понимающая психология получила у немецкого психолога Э. Шпрангера (1882—1963) [96].

Основными положениями понимающей психологии Шпрангера явились следующие: 1) психическое развивается из психического; 2) психическое сводится к интуитивному пониманию «модулей действительности жизни», при этом Э. Шпрангер подчеркивал, что речь идет не о сопереживании, а о понимании; 3) не следует искать каких-нибудь объективных причин развития человеческой личности, необходимо лишь соотнесение структуры отдельной личности с духовными ценностями, с культурой общества. Духовную же ценность Шпрангер понимал как свойство духа.

Встает вопрос, как, собственно, могло случиться, что рядом с такой школой, как гештальтпсихология, которая главенствовала в психологии, рядом с расцветом естественных наук так пышно произрастало столь идеалистическое учение. Это не случайно. Дело в том, что учение К. Левина (который в каком-то плане подошел вплотную к проблемам жизни, к проблемам личности), по существу говоря, интересовалось только феноменологической стороной. Ведь понятия «поле» и «жизненное пространство» надо понимать тоже в чисто феноменологическом плане.

Ортодоксальная гештальтпсихология, которая избрала естественнонаучный анализ (В. Кёлер в конце своей жизни об-

ратился к проблемам психофизиологии), подготовила почву для расцвета столь идеалистического учения, каковым было учение Шпрангера. Э. Шпрангер считал, что главное в личности — это ценностная ориентация, посредством которой она познает мир. Включение субъекта в познание и означает эту ценностную ориентацию. Исходя из этого Шпрангер выделил шесть форм (типов) познания мира. Он называл их «формами жизни» (Lebensformen). Его основной труд носит это название. В предисловии к третьему изданию он благодарит учителей Дильтея и Рикерта и говорит, что согласен с Рикертом в том, что ценностная ориентация, которая существует у каждого человека, является продуктом общей ценностной ориентации человечества, «культурного состояния человечества».

Для Э. Шпрангера ценностная ориентация человечества не означает той ценностной ориентации, о которой говорят наши социальные психологи. Это чисто духовное начало, которое определяет у каждого человека понятие мира и является производной частью общего человеческого духа. В этом положении заключается проявление субъективного идеализма Э. Шпрангера. Он предпочитает говорить не столько о понимающей психологии, сколько о «духовной психологии».

Э. Шпрангер настаивал еще на одном положении, а именно на различии понятий «переживание» и «понимание». «Понимание — это понятие, которое сродни познанию, это вневременное, извечное. Он ссылается при этом в предисловии на Рикерта, утверждавшего, что индивидуальное понимание есть часть общего духовного понимания человечества, а вот «переживание» — это нечто временное. Поэтому он подчеркивает, что нужно говорить не о переживании, а о понимании как о познании.

Э. Шпрангер выделяет шесть типов понимания жизни, или, как он говорит, шесть типов человека.

1. *Теоретический человек* — это тот, который стремится к познанию. Познание закономерностей, познание сущности мира, познание отношений людей является для него ведущим. При этом Шпрангер подчеркивает, что, говоря о «теоретическом типе», который стремится к познанию, он отнюдь не подразумевает только ученого. Таким теоретическим типом может быть любой человек: ремесленник, врач, бухгалтер. Речь идет не о профессиональном познании. Это человек, для которого самая главная ориентация в жизни — осмысление в теоретическом плане того, что происходит, установление каких-то закономерностей.

Нужно сказать, что Шпрангер очень симпатизировал именно этому типу людей, и себя он тоже относил к этому типу. Если встать на его точку зрения, то, вероятно, так и было. Э. Шпрангер был интеллектуал, но не в смысле какой-то об-

щественной прослойки. Жизнь для «теоретического человека», как образно выражается Шпрангер, представлена в виде «веера проблем», она презентруется для него в виде «веера» ценностных ориентаций. Для более четкого понимания приведем несколько отрывков из книги Э. Шпрангера «Формы жизни» [*«Lebensformen»*], где он дает характеристику теоретического типа [96].

«Теоретический человек, в чистом виде, знает лишь одну страсть — страсть к проблеме, к вопросу, которая ведет к объяснению, установлению связей, теоретизированию. Его переживания оторваны от реальной жизни: он может отчаиться от невозможности познать, ликовать из-за чисто теоретического открытия, будь это даже то открытие, которое убивает его. Он изнуряет себя как психическое существо ради порождения чисто идеального мира закономерных связей. Для него имеет ценность лишь чистота методов познания — истина любой ценой. Мир для него — бесконечное производство сущностей и система отношений зависимости. С помощью этого представления он преодолевает зависимость от момента. Он живет в мире без времени, его взгляд проникает в далекое будущее, иногда охватывает целые эпохи; погружаясь в них, он связывает прошлое и будущее в закономерный порядок, создаваемый его духом. Его «Я» причастно к вечности, светящейся в непроходящей ценности его истин. В практическое поведение он также вносит систему, которая отсутствует у существ, живущих моментом, руководимых инстинктами. В равной мере он соединяет в себе предметность необходимости, всеобщую закономерность и логику. В наиболее естественном и чистом виде эта форма жизни воплощается в профессиональных ученых, которые, как правило, приходят к постановке своих жизненных задач в результате свободного интереса. Но предварительные ступени такого рода духовной организации встречаются и независимо от профессиональной принадлежности и, возможно, на них гораздо отчетливее выступают структурные особенности типа, чем у больших ученых, которые часто являются очень сложными натурами. «...»

Он легко приходит к системе понятий, ничем не связанных с миром фактов. Когда Гегелю указывали на несоответствие его спекуляций действительности, он возражал: «Тем хуже для действительности». Как форма жизни этот тип спекулятивного теоретика особенно интересен: он как бы замурован в свой мир понятий и не может найти непосредственной связи ни с одним конкретным явлением. Настоящему исследованию также грозит такая опасность простой схематизации, которая продолжается только путем постоянного наблюдения реальной жизни. Продуктивная познавательная установка заключается в соединении эмпирии и концептуальной работы. Реализующего ее можно было бы вместе с Кантом называть критическим типом. Главной задачей такого типа является разработка *категорий*, на которых основана интеллектуальная обработка наблюдаемого».

В качестве ярких, типичных представителей теоретического человека Шпрангер называл Платона, Канта.

2. *Экономический человек* (экономический тип) характеризуется как человек, который ищет пользу в познании. При этом Э. Шпрангер не отождествляет этот тип с человеком эгоцентричным, думающим только о собственном благе. Речь идет о том, что для такого человека познание должно при-

вести к пользе. Ценность познания для экономического человека — это направленность на познание того, что приносит пользу: самому себе, семье, коллективу, человечеству. В качестве прототипа он называл Ж. Ламетри. По его мнению, мышление такого человека, как Ламетри, направлено на то, чтобы что-то создать, но создать нечто прагматическое. Э. Шпрангер прибегал к такой метафоре: «Если Кант — это весь голова, то Ламетри — это весь рука». Техника и естественнонаучные знания — удел экономического типа. В природе экономического типа (в этом его ценность, и Шпрангер это тоже признавал) как бы две возможности: возможность познания и возможность созидания, в то время как теоретический тип не стремится к созиданию. Шпрангер очень часто говорил, что второй тип стремится к эмпиризму, к «аппаратурному» познанию мира. Под «аппаратурным» он понимал все естественные науки, ценность которых признавал, и все же относился к ним с некоторым пренебрежением.

Приведем несколько высказываний Шпрангера относительно «экономического человека» из той же книги [96].

«...Итак, в самом общем плане экономическим человеком является тот, кто во всех жизненных связях на первое место ставит полезность. Все для него становится средством поддержания жизни, борьбы за существование и наилучшего устройства своей жизни. Он экономит материал, силы, время — только бы извлечь из этого максимальную пользу. Вернее было бы назвать его практичным человеком, так как с понятием экономики связана и вся область техники. Смысл же его действий не в самой деятельности, а в ее полезном аффекте. Греки называли бы его «делающим», но не «дейтельным».

И далее Э. Шпрангер пишет:

...Среди различных форм экономического типа прежде всего отметим позицию, уже рассмотренную в начале главы. Существует принципиальная разница между человеком, производящим материальные блага и только лишь потребляющим их. Но и потребитель ведет себя очень практично в самых различных отношениях. Если же все материальные блага представлены ему в неограниченном количестве, то он находится уже на границе экономического типа: в лучшем случае вследствие того, что в жизни, полной удовольствий он находит эстетические черты, в худшем — вследствие полного отсутствия всякой духовности, говоря словами Лютера: «Их живот — их бог». Если же количество материальных благ ограничено, то принцип экономики совершенно однозначно ведет к уменьшению ежедневного потребления. Возникает форма бережливости, когда смысл жизни заключается в сведении потребления до мыслимого минимума. Многие одинокие образованные женщины (а сейчас также и мужчины) в наши дни изнуряют себя этим мучительным, лишенным всего приятного, существованием. Если продуктивная бережливость привлекательна, то непродуктивная ведет к печальному аскетизму, если она не облагораживается какой-то более высокой целью».

Следующие особые формы экономического типа выделяются на основании объекта, на который направлена деятельность.

«...Профессия формирует человека, как никакая другая сила периода зрелости. Земледелец и скотовод, рабочий и писарь, рыбак и горнорабочий резко различны по своей духовной организации. Условия жизни накладывают неизбежный отпечаток на душу человека. Особое место в экономической жизни занимают торговцы, отчасти по причине многосторонности решаемых задач, отчасти из-за того момента непродуктивности, который всегда присутствует в деятельности торговца, если даже он очень предприимчив и деловит. Книжный издатель, обеспечивающий связь искусства и науки с экономической жизнью, представляет собой интересную смесь самых разных мотивов, но и для него самой важной является область экономики. Порождаемые экономикой типы людей, обусловленные их профессиональной принадлежностью, давно стали предметом изображения в искусстве. Сейчас психологической характеристикой профессий занимается вырастающая из национальной экономики социология. «...»

...Между человеком и его делом возникают совершенно разные отношения, в случае, когда он создает осмысленное целое, или же механически производит лишь отдельные части, не позволяющие представить конечный продукт работы. В этом экономическом различии повторяется противоположность между структурной психологией и психологией элементов. Психология элементов, оставляющая без внимания смысловые жизненные связи, вероятно, и могла возникнуть лишь в то время, когда разделение труда эти связи разрушило. Уже во времена Руссо лишь крестьянин является целостным человеком, так как он противостоит миру экономики и другим сторонам жизни в своей душевной тотальности. Он так же, как и ремесленник, вкладывает еще душу в свою работу, он непосредственно связан с потребителем. Все остальные втягиваются в процесс овладения природой, который начинает господствовать и над человеком. И эта власть еще страшнее, чем власть природы, которая все же остается матерью человека».

Экономический тип может быть истинно творческим мыслителем, хотя и не развил таких идей, которые можно было бы назвать открытием. Но ни в ком не было так сильно развито чувство активности мышления. Он наверняка перевел бы слова «вначале было слово» как «вначале было действие».

3. *Эстетический человек* — это человек, который познает мир и стремится познать его через оформленное впечатление, через самовыражение. Все воспринимается эстетическим человеком как нечто гармоническое или негармоническое. Если человек воспринимает мир как нечто гармоническое, то он чувствует себя хорошо: если он воспринимает его как негармоническое, то рождается чувство дискомфорта, человек страдает. Объективность мира всегда выступает для эстетического человека в виде восприятия формы, цвета, ритма. При этом Шпрангер подчеркивает, что речь идет не о профессиональных художниках. Конечно, эстетический тип наиболее ярко выражен в художнике, композиторе, скульпторе и т. д., но это может быть и обыкновенный человек. У эстетического типа есть стремление к самовыражению, но только в эстетической форме.

Существует особая разновидность эстетического типа. Это люди, которые быстро переходят от одного впечатления к другому, т. е. люди, у которых есть жажда впечатлений. К

ним Шпрангер относил импрессионистов (он их не любил), о которых говорил, что они схватывают от жизни только «запах», т. е. нечто внешнее, а для него настоящим эстетическим типом были художники-классики, например Рафаэль. Говоря о Рафаэле на лекциях, Э. Шпрангер высказывал мысль: для человечества счастье, что у Рафаэля были руки, но если бы он был безруким, все равно он был бы в совершенстве «эстетическим человеком».

«Эстетический тип» стремится часто к общению с людьми, к общению стремится и «экономический тип», и меньше всего стремится к общению «теоретический тип». Ему люди не очень нужны. Он старается сам познать, что необходимо. А вот эстетический тип стремится к самовыражению, к общению, но через ориентацию на форму, цвет, ритм жизни, т. е. через гармонию жизни.

Очень любопытное положение высказывается Шпрангером в отношении понимания эротика эстетическим типом (это, пожалуй, единственный раз, когда он обращается к этому понятию). Он признает, что человеку свойственна эротика, что существуют эротические переживания. Но для него эротика — это эстетическая форма общения. Эротика в собственном смысле этого слова, т. е. в телесном, в природном, биологическом смысле, для него лишь символ духовного общения. Его высказывания противоречат фрейдовским. Фрейд считал все наши духовные ценности символом биологического, а Шпрангер утверждает обратное: природное, эротическое в узком смысле слова — это только символ духовного общения между людьми. Особенно ярко это проявляется в юности. Шпрангер вообще хорошо относился к юношеству, так как, по его мнению, юные — романтики и у них особенно развито эстетическое понимание мира.

В качестве иллюстрации приведем отрывки из упомянутой выше книги «Формы жизни», касающейся «эстетического» типа.

«...Эстетический человек обладает собственным органом миропонимания: особой способностью предвидения или проникающей интуицией. Для теоретика люди подобного сорта — мечтатели, романтики. Для последнего природа представляет собой систему функциональных уравнений или комплекс понятийно определяемых энергий. Что касается экономических ценностей, то принцип полезности и эстетический взгляд противостоят друг другу. Приписывание полезности эстетическому разрушает его сущность. Эстетический человек, так же как и теоретический, беспомощен перед лицом экономических условий жизни.

Эстетический человек ни в коем случае не человек без души. Однако одним из моментов его сущности является индивидуализм, склонность к обособлению и выделению себя. Другими словами, индивидуализм, а не самоотречение характерно для эстетического типа в плане социальном...» <...>

...Из всех характерных для эстетического человека черт следует специфическая форма его мотивации. Ее определяет не поиск общих принципов или полезности, а стремление к форме. С ценностью индивидуаль-

ности тесно связано стремление к образованию как осознанному средству самоорганизации в целях создания внутренней формы. В этой же связи можно говорить о мотиве самообразования, внутреннего обогащения».

<...>

...При рассмотрении эстетического типа мы имеем в виду не столько деятелей искусства, создающих материальные произведения, сколько людей, творящих самих себя, обладающих внутренней структурой эстетического типа.

Людей, относящихся к эстетическому типу, можно рассмотреть с точки зрения того, является ли для них наиболее важной красота души, или же их внутренняя жизнь сосредоточена на природе, или же, наконец, они чувствуют красоту только в завершенных формах конкретных произведений искусства.

Важным является различие между творящей эстетической натурой и натурой наслаждающейся. Есть люди, с женской пассивностью предающиеся впечатлениям жизни и лишь прислушивающиеся к их гармоничному звучанию в себе. Им противостоят натуры, мужественно активные, которые в процессе своей духовной работы накладывают внутренние формы на все жизненные сферы.

Другое различие касается отношения эстетического человека к действительности. Эстету может быть присущ реалистический или же идеалистический стиль, отличающийся по степени субъективности переработки впечатлений при прохождении их через духовные структуры. Мы говорим о реалистах в случае предметной установки, когда приток впечатлений воспринимается просто в их исходной данности, без попыток глубокого осмысления и эстетической переработки. Если преобладает непосредственное переживание впечатлений, то мы имеем импрессионистов бытия, о которых уже была речь. Идеалистами, напротив, мы называем тех, которые осмыслили и сообразно эстетическим ценностям перерабатывают свои переживания и лишь продукт такой переработки рассматривают как свой внутренний мир. Но если субъективный мир чрезмерно преобладает над объективностью, то мы имеем экспрессионистов. Последние находят во всем лишь отзвуки своих душевных состояний, часто совершенно игнорируют объективные данные. Реалист с его наивностью и экспрессионист с его сентиментальностью образуют крайние полюсы ряда, внутри которого можно найти другие многочисленные промежуточные ступени. Как мы видим, они обусловлены не только эстетически, но и теоретически. Но теоретические акты играют здесь подчиненную роль, и их предметы в конечном счете обусловлены стремлением к наложению формы. В этом случае мы имеем выраженный эстетический жизненный стиль.

С различием по степени близости типа к действительности тесно связаны другие различия, обусловленные степенью выраженности тенденции к наложению формы или, говоря другими словами, со степенью развития эстетического органа. Лирические натуры останавливаются на мелких деталях и их эстетическом моментальном воздействии. Эпические натуры в своем осмыслении обращены к жизни во всей ее полноте. Между ними располагаются драматические натуры...».

4. *Социальный человек.* Когда Шпрангер говорил об этом типе, он отнюдь не думал о том, что личность человека является продуктом социально-общественных отношений.

Социальный человек — это человек, который хочет найти себя в другом. Шпрангер говорит, что существует особая деятельность. Эта деятельность — найти себя в другом, жить ради другого, стремление к всеобщей любви, любви к человечеству. Социальный тип действует, живет ради любви к другим людям. Причем Шпрангер подчеркивает, что эта лю-

бовь — отражение высшей любви, это общечеловеческая любовь. Она не имеет ничего общего с состраданием, с жалостью, с благотворительностью. Такая любовь распространяется на близких, на коллектив и на все человечество. У этого типа непосредственное действие происходит под влиянием чувства любви. Это и есть форма жизни социального человека. Прообразом такого типа (он очень любил давать прообразы) для Шпрангера был Песталоцци, который жил только ради блага детей.

У Шпрангера есть много нечеткого, когда он описывает социальный тип. С одной стороны, он говорит, что из-за любви к человечеству социальный тип стремится к патриархальным формам жизни. С другой стороны, он говорит, что социальный тип — это тип, который считает, что только через любовь к ближнему и может быть самоутверждение человека. Шпрангер много читал, он был очень образован и прекрасно знал литературу, в том числе и русскую. Так, прообразом социального типа для него являлся Л. Н. Толстой.

Но жизнь, как он говорит, противоречива, и сам социальный тип противоречив. Человек сталкивается с различными проявлениями жизни, которые мешают выражению этой всеобщей любви. И тогда наступает большое страдание, скорбь в душе такого человека.

Дело в том, что социальный тип, по мнению Шпрангера, не терпит никаких регламентов, никаких нормативов, и поэтому именно этот тип часто склонен к анархическому образу жизни, с одной стороны, и к патриархальному — с другой. Такой тип склонен к социалистическим мыслям и поведению. Понятие социального типа у Шпрангера наименее выдержано. И вот в тех случаях, когда этот социальный тип вступает в противоречие, он страдает, скорбит. И прообразом такого типа у Шпрангера является Великий инквизитор у Ф. Достоевского. Кстати, Шпрангер очень ценил Достоевского и говорил, что это один из самых поэтических писателей мира.

Если такой человек авторитетен, имеет какую-то власть (необязательно административную, а это может быть даже в близком кругу), то он всегда выполняет роль человека, который заботится о других.

Э. Шпрангер говорит о том, что частные формы социального типа бесчисленны, они могут, например, проявиться в верности, активности или пассивности социального поведения.

«Можно выделить любящие натуры и натуры, ощущающие потребность быть любимыми. Однако последние только тогда являются духовным типом, когда у них доведена до осознания способность любить. Он говорит о том, что «среди условий возникновения социального типа важно различать любовь, основанную на кровном родстве, и любовь, основанную на родстве чисто духовном. Нельзя отрицать, что кровное родство связывает сильнее, чем всечеловеческая общность. Но в отношениях кровного родства как высшей форме социального типа выделяется мать.

Мы рассматриваем ее не как существо, руководимое инстинктами, а как духовную форму жизни, у которой инстинкт любви организует всю личность. Но не меньшая тайна, когда человек отдает другому всего себя, не будучи связанным с ним родственными узами... Наиболее глубокая дружба — дружба между противоположными полами. При этом женщина *живет любовью*, мужчина же больше всего любит свое произведение. В этом различии типичных жизненных форм выражена вечная трагедия любви, заложенная в самой структуре мира».

Шпрангер настаивает на том, что все эти формы можно рассматривать как «социальные» лишь в том случае, если они возникают из внутренней «духовной структуры» и не являются результатом судьбы человека или внешней необходимости.

Социальные формы жизни зависят от того, какие содержательные ценности они несут в себе. Это может быть любовь к человеку, к просвещению, к правде; это может быть возвеличение в человеке красоты и формы. Во всепоглощающей любви растворяются границы индивидуальности. Любящие «Я» отличны от вожделяющих и эгоистичных. Это «над-Я», находящее себя в другом...

5. *Политический человек.* Шпрангер подчеркивает, что для него политический тип — это не человек, который стремится к административной власти. В понимании Шпрангера власть заключается в том, чтобы иметь силу следовать высшим требованиям. Реальная власть — это власть, которая зиждется на истинных духовных ценностях. Он пишет, что среди этих властных типов часто находятся политики и крупные политики, но не в этом дело. А в основном для него власть определяется в чисто психологическом плане, она детерминирует действия и мотивы других людей. И вот этот властный тип жаждет власти из-за того, что он стремится детерминировать действия и мотивы других людей, но это необязательно должно быть в политическом смысле. Власть можно достигнуть необязательно посредством физического принуждения, каких-то юридических нормативов. По Шпрангеру, ее можно достигнуть и чисто духовным путем. Он очень любил приводить пример Клаузевица, который говорил, что война — это продолжение политики, но только другими средствами. И Шпрангер присоединяется к этому мнению: власти можно достигнуть необязательно посредством того, что вы являетесь начальником, директором предприятия и т. д. Нет, отнюдь нет. Дело в том, что властный человек определен духовным образом. И вот человек, который стремится к этому, и есть, по Шпрангеру, тип властного человека.

Приведем небольшой отрывок из его труда [96].

«...Кто хочет господствовать в широких кругах; не может обойтись своей силой, он должен воплощать в себе коллективную власть: действовать от имени многих. И только в этом случае, когда вождь имеет за собой мощную группировку, которую он представляет, мы встречаем выс-

шие политические натуры, людей императивного характера, в которых сконцентрирована надындивидуальная сила. Это могущество содержит в себе что-то мистическое, психология власти будет завершена лишь тогда, когда будет разработана теория надындивидуального субъекта. На этой основе выделяются различные политические типы в соответствии с формой законодательства. Уже Платон перечислил эти типы: аристократический, тимократический, олигархический, демократический и титанический...

Наконец, последнее различие касается методов и сфер власти. Одни натуры пытаются оказать влияние во всех случаях жизни. Другие ограничивают свое влияние определенной сферой, но с таким выраженным стремлением к власти, что их нельзя причислить к соответствующему этой сфере типу. Стремящийся господствовать посредством знания — авторитет. Возвышающийся благодаря своей интересной личности — эстетический аристократ или аристократ образования. Идущий признания посредством богатства — плутократ. И наконец, устанавливающий господство религиозными средствами относится к типу теократа.

Различие в методах господства заключается в том, что одни действительно опираются на содержание своих ценностей, другие же пытаются воздействовать посредством внушения».

6. *Религиозный человек* — это тип человека, у которого ценностная ориентация состоит в том, что он ищет смысл жизни. И первый тип, теоретический, тоже, по существу, ищет смысл жизни. Но если теоретический тип считает, что самое главное (не только считает, но иначе жить не может) у него в жизни — стремление к познанию, то он стремится к поиску закономерности смысла жизни.

Религиозный же тип ищет доказательство, что есть какая-то высшая духовная сила — божество; этот тип ищет начало всех начал. Он считает, что есть извечное, и оно является, оно детерминирует жизнь человека. Причем можно понять, что Шпрангер, говоря о религиозном типе, и не думал о религиозном человеке в житейском смысле слова, т. е. о человеке, который ходит в церковь, совершает религиозные обряды. Шпрангер подчеркивает, что это может быть человек, который не принадлежит ни к одной вере, никаких обрядов не выполняет, а это именно человек, ищущий высший смысл, высшую правду, первопричину. И к этому типу он причислял Спинозу и Джордано Бруно, которые погибли по вине церкви.

Приведем отрывок из того же труда [96].

«Сам по себе мир как целостность воздействующих на отдельную душу бытийных и смысловых связей — религиозное понятие. Наука пытается теоретически познать сущность этой целостности. Путем простого познания существующего нельзя проникнуть в сущность мира. Смысл мира или целостности может переживаться только при религиозной установке. Того последнего, кто сообщает смысл этому миру, на религиозном языке называют богом. Уже Кант в своем учении пришел к тому, что бог не есть чисто теоретическое понятие, а является объективным коррелятом религиозно чувствующей души. Исходя из этого, можно оставаться в границах психологических утверждений, выдвинуть положение; богом называют объективный принцип, мыслящийся как предмет познания самых высших субъективных ценностей...

Суть религиозности заключается в поиске высшего смысла бытия. Состояние этого поиска характеризуется беспокойством и недовольством.

Тот, кто в своих переживаниях еще колеблется в выборе высших ценностей, лишен родины, нецелостен, полон сомнений; тот, кто нашел это высшее, чувствует себя свободным и счастливым.

...Сущность мира не познается и доказывается, ее видение приходит к нам во время особого состояния, которое на религиозном языке называется откровением. Достижение этого своеобразного состояния, при котором возникает чувство освобождения и приходит откровение, достигается путем особого воспитания души, основанного на характерной методике...

...Религиозный человек — это тот, чья духовная структура постоянно и вся целиком направлена на достижение высшего переживания ценностей. Из нашего определения сути религиозности следует, что имеется три основные формы религиозного типа...

...Различение проводится на основании того, в каком отношении находятся ценности, о которых мы уже говорили, к общему смыслу жизни: позитивном, негативном или смешанном (как позитивном, так и негативном). Если все жизненные ценности переживаются как стоящие в позитивном отношении к высшему смыслу жизни, мы имеем тип имманентного мистика; если же они ставятся в негативное отношение, то возникает тип трансцендентного мистика. Если же они оцениваются частью позитивно, частью негативно, то возникает дуалистическая религиозная натура...

А. Религию абсолютного жизнеутверждения мы называем имманентной мистикой, так как во всех позитивных ценностях жизни она находит ростки божьи. Она поднимается к высшим ценностям, пытается развить каждую сферу к бесконечному. Человек подобной духовной организации — универсал, фаустовская натура, он неустанно ищет и находит во всем положительный знак. Для него характерно постоянное воодушевление и комический энтузиазм. Для него нет таких сторон жизни, где бы не было ничего от бога. ...В то же время он хочет покорить природу, получить ее богатства. Он живет среди бесконечной божественной красоты универсума и, как отражающая этот универсум монада, чувствует себя богopodobным...

Выделенные Шпрангером типы не представляют собой, как он сам часто говорил, некую классификацию людей; он хотел этим выделением показать, что люди отличаются друг от друга не темпераментом, не конституцией и не поведением, а ценностями духовной ориентации человека. Эти ценностные ориентировки не вытекают ни из общественно-социальных отношений, ни из условий жизни человека, они создают лишь духовную индивидуальность личности.

Согласно идеалистическим взглядам Э. Шпрангера в этих духовных ценностях и выражается сущность человека. От них и зависит социальная формация общества.

Мы подробно остановились на положениях «понимающей психологии» не только потому, что книги, в которых изложены основные ее тезисы, являются библиографической редкостью и не переведены на русский язык, но и потому, что понимающая психология, хотя и выдвинула сугубо идеалистическую идею, что «психическое возникает из психического», сделала попытку провести анализ личности не через перечисление ее способностей, не через корреляции ее черт, а через интегральный анализ ее ценностей, нравственных, эстетических устоев. Личность выступает у Шпрангера как не-

кое единое, целостно неразделимое образование, имеющее, однако, свою специфическую характеристику.

Психическое развитие человека определяется как качественно изменяющаяся структура духовных ценностей.

Вместе с тем в понимающей психологии не найдена возможность адекватного пути для изучения психики человека, так как само развитие личности представлено как чисто духовный процесс, а культура и история, от которых это развитие зависит, тоже представляют собой самодвижение духа.

Положения «понижающей психологии» так же, как и положения экзистенциальной психологии являются сугубо идеалистическими, они не нашли никакого применения на практике, а лишь подготовили почву для процветания многих идеалистических теорий личности, для проявления различных мистических направлений.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

ТЕОРИЯ П. ЖАНЕ

В данном разделе будет рассмотрено направление, представители которого считают, что личность следует рассматривать как продукт социального развития. Хотя положения этих психологов страдают эклектичностью, они ввели проблему личности в иное русло.

Последнее направление неоднозначно, в нем выделились во второй половине XIX и первой половине XX века два подхода: один — эволюционно-биологический, в основу которого легли идеи Канта и Спенсера; второй — социологический, провозгласивший социальную обусловленность психики человека.

Основоположником этого направления является Э. Дюркгейм (1858—1917). Хотя основные труды Дюркгейма относятся к философии и социологии, они все оказали большое влияние и на психологию. Борясь с бихевиоризмом, с атомистической психологией Тарда и ассоциативной психологией, он выдвинул положение о биосоциальной природе человека. Дюркгейм подчеркивал, что высшие психические процессы определяются обществом. Вместе с тем он признавал, что ряд явлений сознания развиваются как биологически обусловленные.

Следует, однако, отметить, что само общество Дюркгейм понимал идеалистически, как нечто изначально данное; оно сводилось к совокупности мнений, знаний и других явлений духовной жизни, названных им «коллективными представлениями». Именно коллективные представления (или коллективное сознание) формируют психику человека. Коллективные представления, по Дюркгейму, обладают самостоятельным бытием. Подобное идеалистическое понимание социальной обусловленности вне учета действующих общественных отношений не дало возможности Дюркгейму и его последователям подойти конструктивно к проблеме развития психики. К этому социологическому направлению примыкает и теория Пьера Жана, которая вошла в историю психологии как «психология образа действия».

П. Жане (1859—1947) по образованию врач, преподаватель философии в Гаврском лицее. Знакомство с известными

психиатрами Шарко и Дюркгеймом направило интересы П. Жане к психиатрии, особенно к истерическим неврозам и психостении. В 1890 г. П. Жане становится заведующим психологической лабораторией в Сальпетриере — одной из крупнейших психиатрических больниц Франции. Диапазон научных интересов П. Жане чрезвычайно широк (философия, психиатрия, языкознание, проблема бессознательного и т. п.).

Мы остановимся лишь на его воззрениях, касающихся области психологии личности. Основные работы П. Жане — «Эволюция личности» [79] и «Эволюция памяти в соотношении со временем» [77].

П. Жане высказал положение, что различные психические процессы представляют собой явления, подготавливающие действия. Чувства, мышление являются процессами, осуществляющими регуляцию действия. В основу развития личности им положено учение о поведении. Но поведение выступает у Жане не в бихевиористском смысле, наоборот, оно противопоставляется этому пониманию. Поведение человека рассматривается как «включающее не только извне наблюдаемую активность индивида, но и внутреннее психическое содержание, которое становится неотъемлемой частью поведения, его регулирующим звеном» [79, 117—118]. Жане многократно указывал, что психология (он подразумевал ассоциативную психологию) рассматривала каждый психический процесс как отражение свойств предметов, но не указывала то место, которое занимает процесс в реальном поведении человека. П. Жане указал на это место — это специфика поведения, это разные уровни регуляции поведения. Он говорит о том, что мышление является способом подготовки действия. Это «не действие, но проба действия, совершаемая специфическим образом» [цит. по: 6, 135]. Такую же функцию регуляции П. Жане придает и чувствам. Он настаивает на том, что в само желание, чувство уже включена регуляция будущего поведения [77, 29].

Положение о П. Жане о том, что в структуру психических процессов включен процесс регуляции, является чрезвычайно важным и эвристичным. По существу, здесь уже превосхищена мысль, которая нашла свое дальнейшее развитие в трудах советских психологов Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и Л. И. Божович и других, а именно превращение индивида в человека определяется тем, что появляется возможность регуляции и саморегуляции. В известном смысле П. Жане противостоял взглядам Дюркгейма. Если для последнего «коллективные представления» обладают самостоятельным бытием, то П. Жане говорит о том, что психика человека развивается в сотрудничестве с другими людьми. Он говорит о том, что человек раньше сотрудничает с другими, а потом с собой.

Введение фактора сотрудничества представляет собой сдвиг в системе психологических категорий, так как оно означало, что сотрудничество является основой не только социологических, но и психологических явлений.

По мнению П. Жане, развитие человеческой личности строится не только на основе образа (гештальтпсихология), не только на основе мотива (Курт Левин), но и на основе общения. Для доказательства того, что психика социально обусловлена, П. Жане прибегает к рассмотрению процесса памяти. Он говорит о том, что если на ранних этапах развития ребенка выступает ассоциативная память, то у зрелого человека память включает все, что он видит в русле бывших эпизодов своей жизни; иными словами, Жане предвосхищает опосредствованный характер мнестической деятельности.

Интересной представляется структура поведенческого акта, выделенная П. Жане. Она состоит из трех этапов: *первый этап* касается внутренней подготовки к действию, *второй этап* — возникновение усилия к выполнению действия и *третий этап* — это этап завершения. В это описание поведенческого акта включено уже представление о цели действия и его динамической характеристике. Однако, как правильно отмечает Л. И. Анцыферова [6, 137], в этом анализе отмечаются существенные пробелы: в него не включены ни мотивы действия, ни условия, в которых акт действия происходит; отсутствует и анализ роли познавательных процессов в осуществлении действия. Это не случайно: хотя П. Жане выдвинул проблему регуляции в анализе строения психики, однако образ «действия» не рассматривается им как продукт процесса созидания общественных, социально значимых предметов; само понятие «образ действия» не является понятием деятельности, порожденной социально-общественной практикой. Однако несмотря на эти методологические ошибки, положение Жане о связи психики и поведения, его положение о том, что разные психические процессы осуществляют функцию регуляции, значительно обогатило теорию психологии и, в частности, психологию личности.

Анализ психики через динамику поведения позволил П. Жане подойти к объяснению многих невротических состояний, например утери целенаправленного поведения. Жане описывает случаи, когда пациенты, которые не могут по просьбе врача выполнить движение (поднять руку, произнести фразу), выполняют эти действия, если они включены в другую деятельность (тот же пациент сам одевается, сам причесывается, жалуется на свои болезненные ощущения). Подобные факты, описанные Жане, отмечались многими нашими психологами (А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, С. Я. Рубинштейн), работавшими с больными, получившими

контузии головного мозга или тяжелые ранения в годы Великой Отечественной войны.

Разрабатывая свою теорию «образа действия», П. Жане выдвинул положение о «психологическом напряжении» как доминанте действия. Более того, П. Жане считает, что способность к усилию (он часто даже говорит «трудовому усилию») является основным критерием оценки человека. «Ценность человека измеряется его способностью выполнить работу, требующую усилия» [цит. по: 6, 146].

Развивая свою мысль, он утверждает, что различные виды профессиональной деятельности — основа развития основных психических функций; не в использовании вещей, не в употреблении вещей, а в изготовлении он усматривает основу интеллектуальной деятельности [79, 229]. Можно сказать, что П. Жане как бы предвосхищает значение прикладной психологии.

П. Жане выделяет разные уровни поведения человека (семь уровней). К *первому* уровню он относит рефлекторные акты. Это самый низкий уровень поведения.

Ко *второму* уровню он относит отсроченные перцептивные действия. На этом уровне поведение приобретает опосредованное строение (двухфазное строение: подготовку и завершение действия).

Третий уровень поведения включает в себя элементарные социальные акты (например, акты подражания).

К *четвертому* уровню П. Жане относит элементарные интеллектуальные акты.

На *пятом* уровне манипуляция с реальными объектами приводит, по мысли П. Жане, к формированию так называемых интеллектуальных объектов [77, 151]. Особенно интересно его описание, как человек рассматривает фотографию своего друга. Он берет в руки портрет, улыбается ему, мысленно беседует с ним, переживает теплые чувства к нему и вместе с тем обращается с ним как с вещью, кладет в ящик стола [77, 151]. Этой иллюстрацией П. Жане хотел показать, что реальный предмет, которым человек манипулирует, может выступить в виде символа интеллектуального акта. Хотя П. Жане не употребляет термин «замещение», но данной иллюстрацией он подводит к этой проблеме. Человек обращается с портретом как с картоном, но этот картон вызывает «интеллектуальный акт», переживание.

Шестой уровень поведения — это уровень умственной деятельности, мышления, которое П. Жане считал производным от практического действия. Таким образом, Жане уже поднимал вопрос об интериоризации действия, вопрос о генетической связи мышления и действия, вопрос, который нашел свою разработку в нашей психологии (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, С. Л. Рубинштейн и др.).

В качестве высшего, *седьмого*, уровня поведения Жане называет созидательную, трудовую деятельность человека. Жане настаивает на том, что именно трудовая деятельность формирует произвольность внимания, волевое усилие. Тезис П. Жане о том, что трудовая деятельность характеризует высший уровень поведения, сыграл большую роль в борьбе с бихевиоризмом.

Проблема различных уровней поведения была применена П. Жане также при анализе психопатологических явлений. Так, анализируя истерические неврозы навязчивости, он указывает, что поведение подобных больных представляет собой регресс на более низкий уровень развития, вследствие чего больные утрачивают возможность саморегуляции.

Таким образом, способность к саморегуляции, к опосредованию своего поведения П. Жане считал наивысшим критерием развития личности.

Положение о саморегуляции, ставшее краеугольным камнем анализа личности и у других представителей французской социологической школы, перекликается у П. Жане с положением о наличии психологического напряжения и психологической силы. Психологическая сила означает определенное свойство личности, проявляющееся в скорости и длительности его отдельных действий. Психологическое напряжение означает способность концентрации и распределения силы. Таким образом, обе эти характеристики взаимосвязаны и представляют собой энергетическую, динамическую сторону регулируемого поведения. Именно состояние психологического напряжения, которое можно было бы обозначить как сознательную психическую активность, если говорить терминами современной психологии, дает возможность человеку регулировать свое поведение. Сам П. Жане определяет это состояние как активацию высших потребностей.

П. Жане часто подчеркивал, что эту активацию следует ограничивать от той напряженности, которая имеет место при неврозах навязчивости; последняя является, по мнению П. Жане, слабостью «психологического напряжения», т. е. пониженной активностью.

О том, что «психологическое напряжение» связано с саморегуляцией, свидетельствуют, по мнению П. Жане, факты из клиники неврозов. Чувство сомнения, нерешительности, притупление эмоций, учащение автоматических действий, так называемое «расщепление» личности, появление навязчивых идей являются именно следствием падения психологического напряжения, исключающего возможность регуляции поведения [79, 491]

Следует отметить, что в регуляции поведения П. Жане отводит большую роль речи. Как было указано выше, разные уровни поведения он рассматривает на речевом поведении,

которое является для него неким синтезом элементарных интеллектуальных действий. Жане считает, что процесс перехода от низшего уровня к высшему совершается при помощи речи.

Не случайно Л. И. Анцыферова, говоря о материалистических тенденциях в зарубежной психологии, обращает особое внимание на положения П. Жане, отмечая, что он увидел связь умственных действий с речью; она правильно указывает, что основным условием и способом превращения практических действий в умственные Жане считает речь, вербальное поведение человека. Действия, проговариваясь человеком, начинают функционировать в речевой форме, а затем, по мере того, как речь становится все более неслышной, действия превращаются в умственные процессы и становятся идеями. Таким образом, П. Жане в известной мере ставил вопрос об интериоризации практического действия. На значение этого положения П. Жане указывает и Л. С. Выготский: «По словам Жане, оно (слово — Б. З.) всегда есть команда, потому-то оно и является основным средством овладения поведением»... И дальше: «Регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности» [цит. по: 8, 194]. Таким образом, Л. С. Выготский показывает, что положение Жане о языке связано с его представлением о личности как субъекте действия. Об этом пишут и С. П. Пирковский и М. С. Роговин, когда анализируют положение П. Жане о языке: «Если язык позволяет переводить действие в интеллектуальный план и представляет структуру личности в отношении прошедшего (память), то это же оказывается возможным и в отношении будущего» [31, 455].

Таким образом, П. Жане пытался преодолеть разрыв психики и поведения; его работы направлены, как мы говорили, в основном против ассоциативной психологии и бихевиоризма. Однако он не смог дать цельной теории развития личности. Декларируя обусловленность психики социальной средой, он не смог понять, что среда — это не просто синтез индивидуумов, а продукт социально-общественных отношений. Поэтому, описывая переходы уровней поведения, Жане не раскрыл их внутренних механизмов. Из его концепции выпадает, по существу, категория деятельности, мотивов, осознанно поставленных целей, без которых истинной регуляции поведения быть не может.

Само понятие «коллективно-социальное» у Жане психологически обусловлено, но он не сумел показать его социально-общественной обусловленности.

Методологически неправильным является и утверждение П. Жане о том, что при патологических состояниях происходит регресс на более низкий уровень поведения. Работами

советских патопсихологов (Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн, Б. С. Братуся и др.) показано, что нарушение психической деятельности не является негативом развития, оно представляет собой новое качество.

ТЕОРИЯ Ж. НЬЮТТЕНА

Теория личности современного бельгийского психолога Ж. Ньюттена известна как концепция «духовного человека». Это название связано с его философским пониманием сознания, сложившимся под влиянием субъективно-идеалистической философии. Вслед за Э. Гуссерлем он считает, что мир объектов людей и ситуаций не существует вне воспринимающего субъекта: «...это наличие мира вне нас не должно быть понято как физический факт... наличие значительного мира перед нами — это психологический или поведенческий факт». И далее «...мир вещей и значимых ситуаций — это кристаллизация или конденсация поступков. Физический объект или часть окружающего пространства превращается в письменный стол, телефон, канцелярию, поскольку в нем синтезирована система поведенческих отношений и возможностей отношения. Таким образом, сознание представляемого нами мира в объективном смысле — это кристаллизованное поведение» [91]. -

Ж. Ньюттен занимается поведенческим миром, который существует для личности, т. е. возникает в результате взаимодействия с миром.

В теории Ж. Ньюттена следует выделить два положения:

1. Взаимодействие индивид-среда и доминирование индивида в этом взаимодействии; 2. Личность является некой интегральной системой.

Подчеркивая взаимодействие индивид—среда, Ньюттен ставит акцент не на процессе приспособления, а на процессе реализации действия. Приспособление является вторичным механизмом. Только реализация намерения является источником социального и культурного развития. Природа человека приобретает свое выражение в возможностях индивидуальной личности, в контакте с другими людьми. Что касается природы человеческих возможностей, то они являются врожденными, обучение только создает формы их выражения. Индивид есть важнейший компонент в этом взаимодействии.

Человек — психофизиологическое единство, в котором психика и сознание не сводимы к элементарному: нельзя сводить это единство ни к связям $S - R$ (стимул — ответ), ни к механизмам биологического гомеостаза.

Основным механизмом развития личности является по-

знавательная сторона потребности — возможность разработки планов действия (проектов). Под «проектом» Ньюттен понимает специфическую особенность человеческого обучения. Проект создал открытую задачу (незаконченную) и постоянную напряженную систему (динамическую ориентацию). Ньюттен выступает против объяснения поведения как редукции потребности и также против бихевиористских теорий Уотсона, Торндайка и других, которые игнорируют познавательное содержание психического.

Ж. Ньюттен считает, что личность — это способ функционирования, который охватывает два полюса: «Я» и «мир». «Я» — это совокупность психических функций и возможностей индивида, «мир» — это ваш объект. Этот мир объектов и людей не только не противопоставлен «Я», как это представлено во фрейдизме, но и определяет содержание психической жизни человека. Мир является составным элементом самой личности. Так, наши родители, наша фабрика, весь мир нашей деятельности и наших аффектов входит в состав личности, поскольку он составляет ее содержание. Личность функционально существует только в рамках структуры «Я—мир», в активном взаимодействии и общении с миром объектов» [91].

Наибольшее внимание Ньюттен уделяет проблеме мотивации. Мотивация, по его мнению, — это непрерывная, активная селективность, которая определяет **устойчивость и направленность** поведения и обеспечивает достижение цели.

Равновесие понимается как оптимальное состояние взаимодействия со средой. Именно мотивация побуждает человека стремиться к еще более сложным уровням равновесия. В этом положении проявляется непоследовательность Ньюттена. Человеческие потребности не сводимы к биологическим тенденциям, определяющим равновесие. Согласно его теории психофизиологические потребности (такие, как голод, жажда, сон, сексуальность и т. д.) определяются отсутствием биологического равновесия, но не сводимы к нему. Потребность является скорее требованием некоторых форм поведенческого контакта со средой, чем органическим состоянием. Изначально потребность не имеет конкретного объекта, существует лишь тенденция к поиску поведенческого контакта с объектом, который составляет нужное отношение и помогает нормальному функционированию психики. В этом отношении позиции Ньюттена перекликаются с идеей А. Н. Леонтьева о предметном характере потребностей как объекте психологического изучения. Однако их точки зрения на развитие потребностей расходятся. А. Н. Леонтьев [27] считает, что потребности определяются развитием предметной деятельности в рамках схемы «деятельность — потребность — деятельность», где формируются новые формы потребностей, обслуживающие социально более высокоорганизованные деятель-

ности, принципиально не насыщаемые (потребность творчества); Ньюттен же считает, что обучение является процессом, благодаря которому мотивация приобретает конкретную форму. В зависимости от условий и культуры усваиваются новые объекты уже существующих потребностей. По мнению Ньюттена, возникают не новые потребности, а только обученные формы их удовлетворения.

Следует отметить, что Ньюттен выступает против биологизаторского редукционизма. Он говорит, что высшие духовные потребности (философские, нравственные, религиозные) не сводимы к биологическим тенденциям. Ньюттен критикует фрейдистскую концепцию сублимации, которая объясняет процесс преобразования сексуальной энергии в высшие формы деятельности. По его мнению, высшие формы деятельности человека имеют специфический источник, отличающийся от физиологических или сексуальных импульсов. Этот источник заключается в потребностях познавательного и социального характера, которые являются врожденными, но имеют специфическую «познавательную разработку». Эта специфическая познавательная разработка представляет собой развернутую тенденцию к реализации того, кем хочет стать человек (проект). Ньюттен пытается объяснить отличие поведения человека от поведения животных. Человеческая деятельность, говорит он, характеризуется прогрессивным развитием, не существующим у животных. Порождающая внутренняя сила прогресса и представляет собой тенденцию к реализации всегда новых возможностей человека (проектов).

Ньюттен признает, что существует взаимодействие между физиологическими и высшими потребностями. Сексуальность или другие физиологические потребности проявляются в многочисленных высших формах человеческой деятельности в замаскированной форме. Но это не процесс сублимации. Это осуществляется через: а) аффективный перенос как широкую генерализацию и переключение эмоционального отношения; б) разряд или удовлетворение рассеянного напряжения, названного одной определенной потребностью; в) атрофию некоторых форм биологических потребностей.

Ж. Ньюттен критикует психологические тенденции поиска мотивов действий в динамических содержаниях прошлого индивида. Он отмечает, что актуальный мотив не что иное, как конкретная форма, которой обладает потребность в данных условиях как результат процесса обучения. В результате обучения человеческая психика приобретает качественно новое содержание.

Чтобы понять классификацию потребностей Ньюттена, необходимо уяснить критерии этой классификации. Он постулирует три уровня психической жизни: психофизический,

психосоциальный, душевный или экзистенциальный. В конкретном человеческом акте эти три уровня тесно взаимодействуют. Он вводит также три основные потребности: побуждение жизненного развертывания и потребность биологического контакта; развертывание личности и потребность психосоциального контакта; потребность экзистенциального поддержания и универсальной интеграции, что проявляется в тенденции к самореализации.

Одно из центральных мест в исследованиях Ж. Ньюттена занимает проблема специфики человеческих потребностей. Разрабатывая эту проблему, он выдвигает «относительную теорию потребности». Эта теория направлена против попыток локализации потребностей в организме. Потребности — это не состояние организма, а «паттерны» связей субъекта с окружающим миром [91, 187]. Тем самым потребности перестают быть источниками человеческой деятельности, они выступают как динамический аспект личностного способа существования и поведения в мире. Таким образом, сущность или природа специфически человеческих потребностей обнаруживает себя, по мнению Ж. Ньюттена, не в биологических глубинах организма, а возникает и строится в процессе активной связи человека с миром.

Другим весьма интересным аспектом в разработке категории потребности Ж. Ньюттеном является выделение ее «временного измерения». «Всякий объект потребности, — пишет Ж. Ньюттен, — является чем-то, что будет, чего нужно достичь, и это образует поведенческое будущее. Таким образом, будущее является временным качеством мотивационного объекта» [91, 63]. Иными словами, потребность, по мнению Ньюттена, предполагает осуществление будущего. Однако это временное качество потребности только намечает будущее, как бы видит его. Его созидательной когнитивной разработкой является действие настоящих механизмов, разработка проекта.

Ньюттен утверждает, что процесс развития культуры, который является социальным фактором, находит свой источник и конкретное выражение в деятельности отдельного человека. Стремление к реализации постулируется в качестве источника социального и культурного развития и в качестве основного фактора, объясняющего динамичность и развитие личности.

Проблему реализации самого себя автор рассматривает в связи с проблемой осознания себя, своего «Я». Он спорит с теми, кто отрицает существование единой концепции «Я» в нормальной личности. «Я» — это единство того, кем я хочу быть и каковым я являюсь в действительности. Противопоставление этих двух полюсов мы встречаем у невротиков, особенно в состояниях распада и раздвоения личности. У нор-

мального человека тоже существует внутреннее напряжение, но оно выступает как побуждающее к преодолению того, что он уже достиг.

В структуре личности Ньюттен выделяет два аспекта: интимный и социальный. Хотя они тесно связаны, тем не менее можно выделить их разные содержания, которые иногда могут противопоставляться друг другу. Личность, воспринимаемая на самом интимном уровне индивидуального сознания, необязательно совпадает с личностью в социальном контексте. С первых лет существования человек переживает побуждения, которые входят в конфликт с другими социально приемлемыми тенденциями или с образом нравственного облика человека, кристаллизованного культурой в виде привычек и норм. У ребенка формируются более или менее частные, более или менее общепринятые зоны или формы психической жизни и поведения.

Развитие нормальной личности заключается в прогрессивной интеграции, преодолевающей конфликты. Ньюттен считает, что конфликт — это состояние конструктивного напряжения у нормального человека. В этом процессе интеграции внутреннее напряжение постепенно уменьшается (некоторые интимные содержания могут подвергаться регрессу).

Гармоничность «Я» определяется процессом интеграции интимной и социальной структур личности. Динамическим источником тождественности является потребность внутренней стабильности. Потребность в стабильности — это склонность оставаться идентичным самому себе. Эта потребность действует на человека через «Я-образ» или через социальную роль, которую он принимает в отношениях с другими людьми.

Источник потребности уходит своими корнями в природу человека и в его отношении с окружающей средой. Он выделяет следующие виды потребностей:

1. Потребность жизненного развертывания и биологического контакта по удовлетворению голода, жажды, сексуальности, направленная на поддержание гомеостаза. Она является выражением поддержания органического развертывания.

2. Потребность развертывания личности и психосоциального контакта. Она заключается в потребности социального статуса, создания и поддержания «Я-образа» или «Я-идеала», уверенности в себе, развития своих функций в социальной группе.

3. Потребность экзистенциального поддержания и универсальной интеграции.

Ньюттен считает, что человек ставит перед собой вопросы о своем существовании. Он воспринимает себя существующим и чувствует потребность в поддержании «Я-образа».

в разворачивании личности. Эта потребность приобретает различные формы. Для некоторых людей она выражается в разработке философских концепций. Потребность контакта на духовном уровне выражается в потребности общения, потребности нахождения смысла жизни.

Ж. Ньюттен включает в систему потребностей также тенденцию к реализации своих мотивов, которая связана с познавательной функцией. Благодаря ей человек может преодолевать то, что препятствует ему в настоящее время. Этот специфически человеческий характер психических динамических тенденций проникает во все потребности.

Ж. Ньюттен ставит также вопрос о задачах экспериментального исследования. Главные направления экспериментального исследования он видит в: а) разработке нового экспериментального подхода к изучению выражения личности; б) выделении факторов оценки и запоминания результатов деятельности.

Теория личности Ж. Ньюттена является попыткой анализа строения личности. Он подвергает критике редукционистские концепции бихевиоризма и фрейдизма, но в то же время Ньюттен создает эклектическую концепцию человека, где сосуществуют постулаты и принципы этих же самых и некоторых других теорий (гедонизм, позитивизм, экзистенциализм и т. д.).

Позитивным моментом в теории Ж. Ньюттена является системное представление о личности, в которой выделяются социальные и духовные потребности человека, не сводимые к биологическим тенденциям. Положительным в его системном описании является понятие «познавательная разработка», которое обогащает содержание мотивации. Он подчеркивает познавательный характер мотива, без которого не может проявиться процесс целеобразования (в терминологии Ньюттена — «проект»).

Эклектическое построение теории Ж. Ньюттена не имеет согласованного и целостного категориального аппарата, объясняющего богатую и сложную психологическую реальность, поскольку она основывается на соединении разных философских направлений, главное из которых — субъективный идеализм, выражающийся в понимании сознания. По Ньюттену, сознание — это факт открытости человека или экспозиция внешним вещам. Цитируя Гуссерля, он отрицает, что сознание есть образ или отражение внешнего мира, который существует независимо от человека, от самого сознания, от личности. Центральное понятие феноменологии — «интенциональность» сознания (его направленность на объект) — он выражает через определение сознания как факта непосредственной презентации субъекту внешнего мира.

Автор далек от исторического аспекта формирования со-

знания; его метафизические представления изолируют сознание от реальной жизни, не позволяя исследовать зависимость сознания человека от образа его жизни, от его бытия. «В этом и заключается смысл ленинского требования идти не от ощущения к внешнему миру, а от внешнего мира к ощущению, от внешнего мира как первичного к субъективным психическим явлениям как вторичным» [27, 49].

Для его теории характерно значительное противоречие между нередукционистской концепцией и врожденным характером всех потребностей. Концепция, которая принимает такие психосоциальные потребности, как независимость, любовь, дружба, уважение и т. д., и духовные потребности, например, философские и т. д., являются врожденными, ненамного отличаются от редукционистских концепций, которые объясняют человеческое поведение с помощью врожденных сил, таких, как либидо, стремление к власти, врожденный страх и т. д. Критика концепции сублимации Фрейда превращается у Ньюттена в своеобразную ее модификацию, где вместо сексуальности постулируется врожденный механизм динамики познавательного любопытства, в котором, однако, допускаются частные принципы, аналогичные фрейдовским (сублимация). Можно сказать, что биологический гомеостазис Фрейда превращается в социальный гомеостазис у Ньюттена. Таким образом, он в своей концепции сохраняет недостатки, которые в этом смысле характерны для психоанализа.

В структуре «Я-мир» Ньюттен растворяет объективный мир в субъективном его образе человека, отождествляя субъект и объект. Он опускает центральный процесс, посредством которого реализуется главное отношение человека к окружающему его миру — деятельность. Главное отношение «субъект — объект» в его теории теряется. Ньюттен воспроизводит поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе которого стоит активный («пристрастный») субъект, на другом — «равнодушный» к субъекту объект [27, 55]. В понимании Ньюттена опускается объяснение психического образа (сознания) как продукта жизненных и практических связей и отношений субъекта с предметным миром [27, 92], которое признает деятельность субъекта в мире как предпосылку всякого субъективного образа. Именно отсутствие понятия деятельности, одного из главных понятий, включающихся в категориальный аппарат научной психологии, предопределяет эклектический подход в его теории.

Выделение структуры личности в двух противоположных частях (интимное и социальное) носит редукционистский характер, так как это предполагает процесс социализации как наложение культурной среды, в которой «вынужден жить человек». В человеке существует противоречие (конфликт), ко-

торое есть конструктивное напряжение у нормального человека. В этом смысле Ньюттен приближается к высказываниям буржуазных философов и социологов, стоящих на социально-антропологических позициях и показывающих разрыв между миром индивидуума и внешним миром.

В теории личности Ж. Ньюттена мы встречаем большое количество общих категорий, которые служат качественному объяснению содержания человеческой личности (тенденция реализации, тождественность личности, потребность в стабильности, уравнищенность, познавательная разработка, универсальная интеграция и т. д.), но которые, наоборот, делают его теорию более сложной и абстрактной, учитывая ее идеалистический характер. Например, явление мотивации он описывает общими и описательными терминами (активная, длительная, избирательная направленность, объект — цель и т. д.), используемыми как на уровне человека, так и на уровне животных. Так, не дифференцируются понятия мотивации и понятия потребности, влечения.

Ж. Ньюттен является наиболее ярким и в то же время типичным представителем современных тенденций господствующих в зарубежной психологии, которые свидетельствуют о ее значительном теоретическом кризисе. Его теория, как «духовная концепция человека», дает изолированный от системы общественных отношений образ человека, лишает среду ее объективного исторического значения в формировании сознания и личности, отказывается от материалистического понимания движущих сил развития личности. Это гносеологическая позиция автора препятствует интеграции многих психологически содержательных и важных положений, выдвинутых и экспериментально разработанных Ньюттенем, в связанную и непротиворечивую систему.

Положительным в теории Ньюттена является то, что он подчеркнул взаимоотношение психики и поведения, обратился к психологическому содержанию действия. Он писал о том, что следует проанализировать, «каким образом нужно понимать мотивацию, познание «мира» и собственное действие как составные части поведения» [цит. по: 6, 151].

Ньюттен всячески подчеркивал, что это соотношение создается путем научения; последнее же осуществляется во взаимодействии человека со средой.

Ньюттен очень интересно аргументирует свое положение о том, что человек в своем поведении всегда находится в мире объектов и людей; именно между миром и личностью осуществляются разные формы отношения, которые носят поведенческий характер. Эти поведенческие отношения проявляются в виде осуществления проектов как этапов выполнения задач. Они выступают как средства удовлетворения потребности.

Ньюттен настаивает на том, что духовные потребности не сводимы к биологическим. Он говорит о том, что когнитивная форма, в которую облекаются у человека биологические потребности, направлена на то, чтобы их действие в поведении проявлялось не столько в форме периодического импульса, сколько в форме более или менее продолжительных и стабильных деятельностей и направленностей. В человеке, по мнению Ньюттена, развиваются непрерывные динамические направленности, поэтому вещи, относящиеся к этой области, продолжают его интересовать даже после удовлетворения потребности.

Эти положения Ньюттена перекликаются со взглядом А. Н. Леонтьева на природу мотивов и с тезисом Л. И. Божович о ненасыщаемости духовных потребностей.

Однако следует отметить, что теория личности Ж. Ньюттена в целом страдает эклектичностью. Хотя Ньюттен, как мы видели выше, спорит с биологизаторским редукционизмом, он противоречит себе, говоря о том, что потребности человека врожденные. Он говорит о направленной активности человека, о том, что мотивация человека содержит в себе познавательный компонент, что она формируется путем научения («познавательная разработка» мотива), и вместе с тем считает, что природа человека присуща ему от рождения. Эта врожденная природа должна якобы объяснить сложные механизмы человеческого поведения. Хотя Ньюттен говорит о взаимодействии человека и среды и подчеркивает, что в этом взаимодействии активная роль принадлежит субъекту, однако самого человека он наделяет врожденными потребностями. Этим самым Ньюттен, по существу, не раскрывает социально-общественной роли среды.

Противоречивость Ж. Ньюттена вытекает из его философской ориентации, которая не признает активной функции сознания как отражения объективного мира.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ В МАРКСИСТСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мы подробно останавливались на теориях личности психологов, методология которых несла явно или скрыто либо идеалистический, либо эклектический характер, главным образом редукционистский. Было показано, что редукционизм может носить самый разнообразный характер: иногда он проявляется в том, что высшие уровни развития сводятся к низшим (так называемый физиологический биологический редукционизм); иногда же низшие уровни развития сводятся к высшим (антропологизм). За последние годы получил развитие и «психологический редукционизм», сводящий социально обусловленные явления к психологическим закономерностям (например, у некоторых представителей «гуманистической психологии»). Однако чертой редукционизма по существу является отрицание развития мира, отрицание самого процесса возникновения качественно новых свойств.

Диалектический материализм признает существование качественно различных уровней бытия, являющихся разными этапами развития материального мира.

Основываясь на диалектически материалистических принципах, советская психология раскрывает общественно-историческую обусловленность личности и тем самым преодолевает все виды редукционизма и эклектизма.

Однако за последнее время ряд зарубежных психологов проявляет интерес к марксистски ориентированной психологии. И это не случайно. Напомним, что В. И. Ленин уже в свое время писал, что для развития естествознания характерно обращение к материалистической методологии: «На стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, именно: в физике» [1, 18, 380]. Это замечание Ленина касается и общественных наук, особенно психологии. Многие зарубежные психологи стали интересоваться методологией марксистской психологии. Характеристика тех или иных материалистических идей зарубежных психологов приводится в трудах многих авторов (М. Г. Ярошевский, О. М. Тутунджян, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович и др.). Л. И. Анцыферова посвятила этой проблеме специальную монографию «Материалистические идеи в зарубежной психологии» [6]. Из-за недостаточного объема книги мы не можем осветить, в каких трудах эти идеи преломляются,

дать критический анализ, тем более что читатель найдет его в упомянутой работе Л. И. Анцыферовой.

Хочется лишь отметить, что уже психолог-позитивист XIX века Роберто Ардига указывал на то, что «у нормального человека, находящегося в состоянии бодрствования, одновременное и непрерывное действие на все его органы чувств объективных реальностей ориентирует ход мыслей в соответствии с обстоятельствами, так что имеющиеся в каждый данный момент представления соответствуют внешней реальности [цит. по: 6]. Таким образом, идеи материализма проникали в психологию.

Идеи материализма мы могли проследить, как указано выше, у Жане и Ньюттена. Но следует отметить, что в зарубежной психологии представлены идеи подлинной марксистской психологии. К ним следует отнести теории Ж. Политцера, Л. Сэва, на которых мы и остановимся.

ТЕОРИЯ Ж. ПОЛИТЦЕРА

Одним из первых встал на марксистские позиции Ж. Политцер (1903—1942) — французский философ, психолог, участник движения Сопротивления, член Французской Коммунистической партии, погиб от рук фашистов. Его основные психологические труды — «Обзор конкретной психологии» (1929) и «Кризис современной психологии» (1947).

Политцер показал несостоятельность так называемой классической психологии. В своей книге «Кризис современной психологии» он не только критиковал ее бессилие, но пытался создать «конкретную психологию», фундаментом которой должна была стать материалистическая философия. Личность должна рассматриваться в системе социально-общественных отношений. Политцер всякий раз подчеркивал, что личность является историческим явлением.

Исходя из принципа исторического материализма Политцер указывает, что отношения между людьми, эмоции, переживания включены в широкую систему социальных отношений. Совокупность реализуемых в социальной деятельности отношений Политцер называет драмой.

Политцер писал: «Но для того, чтобы психологическое утверждение можно было рассматривать как психологическое знание, необходимо, чтобы оно могло постигать драматические факты в их индивидуальном своеобразии. Утверждение, согласно которому сновидения являются результатом искажения реального, нельзя рассматривать как психологическое знание, потому что оно не схватывает драматического факта во всем его своеобразии. В самом деле каждое

сновидение имеет конкретное содержание, но упомянутый тезис не дает никакого средства его постижения. Он позволяет сказать чисто априорно одно и то же обо всех сновидениях. Это относится ко всем утверждениям и ко всем психологическим теориям, которые предполагают формализм. Формализм, в сущности, начинается именно с устранения индивидуальной детерминации драматических фактов. Он элиминирует специфическое содержание сновидения, если речь идет о сновидении, конкретное содержание мышления, если речь идет о мышлении, и драматическое значение действия, если речь идет о действии. В таком случае естественно, что все формальные утверждения не способны постигнуть драму во всей присущей ей конкретности» [32, 263—264].

Таким образом, Политцер критиковал старую психологию за формализм и предлагал создать новую «конкретную психологию».

Поворот на этот новый путь, по мнению Политцера, уже начал осуществляться. Он называл три направления, которые, по его мнению, предвещают развитие новой психологии: 1) гештальтпсихология; 2) бихевиоризм и 3) психоанализ. Хотя Политцер указывал на принципиальную недостаточность этих подходов, но называет и их достоинства. У гештальтпсихологии это то, что человеческое действие берется в целом, а это сохраняет его смысл и форму; бихевиористы ввели термин «поведение». Но наиболее существенно конкретно-психологический подход, по мнению Политцера, осуществляется в психоанализе, который дает ясное представление об ошибках классической психологии и показывает новую психологию в жизни и действии. Это выразилось в методе, но не в теории, которую строил Фрейд для объяснения добытых им с помощью конкретно-психологического подхода фактов.

Политцер собирался построить цикл своих работ следующим образом: первые 3 тома должны были быть посвящены анализу названных выше трех течений с точки зрения того нового, конкретно-психологического, что в них есть, и завершить серию должно было систематическое изложение взглядов самого Политцера. Но Политцер не успел осуществить всю задуманную работу: он был участником движения Сопротивления и погиб в фашистском застенке. Посмертно вышла лишь первая книга серии — «Психология и психоанализ».

В книге «Психология и психоанализ» Политцер касается трех вопросов: 1) понятия психологического факта в конкретной психологии; 2) метода анализа фактов; 3) примеров реализации «конкретного» подхода.

Ж. Политцер писал о том, что термин «жизнь» обозначает в такой же мере факт собственно человеческой жизни, как и биологической. Психологический факт — это элемент жиз-

ни человека. Драматическая жизнь человека обладает всеми свойствами, которые делают возможным ее научный анализ. Политцер говорил, что даже если бы психологии не существовало, ее следовало бы изобрести для этой возможности. Политцер с горечью пишет о том, что анализ этой драматической жизни человека нашел себе место лишь в литературе, в театре, и хотя классическая психология утверждала необходимость изучать «литературные документы» на деле (исключая психоанализ), они никогда по-настоящему не использовались. Под драматической жизнью человека Ж. Политцер понимает реальную жизнь отдельного конкретного человека. Изучая человека, следует в нем видеть не «абстрактного человека вообще», а «героя» некоторой исключительной, единственной в своем роде «драмы». Психология имеет право на существование, по мнению Политцера, лишь в качестве эмпирической науки. Акт конкретного индивида — это особенная жизнь единственного, особенного индивида, короче говоря, жизнь в драматическом смысле слова.

Политцер ставит вопрос о том, что взять в качестве единицы анализа, иными словами, что считать психологическим фактом. В качестве такой единицы должно выступать требование первого лица, т. е. действия конкретного человека.

В классической психологии все иначе: в качестве единицы выступал функциональный центр, с одной стороны, или некий глаз, — с другой стороны (интроспекционисты). Психологические же факты использовались сами по себе, независимо от этого «центра» или «глаза». Синтез их в единое целое, раскрытие сущности этого целого, знание человека — все это отбрасывается. Психологические факты используются в абстракции от этого «Я». Здесь Политцер проводит аналогию между методами физики, например, и методами такой психологии. Политцер говорит, что сущность абстракции состоит в том, что при объяснении психологических фактов психолог становится в ту же позицию, что и при объяснении объективных фактов, т. е. пользуется «методом 3-го лица». Это означает, что психологические факты берутся сами в себе, автономно, и описываются не в терминах действий субъекта (1-го лица), а в терминах механизма (например, в теории духовных способностей). Аналогичное происходит в физике, где наблюдается некоторый процесс, который развивается сам по себе, здесь нет субъекта, который бы осуществлял этот процесс. Такой абстрагирующий от субъекта подход неминуемо предполагает и формальную точку зрения. Так, например, при анализе механизма забывания не обращается внимание на своеобразие каждого конкретного забывания. Политцер отмечает, что при подобном подходе выводы будут носить безличный характер: по поводу каждого конкретного случая повторяется одно и то же общее положение, например, что

имена собственные забываются легче, чем имена нарицательные. Таким образом, выводы, которые можно получить в рамках описанного подхода, не позволяют понять конкретного индивида и главное — не позволяют никогда этого сделать, потому что «из неличных (inpersonnels) элементов нельзя реконструировать личный акт».

Политцер настаивает на том, что психологический факт может считаться «психологическим» лишь тогда, когда в нем отражен субъект, действие субъекта. Основным понятием конкретной психологии должно быть понятие акта (поступка). Акт не может быть отделен от «Я», его можно понять лишь в качестве выражения «Я». Именно акт выступает как сегмент жизни «Я». Поэтому конкретная психология может признать в качестве действительного психологического факта лишь акт.

Таким образом, конкретная психология является не какой-то психологией, а психологией в полном смысле слова со всей непримиримостью и нетерпимостью, которые предполагает подобное утверждение. Политцер настаивает на том, что:

1. Психология — это наука, предметом которой является та совокупность оригинальных фактов, которую мы называем драмой. Психологические факты суть фрагменты драмы; самый элементарный психологический факт должен быть также фрагментом драмы.

2. Мы называем мифологической такую форму психологии, которая превращает драму в психические процессы с помощью реализма, абстракции и формализма, и вообще любую психологию, в которой эти действия представлены в какой бы то ни было форме.

3. Мы называем донучной всякую форму психологии, которая не выводит своих исследований и совокупность своих проблем из действительного анализа драмы и утверждения которой не отражают драматических фактов во всей их полноте.

4. Мы называем метапсихологией совокупность исследований и теорий, подпадающих под определения п. 2 и 3 [32, 276].

Политцер считает, что только сегменты драматической жизни, требования первого лица могут стать объектом психологического анализа.

«...Чтобы проанализировать сегмент, надо найти детерминацию его смысла в развитии, в развертывании всей совокупности событий, которые мы называем целостной жизнью конкретного индивида (*totalité de la vie*). У психологии будет тогда нечто вроде драматической критики: отдельный акт будет восприниматься как сегмент драмы, который существует лишь в драме и посредством этой драмы. Ее метод, следовательно, будет не простым и чистым наблюдением (*observation*), а методом интерпретации. Проинтерпретировать — значит лишь связать психологический факт с конкретной жизнью индивида. Политцер говорит, что «в психологическом факте интересны не предмет его и не форма, а смысл его».

Политцер вводит различие конвенциональных (*signification conventional*) и индивидуальных (*signification individuelle*) значений. Конвенциональные значения «взяты из

области социальных взаимодействий», это нечто общезначимое, аналогичное понятию «явное содержание» (*contenu manifeste*) у Фрейда. Индивидуальные же значения «вскрывают» индивидуальную психологию, они определяются опытом человека, здесь есть аналогия с понятием «скрытое содержание» (*contenu latent*) у Фрейда.

Различие значений конвенциональных и индивидуальных важно Политцеру для основной задачи — найти смысл акта. Этот смысл «может быть освещен лишь в рассказе самого субъекта» (под понятием «рассказ» Политцер понимает «выражение чего-либо с помощью слов»). При анализе рассказа необходимо за его конвенциональным (явным) содержанием увидеть другой рассказ — индивидуальное (скрытое) содержание. Следует рассматривать акт как сегмент конкретной индивидуальной жизни. Необходимо подняться над конвенциональными значениями формул, чтобы найти индивидуальную, конкретную жизнь. Политцер прибегает к такому сравнению: явное содержание подобно непосредственному, внешнему содержанию театральной пьесы; скрытое соответствует замыслу автора, основной теме, идее пьесы. Итак, надо выявить индивидуальное, скрытое содержание рассказа.

Политцер пишет, что психоанализ ищет в своих интерпретациях индивидуальные значения. В сущности его метод лишь продолжает те интерпретации, которые мы производим каждый день (иначе взаимное приспособление, предполагаемое человеческими отношениями, было бы невозможным).

Для того чтобы выявить скрытое содержание рассказа, надо использовать все возможные материалы о человеке, которые получаются двумя способами: 1) методом свободных ассоциаций; 2) высказываниями, полученными в результате целенаправленных расспросов.

Для обозначения основных «сегментов драмы» Политцер вводит понятие «акт», которое обозначает законченное действие, событие, включающее активность личности, его устремление к цели. Для конкретной психологии при этом важно не только объективное значение акта, но и то значение, которое оно имеет для самого человека. Именно актами, а не процессами должна заниматься психология.

Л. С. Выготский высоко оценил это положение Политцера. Отстаивая свою мысль о том, что личность человека следует исследовать через всю совокупность обуславливающих ее общественно-социальных и культурно-исторических условий, Л. С. Выготский писал: «Суть этого изменения, которое вносит подобная точка зрения в психологию, заключается, по верному определению Политцера, в противопоставлении человека процессам: в умении видеть «человека, который работает, а не мускул, который сокращается, в переходе нату-

рального плана в план человеческий... В несколько ином смысле можно было бы сказать вместе с Политцером, что концепция детерминизма гуманизируется» [15, 118].

Итак, в качестве единицы анализа берется акт, сегмент конкретной жизни индивида. Его интерпретация состоит в раскрытии его латентного содержания, содержания в индивидуальных значениях. Материалы для этого дают, например, рассказ, свободные ассоциации.

Ж. Политцер не успел дать систему понятий, с помощью которых можно было бы производить анализ человеческой драмы. Для него важно лишь показать, что существует возможность выработать понятия, отвечающие требованиям конкретной психологии. Поэтому он ограничивается лишь рассмотрением некоторых примеров, например понятия идентификации у Фрейда. Политцер сравнивает его с понятием имитации в классической психологии. Имитация — это «немедленный переход от некоторого восприятия, зрительного большей частью, к движению, воспроизводящему то, что воспринималось». Подобное определение абстрагируется от смысла рассматриваемого акта, оно чисто формально, описывает его общее развитие. Напротив, идентификация по сути дела является актом, который обладает некоторым смыслом: речь идет именно о том, чтобы субъект уподобился кому-то или чему-то отличному от него. Здесь субъект не элиминирован, он неразрывно включен в понятие идентификации, которое становится не только действительной частью его жизни, но и ключом к целой серии способов поведения, которые можно понять лишь с ее помощью. Следовательно, идентификация является конкретным понятием: она взята из самой человеческой драмы, другими словами, она является сегментом жизни конкретного индивида.

Однако впоследствии Политцер резко критикует Фрейда: «Если инстинкты имеют органический, то есть материальный, источник, то из этого вовсе не следует, что всякое объяснение с помощью инстинктов является материалистическим в научном смысле этого слова». В самом деле, инстинкты имеют в качестве прямого органического источника индивидуальное тело, а объяснение исторических фактов с помощью инстинктов практически приводит нас к объяснению истории индивидуальной психологии, но не для того, чтобы отдать ей ее законную часть, а для того, чтобы превратить ее в определяющий фактор. Известно же, что механизм психоаналитических «комплексов» был использован Фрейдом также и для объяснения социальных и исторических фактов. Одной из теоретических заслуг психоанализа было, согласно Фрейду и его учеников, именно то, что он «революционизировал» общественные науки. Таким образом психоанализ был противопоставлен историческому материализму. Он высту-

пил против него сначала «бессознательно». Это было следствием его путаницы. Но тем самым он снова сомкнулся с реакционным идеологическим течением, и с тех пор этот аспект психоанализа систематически развивался. «Психоаналитическая социология» выступила против марксистской социологии.

Достаточно перелистать любую психоаналитическую работу, чтобы увидеть, к каким наивностям может привести «фрейдовская социология». Отметим только, что фактически Фрейд и его ученики на место реальных движущих сил истории поставили «комплексы». «Социология», к которой они пришли таким образом, обнаруживает идеализм, лежащий в основе этой доктрины.

Благодаря данному аспекту психоаналитических теорий, движение, связанное с Фрейдом, пришло не только к философской реакции, но и к реакции общественно-политической.

Как известно, Фрейд ввел в свою теорию сновидений различие между «открытым содержанием» и «скрытым содержанием». Метод толкования состоит в том, чтобы извлечь, исходя из сведений, данных субъектом, скрытое содержание из открытого содержания. Это выведение представляется как проникновение в глубины души субъекта, и именно из-за этого приема психоанализ рассматривается как «глубинная психология».

Различие между открытым и скрытым содержанием позднее было распространено Фрейдом не только на толкование невротических симптомов, но и на социологические и исторические темы. Таким образом, оно было применено также и к истории идей.

Но здесь психоанализ не способен постичь, каким образом фантастическое вначале отражение реального мира в человеческом сознании становится отражением все более и более верным. Он ищет в идеях не отражение реального мира, а отражение комплексов, понимаемых фактически, неисторически. Именно поэтому психоаналитики были вынуждены связывать общественные движения с «комплексами». Естественно, теория, претендующая на объяснение реальности, иллюзорна в той самой мере, в какой она зависит от психологического символизма. Применяя «психоаналитический метод» к общественным движениям, ученики Фрейда заменили реальное своими фантастическими объяснениями и воображаемыми причинами. Но этот аспект их теории пришелся и приходится по вкусу, в частности, всем тем, кто хочет «опровергнуть» научную социологию и бороться с социальным движением, на котором базируется эта социология. Именно в этом причина того успеха, которым пользуются в определенных кругах разного рода «психоаналитики» марксизма или социализма.

Именно здесь может быть вскрыта непоследовательность психоанализа, а также его антинаучность и тривиальность» [32, 365—366].

ТЕОРИЯ Л. СЭВА

Л. Сэв, французский философ и психолог, является представителем марксистской психологии за рубежом. Основные интересы Л. Сэва направлены на анализ личности; он является продолжателем идей Политцера. Сам Сэв говорит о том, что книга Политцера «Кризис современной психологии» была толчком к тому, чтобы он направил свои положения в русло марксизма. Однако окончательно он стал на этот путь после чтения трудов К. Маркса. Вот как пишет сам Л. Сэв об этом: «Но за то время в моих взглядах произошел еще один замечательный поворот, который не нашел еще своего отражения в указанных выше публикациях. Он был связан с чтением и внимательным изучением «Капитала» в 1953 г., в процессе которого я пытался, исходя из идей Маркса, ответить на сугубо психологические вопросы. В многочисленных черновых набросках я пытался определить специфическую область психологии личности, связанной с историческим материализмом, и, исходя из «Капитала», пришел к выработке некоторых существенных понятий» [39, 28].

Одним из основных положений Л. Сэва является разграничение понятий индивида и личности. Это положение совпадает со взглядами Политцера, который отмечал, что теория личности не может опираться на тезис о психологизации индивида.

Л. Сэв говорит о том, что индивид является генотипическим образованием, продуктом биологической эволюции: формирование индивида состоит в соотношении врожденных и приобретенных свойств, но это не личность. Личность является продуктом социально-общественного развития. Это положение Л. Сэва тесно перекликается со взглядами советских психологов (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин).

Индивиды имеют врожденные особенности конкретного субъекта. Каждый человек является продуктом биологической эволюции, и, конечно, компоненты биологической эволюции переформируются в индивид, но не личность. Личность, по мнению А. Н. Леонтьева, представляет собой продукт общественно-исторического и онтогенетического развития. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что «личность не изна-

чальная данность. Она формируется действуя, в ходе своей деятельности» [34, 515].

Второе важное положение Сэва заключается в его постулате, что личность не надстройка над индивидуумом. Л. Сэв отмечает, что если, «как пишет Маркс во «II тезисе о Фейербахе», человеческая сущность «не есть абстракт, присущий отдельному индивиду», а в своей действительности она есть «совокупность всех общественных отношений», то всякая психология, в обычном смысле слова пытающаяся найти секрет психики человека там, где его не может быть, а именно в индивидах, и объясняющая себя самой конкретной, не пропитана ли по существу спекулятивным гуманизмом и не остается ли неизбежно по эту сторону марксистской науки и истины?» [39, 39].

В этой сжатой характеристике показано, что личность — продукт не биологической эволюции, а общественно-социальных отношений, продукт исторического развития. Л. Сэв признает, что человек есть биологический индивид, но весь пафос его учения состоит в том, что в процессе своего развития личность человека освобождается от форм биологического индивида. Эти взгляды перекликаются с положениями А. Н. Леонтьева о том, что социальные потребности «отвязываются» от природных.

Личность, по Сэву, — это общественный продукт. И он прибегает к двум родам доказательств. Он обращается к *специфике истории человека и к ограничению развития жизни ребенка от жизни взрослого человека.*

Л. Сэв говорит о специфике истории человека, ее развитии на базе социальных отношений, но она не является надстройкой. Л. Сэв доказывает это на примере государства, которое является типичным надстроечным явлением. Что это означает? Государство является надстройкой, потому что оно обязано своим существованием социальным и классовым отношениям, от которых оно происходит. Человек развивается на основе биологической индивидуальности, которая является природной данностью, но процесс становления человека как личности, процесс его гомонизации является общественно обусловленным.

Сэв подчеркивает, что тезис Маркса о том, что «совокупность общественных отношений является реальной основой человеческой сущности», относится именно к сущности, которая в известной мере освобождается от биологической индивидуальности, и этому освобождению она обязана своим всесторонним развитием.

Каждый ребенок может стать личностью, лишь воспроизведя внутри собственного существования означенный переворот, т. е. переворот от биологического к социальному развитию. Иными словами, в человеке производится тот же пе-

реворот, что и во всем человечестве, т. е. переход к гоминизации.

Самое главное в учении Л. Сэва — это то, что сама необходимость переворота лежит вне индивида: она эксцентрирована и лишь затем интериоризируется.

Таким образом, взгляды Сэва на личность перекликаются со взглядами советских психологов. Отсюда сложное взаимоотношение социального и биологического в развитии человека. Задача психологии, по Сэву, — разобраться в этой проблеме.

Следовательно, речь идет не о том, чтобы пренебречь ролью биологического. Речь идет о том, что психологические данности являются продуктом предшествующего развития, что они преобразованы общественно. «Надо выработать иммунитет против самой губительной детской болезни — натурализма, что личность можно найти в индивидууме». И далее, «по той же причине, что ни один физиолог никогда не обнаружит стоимости рабочей силы в нервной клетке и ни один генетик никогда не найдет ее в хромосомах, — психолог не найдет секрет человеческой личности в индивидууме» [39, 329]. Для доказательства своего положения он приводит слова Маркса о том, что «так как меновая стоимость лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собою разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе... До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости» [3, 3, 92—93].

Остановимся на втором положении Л. Сэва о том, что личность является продуктом исторического развития, — на его тезисе о разграничении развития жизни ребенка и взрослого человека. Сэв подчеркивает, что в то время как психика взрослого диктуется производственными, базисными отношениями, психика ребенка структурируется хотя и общественными, но не существенными, не базисными отношениями; при этом Сэв подчеркивает, что несущественное не значит неважное; для ребенка они могут быть очень важны, но это не те отношения, которые играют базисную роль для развития взрослой личности, — они не базисные.

Эти взгляды Л. Сэва совпадают с положениями П. Я. Гальперина, утверждающего, что «ребенок до определенного возраста вообще считается не ответственным за свои поступки, за него отвечают его воспитатели, а он рассматривается как растущая, но еще не сложившаяся личность. И это очень хороший показатель того, что мы считаем личность не прирожденным, а формирующимся общественно-историческим образованием и отводим значительное время на процесс ее формирования» [17, 142—143].

Таким образом, мы видим, что идея развития личности, являющаяся ключевым положением советской психологии, полностью принимается Л. Сэвом.

Далее Л. Сэв настаивает на том, что структурирование психики ребенка связано со структурой развития личности его. Однако их основа не совпадает: для воспитания ребенка отправная точка — его индивидуальная биография, но не она сама является реальной основой развития личности. Л. Сэв считает так же, как А. С. Макаренко, что воспитание должно быть включено в общественные отношения.

Сэв замечает, что пора инфантильности является опорой, но не она определяет личность. Жизнь человека следует мыслить не в категориях плоской генетики, когда предшествующее принимается непосредственно за базу будущего. Г. М. Андреева, тоже пишет, что «понятие содержания и механизмов действия законов развития осуществляется только через деятельность людей» и что «конкретные люди, личности являются носителями общественных отношений» [5, 322].

Интересно отметить мнение Л. Сэва о путях развития психологии: он считает, что этот путь должен проходить не от исследования отдельных способностей к анализу целостной личности, а наоборот. Иными словами, путь развития общей психологии идет не от дифференциальной психологии к общетеоретической, а наоборот, развитие дифференциальной психологии зависит от развития основных положений общей психологии. В этом отношении его взгляды перекликаются с положениями Л. И. Анцыферовой, которая пишет: «Точно так же, как психология выделяет определенные психологические феномены и ставит перед физиологией задачу раскрыть механизмы этих явлений, так и учение об обществе — марксистская социология, — раскрывая закономерности общественного развития, указывает на специфику деятельности индивида в конкретно-исторических условиях общественно-экономической формации, класса, социальной группы и позволяет вычлениить те совокупности психических процессов, которые являются продуктом общественного существования человека и необходимы для регулирования его социально обусловленной деятельности» [6, 14].

Л. Сэв был противником редукционизма всех видов и мастей. По его мнению, психология экзистенциализма, которую ее приверженцы пытаются выдать за «новый гуманизм», оказывается далеко не такой. Л. Сэв отмечает, что атеистический экзистенциализм сыграл во время движения Сопротивления определенную роль, показав, что нет свободы в капиталистическом мире. Но экзистенциализм несостоятелен, когда он проповедует значение изолированного человека с его мнимой личностной свободой. Он выступает и против

структурализма (Леви-Стросс), сводившего человеческое существование к «безличным», «неосознаваемым» структурам. В этом Сэв усматривает влияние антропологизма.

Л. Сэв выступает и против волны эмпиризма, которая захлестнула западную психологию, и в этом отношении он солидаризируется с Олпортом, не принимая, однако, его методологическую позицию. Сэв четко и много раз об этом пишет.

Л. Сэв утверждает, что нельзя прагматически, равнодушно отнестись к эмпирическому исследованию; нельзя равнодушно отнестись к принципам теории личности. Надо судить об объективной значимости теории по политическому проекту, ибо «каждый политический проект имеет ту концепцию личности, какую он заслуживает». Подчеркивая, что эффективная разработка проблем психологии личности возможна только на основе научного анализа социально-экономической сущности человеческих отношений, Сэв указывает, что марксизм не сводит человеческую личность к самым социально-производственным отношениям, а рассматривает ее как живую систему, обладающую определенной социально-исторической структурой в ее индивидуальной жизни и действии, в ее драме, по выражению Ж. Политцера.

У Сэва это положение звучит так: «...базис развитой личности, такой, какой она становится к концу детства, в момент ее перехода к зрелому возрасту и в самом зрелом возрасте, неизбежно является структурой деятельности» [39, 470].

В теории Сэва есть еще одно положение, на котором следует остановиться: рассмотрение в качестве базиса личности структуры деятельности предполагает включение понятия времени. «Однако рассматривать базис личности как структуру деятельности — значит неизбежно рассматривать его как структуру, субстанцией которой является время, то есть как временную структуру, ибо только временная структура может соответствовать внутренней логике деятельности индивида, его воспроизводства и его развития. Различные типологии или характерологии, теории культурных моделей, динамика поля или психоанализ, несмотря на глубокие различия между ними, имеют тот общий момент, что рассматриваемые ими структуры являются вневременными структурами. Одни из них заключают в себе ту, в общем довольно наивную, ошибку, что считают, будто устойчивость психологических характеристик личности во времени может быть объяснена только на основе инвариантной природы, которая предполагается как биологическая, словно структурная идентичность во времени и невременной характер — это одно и то же. Если исходить из этого, то даже биологические процессы оказываются непостижимыми. Другие, имеющие более генетическую тенденцию, развивают идею формирования,

даже эволюции структур личности, однако подобная историзация остается чисто внешней и относится к структурам, не-историческим по своей сущности,—структурам, для которых время есть только место синхронного функционирования, но не поле диалектического развития. Так, например, основная личность в культурной антропологии или даже триединство «этого», «Я» и «сверх-Я» у Фрейда, которые считаются функциональными и созданными генетическим путем, сами по себе рассматриваются тем не менее как невременные. Мы же, напротив, пытаемся найти структуру самой деятельности, другими словами, диалектику ее развития во времени, представляющую собой единство ее структуры функционирования и ее закона исторического движения. Больше того, если диалектическая структура именно та, которую мы ищем, то есть структура реальной деятельности конкретного индивида, то она неизбежно является реальностью, с которой люди без конца имеют дело в своем существовании, а следовательно, практической реальностью, эмпирические аспекты которой хорошо видны, даже если выработка ее теории, построение ее топологии готовят нам большие трудности. Я выдвигаю гипотезу, что эта абсолютно фундаментальная и в определенном смысле всегда известная реальность есть использование времени» [39, 471—472].

Так как всякая развитая личность предстает перед нами с самого начала как нагромождение самых разнообразных актов, расположенных во времени, Л. Сэв предлагает рассматривать использование времени как реальный базис развитой личности, причем это время должно быть реальным временем.

По использованию реального времени (это использование может быть и осознанным, и неосознанным) можно проследить эмпирические формы жизни индивида. Л. Сэв подчеркивает, что рассмотрение понятия «использование времени» позволяет увидеть природу и значение потребности во времени. Потребность во времени — это обнажение противоречий между потребностями и условиями деятельности, общий фон которых составляет противоречие между ограничениями индивидуальности и характером сферы социального.

Индивид, как правило, не в состоянии свободно преобразовывать использование своего времени, как того требует рост его способностей, поскольку существующие общественные отношения навязывают ему извне объективную логику использования времени, против чего воля индивида совершенно беспомощна. Однако это не мешает рассматривать отношение ко времени и его конкретному использованию как один из важных показателей характеристики личности.

Рассмотреть кругооборот использования времени — значит проанализировать психологические проблемы равнове-

сия дня, недели, года. Эта мысль Сэва перекликается с высказыванием С. Л. Рубинштейна о том, что для человека не является случайным, внешним и психологически безразличным обстоятельством то, что всякий человек имеет своего рода историю своего «жизненного пути». Недаром также в биографию человека включают прежде всего, где и чему учился, где и как работал, его труды. Это значит, что в историю человека, которая должна охарактеризовать его, включают прежде всего то, что он пережил. В ходе этой индивидуальной истории бывают и свои «события», узловые моменты, поворотные этапы, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека.

Л. Сэв гипотетически предлагает также набросок использования времени в зависимости от отношения человека к социальной группе при капитализме. Так, у ребенка школьного возраста преобладает деятельность обучения. Это в основном конкретная деятельность с косвенной подготовкой к общественному труду. У студента преобладает обучение для будущей абстрактной деятельности (если ему не нужно работать, чтобы платить за обучение). У рабочего преобладает абстрактная деятельность. Четвертый пример — человек пожилого возраста, уже не работающий; наблюдается абсолютное преобладание деятельности потребления. Таким образом, Л. Сэв затрагивает проблемы этапов человеческой жизни и законов психологического роста человека, подчеркивая зависимость затрат времени от отношения человека к социальной группе.

Л. Сэв придает большое значение переходу от одной формы использования времени к другой. Он отмечает, что часто наблюдаются случаи, при которых человек может иметь в некоторый период времени на выбор несколько важных и неотложных актов. Такое их скопление само по себе говорит о противоречии в возможном использовании времени. Но при этом часто человек тратит время вовсе не на то, что необходимо и неотложно. Этот выбор, по Л. Сэву, является переходом к иной форме использования времени.

Поэтому Л. Сэв придает большое значение такому явлению, как *паузы* в использовании времени. Исследование пауз было бы полезно, как он считает, для рассмотрения самой сути личности. Он прямо указывает: «В концепции, предложенной нами, использование времени — базис личности — является, следовательно, системой временных отношений между двумя большими категориями деятельности, то есть главным образом конкретной личной деятельности и абстрактной социальной деятельности. Только глобально рассматривая использование реального времени, можно полностью понять проблемы, поднятые нами выше в связи с

анализом основных элементов, и увидеть возникновение новых проблем, которые невозможно обнаружить при помощи обособленного анализа начальных понятий. Так, рассмотрение понятия использования времени позволяет понять природу и значение абсолютно специфической потребности, которую невозможно постичь на другой основе, а именно потребности во времени. Здесь весьма типичным образом предстает одна из потребностей, целиком возникших в результате развития личности и являющихся структурным следствием использования времени, то есть потребностей, созданных в конечном счете объективным положением индивида в определенной системе общественных отношений» [39, 480].

Говоря о том, что базис личности коренится в общественно-социальных отношениях, Л. Сэв употребляет выражение «психологические надстройки», под которыми он понимает совокупность всех видов деятельности. Он указывает на то, что эти надстройки не являются механизмами, непосредственно способствующими производству и воспроизводству личности, а выступают в роли регулятора поведения. В связи с этим Л. Сэв поднимает вопрос о понятии регуляции. Он говорит о том, что существуют разнообразные уровни регуляции, прежде всего спонтанные регуляции. Л. Сэв упоминает об уровне регуляции в виде чувств и переживаний, о котором пишет П. Жане.

Другой уровень (более высокий) регуляции Л. Сэв связывает с *желательным использованием времени* (курсив Л. Сэва). Сэв подчеркивает, что «анализ расхождений, напряженности, противоречий между желательным использованием времени и реальным использованием времени может быть одним из психологических исследований, наиболее способных показать саму сущность отдельной личности» [39, 495]*.

Л. Сэв высказывает мысль, что помимо спонтанной регуляции деятельности следует рассмотреть уровень произвольной (в терминологии Л. Сэва—«добровольной») регуляции, которую он тоже связывает с использованием времени.

Сэв останавливается на необходимости различать спонтанную регуляцию и произвольную. Последняя формируется под влиянием общественных отношений. Они могут вступить в противоречие, но это противоречие не врожденное. «Надстроечные психологические противоречия между спонтанными регуляциями и добровольными регуляциями, между актом привлекательным и актом желательным не являются врожденными противоречиями, как это считает мистификаторская идеология метафизического противоречия между «природой» и «культурой», «индивидом» и «обществом»;

* Это положение Л. Сэва явилось основой для методики, предложенной С. Я. Рубинштейн [35].

они суть, несмотря на свою относительную специфику, отражение базисных противоречий между конкретной личностью и абстрактной личностью, между самовыражением и отчужденным трудом, то есть в конечном счете они также являются классовыми противоречиями» [39, 497].

Таким образом, основные положения Сэва перекликаются с положением Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, что психология имеет свой предмет — предметную деятельность. Социально-общественные отношения являются механизмом, порождающим личность. Ее особенности являются результатом присвоения, приобретения жизнедеятельности. Об этом говорит и А. Н. Леонтьев: «Основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром» [27, 209].

Мы остановились на некоторых, на наш взгляд, важнейших направлениях теорий личности в зарубежной психологии. Как мы уже указывали выше, в качестве одного из критериев выбора той или иной теории являлась ее значимость для практики. Однако не менее значимым был и другой критерий — критерий методологического характера: учет влияния анализируемой теории для развития психологической науки.

Остановимся на первом критерии. Наибольшее применение в практике получила теория психоанализа З. Фрейда. Множество психотерапевтических направлений, техника классического психоанализа, направленная на выявление катарсиса у невротиков, различные виды психотерапевтических приемов, как индивидуальных, так и групповых, основывались на теории З. Фрейда и неофрейдистов.

В основе этой психотерапии лежит идея о том, что психологическая мера защиты (проявляющаяся в виде «вытеснения», «выпадения», «проекции», «сублимации» и т. п.) является средством избавления от тех фрустрирующих конфликтных ситуаций, которые возникают у человека как следствие борьбы сознания с враждебными ему «бессознательными» влечениями. Теории личности, отколовшиеся от учения Фрейда (теория Адлера), тоже нашли выход в практику психотерапии, заключающийся в выявлении спонтанной компенсации и сверхкомпенсации.

По существу, на теории З. Фрейда строится и психотерапия Э. Фромма. По его мнению, причиной возникновения невроза является наличие тяжелого невыносимого чувства отчуждения. Последнее приводит к мазохистскому характеру, агрессивным тенденциям. При конформистском характере поведения и невротика появляются навязчивые желания, которые тоже являются симптомами отчуждения человека.

Предлагаемая Фроммом терапия заключается в том, чтобы человек осознал свойственное ему неодолимое желание бежать от «негативной свободы», осознавал свое подавленное стремление к продуктивному способу бытия. Это может быть достигнуто, по мнению Фромма, с помощью метода толкования свободных ассоциаций, применяемого Фрейдом для анализа и исследования сновидений, остроумия, прочиток, описок, забывания.

Как мы говорили выше, Фромм считал, что общество есть сумма индивидов, поэтому излечение неврозов означает и лечение больного общества. Свою терапию он и называл социальной терапией общества. Иными словами, идеи Фромма приводят к подмене революционной борьбы психоаналитическим методом терапии.

Для своей концепции неврозов Фромм заимствует из психоанализа Фрейда схему вытеснения, понятие «защитные механизмы», понятие «бессознательное». Вместе с тем в предлагаемой терапии неврозов он также использует категории экзистенциализма: категорию отчуждения, противопоставление подлинного и неподлинного бытия.

Психотерапия, проводимая советскими психотерапевтами (С. И. Консторумом, М. Е. Бурно, В. Е. Рожновым и др.), основывается на иных принципах. Признавая существование бессознательного, защитных механизмов, они не сводят их к проявлению антагонизма между сознанием и бессознательным [36], они стремятся противопоставить нарушенной системе мотивов, желаний другие, более высокие, обладающие иной эмоциональной напряженностью мотивы и желания.

Вышеописанные взгляды Фрейда привели к неправильно-му толкованию наблюдаемых явлений. З. Фрейд правильно подметил важный факт, что пациенты часто сопротивляются психотерапевтическим приемам. Это глубоко верное наблюдение, однако неправильно интерпретируемое. Исходя из своей теории, он говорит о «переносе», «идентификации» как средстве избавления от конфликтной ситуации. Как верно указывают В. Е. Рожнов, М. Е. Бурно, действительно такое сопротивление имеет место, однако в механизмах контакта переплетаются сознательное и неосознаваемое переживания, связанные со всем жизненным путем больного. «Механизмы контакта возникают из реальных, существующих или существовавших в прошлом потребностей» [36, 65].

Психотерапевтические приемы должны основываться на реально существующем содержании конфликта, а не на поисках «глубинных», уходящих в прошлое не только самого человека, но и человечества механизмов.

Не меньшее значение оказали на практику психотерапии идеи гуманистической психологии, особенно идеи К. Роджерса [92], состоявшие в декларации о необходимости повышения самооценки человека, его самоуважения. Можно сказать, что идея об индирективной психотерапии К. Роджерса представляла собой центральное ядро его общего учения о личности; именно его понимание психотерапии представляет собой частный случай более общего мировоззренческого понимания отношений людей, его положения, что личность может развиваться только в условиях гибкой самооценки, строящейся на самоуважении.

Для большего уточнения вспомним еще раз, что, по мнению К. Роджерса, «Я-концепцию» составляют такие элементы, как представление о своих характеристиках и способностях, представление о себе в отношении с другими людьми и окружающей средой, ценности, которые приписываются тем или иным предметам и опыту, цели и идеалы, которые имеют позитивную или негативную валентность [94].

К. Роджерс указывает на то, что большое влияние имеет и эмоциональная оценка личности на формирование самооценки.

Вместе с тем К. Роджерс указывает, что представление о себе может быть дано как в виде системы самовосприятий, допущенных в сознание, так и в виде бессознательных представлений, которые тем не менее оказывают влияние на поведение личности.

Таким образом, К. Роджерс выделяет как бы два уровня самооценки — осознанный и бессознательный. О разграничении самооценок на осознанном и бессознательном уровнях говорит и Олпорт, когда пишет о существовании «чувства телесного «Я», и подчеркивает его значение для общего образа «Я», т. е. самооценки.

Большое влияние оказали на практику психотерапии и взгляды А. Маслоу [85] — его положение о том, что потребность к самоактуализации приводит к тому, что человек не должен вырабатывать способы защиты от окружающего мира, а что у него должно актуализироваться адекватное восприятие мира и других людей. Только при актуализации потребностей общения с другими людьми актуализируется и творческая способность человека. Только правильно воспринимая окружающий мир, человек осознает и себя. Характерной особенностью невротика является именно то, что регуляция поведения у него слабо выражена, его требования к миру неадекватны: в то время как сам он миру ничего не дает, он требует от других людей одобрения. Цель психотерапии и состоит в том, чтобы помочь человеку в невротическом состоянии проявить свои возможности, помочь ему регулировать свое поведение; фиксация своих переживаний должна уступить место направленности на более широкие цели. Таким образом, психотерапия должна быть направлена не на выработку мер защиты себя от окружающего мира, а на то, чтобы человек был готов «к полному использованию и развитию своих талантов, способностей, потенциальностей» [85, 200].

Психотерапия должна вызывать у человека потребность к созидательному труду; труд обеспечивает, по мнению Маслоу, психическое здоровье человека. Однако, говоря о роли труда в оздоровлении личности, Маслоу, как мы уже указывали выше, абстрагируется от классовой обусловленности

ценностей, ради которых человек трудится; он не мог усмотреть того, что труд только в условиях социалистического общества становится источником развития личности и ее психического здоровья.

Для психотерапевтической практики имела большое значение «теория ролей». Основное ядро этого учения состоит, как говорилось выше, в том, что развитие личности происходит в общении с другими людьми, в принятии некоего ролевого поведения. Человек, согласно представлениям этой теории, выступает в виде какого-то «носителя» определенной социальной роли. Способ поведения как носителя нормативов общества определяется ролевой позицией человека. Положения этого направления тоже проникли в практику психотерапии. В настоящее время существует много психотерапевтических групп: Т-группы (группы поведения), игровые группы для взрослых и детей. Не останавливаясь на конкретном содержании этих групп (они описаны во многих учебниках и монографиях по социальной психологии), мы хотим лишь еще раз указать на аморфность теоретических позиций, лежащих в основе теории ролей. Поэтому и установка терапии, основанной на теории ролей, носит прагматический характер. Совершенно правильно указывает М. Г. Ярошевский, говоря, что «из поля категориального зрения Мида выпала личность как особая психическая реальность. Она исчезла в пестром мелькании формул ролевого поведения, переходящих на социальном форуме от одного индивида к другому» [47, 303]. Однако вопрос о возможности коррекции неправильного представления себя, о неадекватной позиции личности и вопрос о том, что возможна коррекция на уровне социального общения и поведения, был поставлен представителями теории ролей. Вопрос о границах такой терапии должен стать предметом особого обсуждения.

Как было сказано выше, мы руководствовались при выборе изложенных теорий и тем влиянием, которое они оказали на психологию в методологическом аспекте. Нам хотелось показать, что теории, базирующиеся на фрейдистских положениях (теории Хорни, Фромма, Салливена), продолжали по существу биологизаторскую концепцию Фрейда, несмотря на их декларацию о социологизации его учения. По существу, эта линия не могла (несмотря на возможно субъективное желание самих ученых) преодолеть сущность ортодоксального Фрейда об антагонистическом противопоставлении личности и общества. Более того, эти теории, являясь мимикрией фрейдизма, оказали большое влияние на умы психологов, чем само его ортодоксальное учение. Не обладая методологией диалектического материализма, зарубежные психологи часто не могли усмотреть, что в основе неопределенности Фрейда об антагонистическом противопоставлении личности и общества лежит та же биологизаторская детерминация личности.

Особенно четко это проявилось в их понятии самооценки или «Я-концепции», которую они рассматривают как некую саму по себе изначальную структуру. Взяв за основу положение о наличии бессознательного восприятия мира, они полагают, что представление о себе, самооценка могут адекватно быть проявлены только в результате психотерапии (идеальное «Я» у Адлера, «представление о себе» у Роджерса, Хорни). Они не смогли понять того, что отдельные эмпирические данные, полученные ими путем опроса, не могут служить основанием для определения сложной структуры самооценки.

Советские ученые доказывают, что самооценка является итогом развития самосознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и миру (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев). А. Н. Леонтьев указывал, что осознание своего «Я» является не знанием своих свойств, а осознанием себя в системе общественных отношений [27]. А. А. Бодалев [12], И. С. Кон [25] говорят, что «Я-образ» — это определенное отношение к себе, что оно носит характер социальной установки. Об этом говорит и Ф. В. Бассин [10], когда он указывает, что переживание, возникнув, перестраивает наше поведение, оно продолжает жить, даже когда мы перестаем фиксировать на нем свое внимание.

Методологический аспект теории неопрейдизма особенно четко выявляет свою ложную позицию, сводящую всю сложность формирования какого-нибудь явления к постулированию ее врожденной имманентности. В анализе категории самооценки проявляется отсутствие диалектического социально-исторического подхода этой концепции. Психическое явление анализируется вне идеи развития.

Методологическая несостоятельность при анализе самооценки или «Я-образа» выявляется также у представителей гуманистической теории. Например, теория самоактуализации А. Маслоу, отрицание им положения Фрейда о том, что агрессивные тенденции являются фактором развития личности, положения о социальной природе, человеческих потребностях, призыв К. Роджерса к необходимости индирективного отношения между людьми, положение Г. Олпорта о «человеке, как открытой системе», т. е. положение о неразрывной социальной связи человека и общества, на первый взгляд действительно импонируют как созвучные положениям советской психологии. Следует также отметить, что при анализе движущих сил человеческой деятельности представители этого направления не придерживаются взглядов гомеостазиса. Они не считают, что венцом развития личности является установление равновесия внутренних борющихся сил, а, наоборот, они считают, что становление, развитие личности носит непрерывный характер. В этом заключается «рацио-

нальное зерно» их положений. Однако в целом позиция «гуманистической психологии» носит антиисторический и антидиалектический характер. Личность как бы сосуществует для них наряду с обществом. Изменяя личность, мы, по их мнению, меняем и общество. Исходя из положений марксистской философии, советские психологи считают, что личность не является самостоятельно существующим наряду с обществом явлением, как это представлено в исследованиях Маслоу и других представителей гуманистического направления. Хотя последние выдвигают идею социального чувства самоактуализации в качестве основного ядра личности, но саму тенденцию к самоактуализации они по существу антропологизируют, признавая ее как врожденное свойство человека.

Неприемлемым является и объяснение механизмов и причин, приводящих к самоактуализации. По мнению Маслоу, такой причиной является отчужденность человека от людей, невозможность самореализации. (В этом отношении взгляды Маслоу перекликаются со взглядами Фромма.) Таким образом, причины, характерные для структуры классового капиталистического общества, принимаются за общую причину развития или искажения личности.

Большое значение приобрели в становлении психологии взгляды «понимающей» и «экзистенциалистской» психологии. Представители этого течения внесли свою лепту в борьбу с явлениями позитивизма в психологии. Как известно, показания представителей позитивистов (Конт, Спенсер) сводились к тому, что они противопоставляли себя как идеализму, так и материализму, утверждая, что их учение «возвышается» над ними. Роль науки сводилась к описанию и систематизации эмпирических фактов. Как известно из истории психологии, позитивизм приводит к голому прагматизму. Представители прагматической тенденции (Джемс, Дьюи) отрицают познание объективной истины. Истина, по мнению прагматиков, — это то, что приводит к успеху в индивидуальной жизни человека.

Критерием истинной природы вещей является их полезность для человека, причем к истинной природе могут относиться и фантазия и суеверие. По их мнению, наука не раскрывает свойств явлений. Метод науки подменяется методами выгоды средств и цели. По мнению представителей прагматизма, интеллект является лишь средством адаптации, а не познания. Если раньше в эпоху Декарта, Спинозы, Дидро буржуазия прославляла разум, то сейчас разум принижается. Роль идеен в сознании отрицается. Прагматизм является проявлением иррационализма, этим самым он направлен на подрыв революционной теории марксизма.

Согласно учению прагматизма, задача науки состоит не

в том, чтобы познать мир; важным являются, как мы говорили выше, эмпирические данные опыта, практики. Однако практика понимается ими не в марксистском смысле. В марксистском понимании практика носит общественный характер, это процесс воздействия на объективный мир. Понятие практики связано у марксиста с признанием существования внешнего мира, объективных законов о природе и обществе, в соответствии с которыми и развивается общественная человеческая деятельность. Для прагматиков же практика равнозначна успеху.

Встает вопрос о том, как же философия прагматизма влияет на судьбу отдельных наук? Какой дисциплине они навязывают свои закономерности? В каких научных областях наиболее сильно их влияние? Если раньше прагматизм в основном пытался опираться на законы физики (механицизм), то современный неопозитивизм широко использует данные таких наук, как лингвистика, логика.

Философия прагматизма нашла свое отражение в бихевиоризме и необихевиоризме. Представители этого направления считают, что развитие всех наук должно идти по пути естественных. При этом наука должна базироваться не на теории, а на эмпирических фактах, а главное, специфика поведения человека должна учитываться в понятиях «стимул — реакция». Последнее положение вызвало негативную реакцию со стороны многих психологических школ, особенно «понимающей психологии» и психологии экзистенциализма, которые восстали против того, что из научной психологии выпадают исследования таких разделов, как человеческое мышление, сознание, а главное — личность, что психологи позитивистского и неопозитивистского направления перестали изучать «человеческое в человеке».

Представители «понимающей психологии» (В. Дильтей, Э. Шпрангер) стремились, как описано выше, показать, что человека можно понять только из истории, но дело-то в том, что саму историю они рассматривают идеалистически — как историю духа; иными словами, в истории люди являются, по их мнению, носителями духовных ценностей.

Правильно выступая против позитивизма в психологии, вскрывая его беспомощность в преодолении того тупика, в который вошла атомистическая психология, представители понимающей психологии не смогли раскрыть истинного содержания духовной жизни человека, они не смогли также раскрыть качественное изменение ценностей, которые присущи психическому развитию человека, так как сами стояли на субъективно-идеалистической позиции. Они не видели того, что основным механизмом развития психики является усвоение и присвоение социально-общественных форм деятельности.

В хрестоматии по истории психологии П. Я. Гальперин и А. Н. Ждан правильно указывают, что у представителей понимающей психологии звучала мысль о недостаточности механистического подхода к психологии человека, однако их попытка «пойти в психологии по линии соотнесения структуры отдельной личности с духовными ценностями общества» не открывала адекватного пути для изучения психики человека, так как развитие высших психических функций представлено в ней как чисто духовный процесс, а «сами сферы культуры возникают в силу чисто духовного процесса, внутреннего самодвижения духа» [18, 258].

Не менее резко выступала против неопозитивизма экзистенциалистская психология. Представители этого направления заострили внимание на том, что основным в развитии личности является собственное «видение мира». Поэтому и воздействовать на поведение человека, на его поступки можно, только учитывая это основное видение, учитывая его от-рефлексируемые переживания. Этим самым экзистенциалистская психология противопоставила себя неопрейдистскому учению о преимущественном значении бессознательного.

Однако под видом борьбы с позитивизмом, неопрейдизмом экзистенциалистская психология уводит от поисков причины и детерминации человеческого поведения. Указывая на это, М. Г. Ярошевский правильно утверждает, что экзистенциализм обрывает «связь со всей могучей традицией изучения человека, которой психология обязана своими лучшими достижениями. Утверждается связь с другой традицией — религиозной» [47, 317].

Экзистенциализм оказал большое влияние на искусство, литературу капиталистического мира, в которых звучат отголоски признания личности как некоей иррациональной сущности. Против всех приведенных идеалистических направлений психологии выступили представители французской социологической школы (П. Жане, Ж. Ньюттен). Мы показали, что основным положением этого направления является мысль о связи психики и поведения человека, что именно психическое является регулирующим звеном в деятельности человека. Жане настаивает на том, что отдельные психические процессы, такие, как память, мышление, являются различными формами регуляции человека. Жане подчеркивает, что поведение человека всегда детерминированно внешним миром. Жане поднял даже вопрос о том, что психические процессы являются интериоризацией практического действия [79].

Таким образом, Жане поставил проблему о необходимости преодоления разрыва психики и поведения, необходимости преодоления функционального подхода к психике человека.

Продолжателем прогрессивной линии исследований П. Жане был, как мы показали, Ж. Ньюттен. Заслугой концепции Ж. Ньюттена является то, что он пытался объяснить поведение человека, исходя из категории мотивации. Своими исследованиями он наносит удар по разным видам редукционизма. Ньюттен и Жане утверждали, что объективный мир не только не противостоит «Я», но именно объективный мир формирует и определяет содержание поступков человека.

Заслугой Ж. Ньюттена является и то, что он настаивал на необходимости экспериментального метода при исследовании поведения человека. Отдавая долг клиническому методу, Ньюттен подчеркивает, что поведение, поступки человека не могут изучаться в том же аспекте, как физиологические реакции, т. е. использованием наблюдения; необходимо усмотреть, как меняется поведение человека при изменившихся условиях. Далее он утверждает, что именно экспериментальный метод показывает невозможность использования данных патологических отклонений для изучения психики здорового человека.

Ньюттен говорит о том, что методологическая проблема психологии связана с вопросом о природе и причинах поведения человека. Экспериментальный метод способен осуществить этот контроль.

Вместе с тем Ньюттен придерживается того мнения, что основные потребности являются врожденными. Точно так же он отрицает тот факт, что сознание является образом объективного мира. Сознание он определяет как факт непосредственной презентации субъекту внешнего мира.

Концепция, которая принимает социальные потребности (независимость, любовь, дружбу, уважение и т. д.) и духовные потребности (философские, нравственные) как врожденные, ненамного отличается от редукционистских концепций.

Таким образом, все рассмотренные нами теории личности либо основываются на неправильной методологической основе, либо отличаются непоследовательностью своих позиций.

Мы остановились также на марксистски ориентированных теориях Ж. Политцера и Л. Сэва, которые исходят из положений марксистско-ленинской философии. Влияние этих теорий значительно возрастает, они находят свое отражение во многих публикациях, показывающих, что личность развивается в социальном сообществе людей и трудовой деятельности. Советские психологи, заложившие основу учения о личности, исходят из положения марксистско-ленинской философии о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [3, 3, 3]. Вместе с тем следует согласиться с замечанием М. Г. Яро-

шевского, что «из марксистского учения о социальной сущности личности отнюдь не следует отрицание значимости ее интимно-психологических структур... Поэтому, придавая решающее значение включениям личности в общественно-экономический контекст, марксистская философия утверждает значимость ее психологического аспекта» [47, 428].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, 588 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
4. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.
5. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980, 414 с.
6. Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974, 359 с.
7. Анцыферова Л. И. Некоторые вопросы исследования личности в современной психологии капиталистических стран. — В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974, 278—318 с.
8. Анцыферова Л. И. (ред.) Принцип развития психологии. М., 1978, 368 с.
9. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976, 157 с.
10. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968, 467 с.
11. Бассин Ф. В. Фрейдизм в свете современных научных дискуссий. Вопросы психологии. 1958, № 5, 6.
12. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965, 112 с.
13. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, 460 с.
14. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956, 518 с.
15. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960, 499 с.
16. Выготский Л. С. Дефект и сверхкомпенсация. — В кн.: Умственная отсталость, слепота и глухонмота. М., 1927, с. 51—76.
17. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976, 150 с.
18. Гальперин П. Я., Ждан А. Н. (ред.) Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, 296 с.
19. Гершуни Г. В. Общие результаты исследования деятельности звукового анализатора при помощи разных реакций. — Журнал высшей нервной деятельности, 1957, вып. 1.
20. Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.
21. Дубинин Н. П. Популяционная концепция и типологическое мышление в проблеме человека. — Вопросы философии, 1975, № 10, с. 75—86.
22. Жане П. Некрозы и фиксированные идеи. СПб., 1903.
23. Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М., 1981, 117 с.
24. Клеман К. Б., Брюно П., Сэв Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976, 282 с.
25. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1938, 366 с.
26. Левитов Н. Д. Психическое состояние агрессии. — Вопросы психологии, 1972, № 6, с. 168—172.
27. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, 302 с.
28. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965, 571 с.
29. Мегребян А. А. Общая психопатология. М., 1972.
30. Новое учение об апраксии, афазии и агнозии. Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.—Л., 1934.

31. Пирковский Р. П., Роговин М. Р. Пьер Жане (к 100-летию со дня рождения). — Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1961, т. 61, вып. 3, с. 449—456.
32. Политцер Ж. Избранные философские и психологические труды. М., 1980, 373 с.
33. Рощин С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980, 303 с.
34. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
35. Рубинштейн С. Я. Использование времени как показатель осознаваемых и неосознаваемых мотивов личности. — В кн.: Бессознательное, т. III. Тбилиси, 1980.
36. Руководство по психогерапии. Под ред. В. Е. Рожнова. Ташкент, 1979, 633 с.
37. Свядощ А. М. Неврозы и их лечение. М., 1971.
38. Славина Л. С. Дети с аффективным поведением. М., 1966.
39. Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, 581 с.
40. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Спб., 1923.
41. Флоренская М. А. Социологизация фрейдизма в теории развития личности К. Хорни и Г. Салливена. Автореф. канд. дисс. М., 1975.
42. Шорохова Е. В. (ред.). Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974, 348 с.
43. Шорохова Е. В. Психологический аспект проблемы личности. — В кн.: Современная психология в капиталистических странах. М., 1963, с. 147—202.
44. Эфроимсон В. Родословная альтруизма. — Новый мир. 1971, № 10.
45. Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1967, 97 с.
46. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1976, 462 с.
47. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1974, 447 с.
48. Adler A. Individual psychology. — In: Lindzey G., Holl C. (Eds.) Theories of Personality. N. Y., 1965, p. 97—104.
49. Adler A. Über den nervösen Charakter, 3-te Aufl. München, 1919.
50. Adler A. Praxis und Theorie der Individual-Psychologie. München, 1927.
51. Adler A. Individual-psychologie. — In: Saupé E. (Ed.) Einführung in die neue Psychologie. 4-te, 5-te Aufl. München, 1931.
52. Allport G. W. Personality and Social Encounter. N. Y., 1960.
53. Allport G. W. The open system in personality theory. — J. of abnor. and soc. psychol. 1960, v. 61, N 3.
54. Allport G. W. The general and unique in psychological science. — J. of person., 1962, v. 30, N 3.
55. Allport G. W. Traits revisited. — Amer. psychol., 1968, v. 21, N 1.
56. Allport G. W. Motivation in personality. repl. to Mr. Bertocci. — Psych. Rev., 1940, v. 47.
57. Allport G. W. Personality: normal and abnormal. — In: Personality and social encounter. Boston, 1960.
58. Allport G. W. Becoming. Basic Considerations for a Psychology of Personality. New Haven, 1955, p. 49.
59. Buytendijk J. J. Allgemeine Theorie der menschlichen Haltung und Bewegung. Berlin, 1956.
60. Booley S. H. The roots social knowledge. — Amer. J. of Sociol., 1926, v. 33.
61. Erikson E. Dimensions of New Identity. N. Y., 1974.
62. Erikson E. Childhood and Society. N. Y., 1967, 631 p.
63. Erik Erikson: The Quest for Identity. — Newsweek, 1970, p. 46—51.
64. Freud S. Collected Papers. N. Y., 1939, p. 280—282.
65. Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. Standard Edition. London, 1955, v. XVIII.
66. Freud S. Zur Psychotherapie der Hysterie. Gesamte Werke. London, 1952.

67. Freud S. Das Unbewusste. Gesamwelte Werke, Bd. X. London, 1948, 5265 p.
68. Freud S. Die Traumdeutung, Bd. II—III. London, 1948.
69. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. London, 1974, 521 p.
70. Fromm E. Escape from Freedom. N. Y., 1964, 320 p.
71. Fromm E. The Save Society. New York — Toronto, 1955.
72. Fromm E. Men for himself. N. Y., 1947.
73. Hickman C. A., Kuhn M. Individuals and economic behavior. N. Y., 1956.
74. Horney K. The Neurotic Personality of our Time. N. Y., 1937.
75. Horney K. Our Inner Conflict. N. Y., 1946.
76. Janét P. De l'angoisse à l'extase. Paris, 1928.
77. Janét P. L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris, 1928.
78. Janét P. Les obsessions et la psychasthénie. Paris, 1919.
79. Janét P. L'évolution psychologique de la personnalité. Paris, 1929.
80. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. Berlin, 1923, 458 s.
81. Jung C. Bewusstes und Unbewusstes. Frankfurt—Hamburg, 1957.
82. Jung C. Psychologische Typen. Zürich, 1921.
83. Jung C. Seelenprobleme der Gegenwart. Leipzig—Stuttgart, 1931, 326 p.
84. Maslow A. H. A theory of human motivation.—Psycholog. Rev., 1943, v. 50, N 4.
85. Maslow A. Motivation and Personality. N. Y., 1954, 382 p.
86. Maslow A. H. Toward a humanistic biology.—Amer. Psycholog. 1969, v. 24, N 8.
87. Maslow A. Some Basic Propositions of a Growth and Self-Actualization Psychology.—In: Gall C., Lindzey G. (Ed.) Theories of Personality. N. Y., 1965, p. 307—316.
88. Mead G. H. Mind, self, society. Chicago, 1934.
89. Mead G. H. On Social Psychology. Chicago — London, 1965, 358 p.
90. Miller N., Dollard J. Social learning and imitation. New Haven, 1941.
91. Nuttin J. Tâche réussie et échec. Théorie de la conduite humaine. Paris — Amsterdam, 1953, 530 p.
92. Rogers C. R. Client-Centered Therapy. Boston, 1951.
93. Rogers C. R. Client-Centered Therapy: the current practice, implications and the Theory. Boston, 1951.
94. Rogers C. R. A Theory of Therapy, Personality and Interpersonal Relationships, as Developed in the Client-Centered Framework.—In: Lindzey G., Hall C. (Ed.) Theories of Personality. N. Y., 1965, p. 469—477.
95. Rogers C. R. Some observations on the organization of personality.—Amer. Psychol., v. 2, 1947, p. 358—368.
96. Spranger E. Lebensformen. Halle, 1922, 403 p.
97. Sullivan H. S. The collected Works of Harry Stack. N. Y., 1965.
98. Sullivan H. S. The interpersonal Theory of Psychiatry. N. Y., 1963.
99. Strauss E. Über Sinn der Sinne. Berlin, 1950.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ ФРЕЙДИЗМА И НЕОФРЕЙДИЗМА	6
Теория З. Фрейда	6
Теория К. Юнга	12
Индивидуальная психология А. Адлера	14
Теория К. Хорни	18
Теория Г. Салливена	21
Теория отчуждения Э. Фромма	26
Эпигенетическая теория Э. Эриксона	30
Теория фрустрации	35
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ	37
Теория К. Роджерса	38
Теория Г. Олпорта	42
Теория самоактуализации А. Маслоу	52
Теория ролей	57
ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИ- ХОЛОГИИ	63
«ПОНИМАЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ» Э. ШПРАНГЕРА	71
ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ	83
Теория П. Жане	83
Теория Ж. Ньюттена	89
ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ В МАРКСИСТСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ	98
Теория Ж. Политцера	99
Теория Л. Сэва	106
Заключение	115
Литература	125

БЛЮМА ВУЛЬФОВНА ЗЕЙГАРНИК

ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Заведующая редакцией Г. С. Ливанова. Редактор Г. П. Баркова.
Мл. редактор Е. А. Гаражнев. Художник Ю. Л. Захаров. Художественный редактор Ю. М. Добрянская. Технический редактор Э. С. Кондрашова. Корректоры Н. В. Тютинина, С. Ф. Будаева.

Тематический план 1982 г. № 24. ИБ 1377

Сдано в набор 15.10.81. Подписано к печати 03.03.82. Л-80562. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,49. Тираж 30 000 экз. Заказ 1779. Цена 30 коп. Изд. № 1914.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. Москва, 103009, ул. Герцена, 5/7.
Типография № 8 Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгосизполкома, Москва, Товарищеская ул., 4.